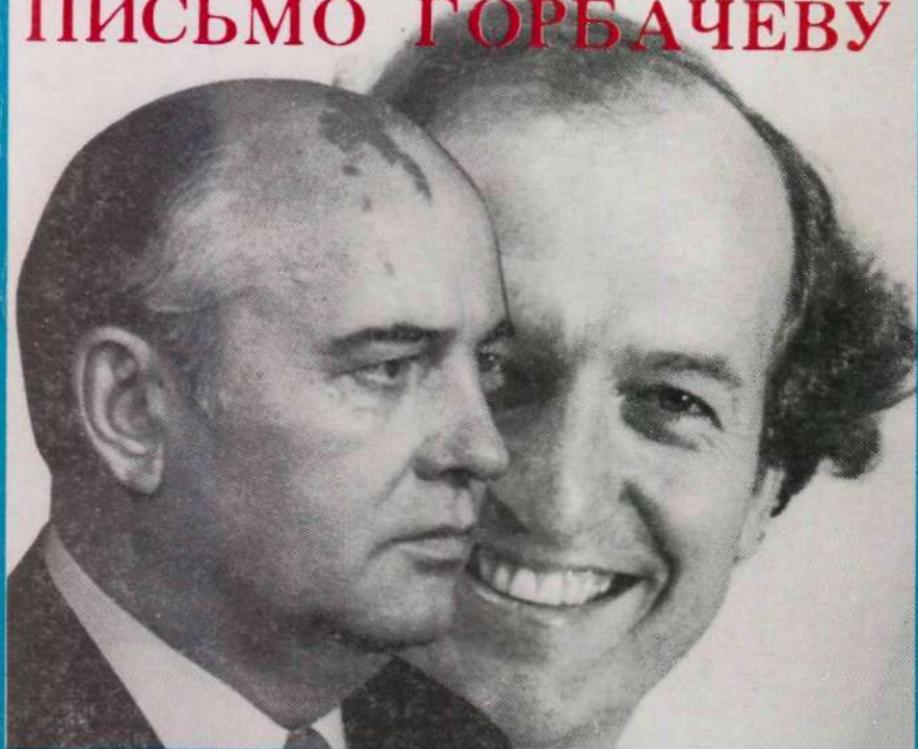

ВРЕМЯ ШЛЫ 93 1986

РЕДАКТОР "НЬЮ-ЙОРК ТАЙМСА" КРЭЙГ УИТНИ:
ПИСЬМО ГОРБАЧЕВУ

ВРЕМЯ И МЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОБЛЕМ

Двенадцатый год издания

Выходит один раз
в два месяца

93
1986

НЬЮ-ЙОРК — ИЕРУСАЛИМ — ПАРИЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВРЕМЯ И МЫ" — 1987

**ИЗДАТЕЛЬ И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ВИКТОР ПЕРЕЛЬМАН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ВАГРИЧ БАХЧАНЯН	ВОЛЬФГАНГ ЗЕЕВ РУБИНЗОН
ЮРИЙ БРЕГЕЛЬ	ИЛЬЯ СУСЛОВ
ДЖОН ГЛЭД	МОРИС ФРИДБЕРГ
АРОН КАЦЕНЕЛИНБОГЕН	ВЛАДИМИР ШЛЯПЕНТОХ
ЛЕВ НАВРОЗОВ	ЕФИМ ЭТКИНД
ГРИГОРИЙ ПОЛЯК	

Израильское отделение журнала "Время и мы"
Заведующая отделением Дора Штурман
Адрес отделения: Jerusalem, Talpiot mizrach, 422/6

Французское отделение журнала "Время и мы"
Заведующий отделением Ефим Эткинд
Адрес отделения: 31 Quartier Boieldieu, 92800
PUTEAUX, FRANCE

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

<i>Джеймс ДЖОЙС</i>	
Сирены	5
<i>Геннадий ХАЗАНОВ</i>	
Зашитое общество.	53
<i>Михаил ГОРОДИНСКИЙ</i>	
Генерал Бархударов и другие.	66
<i>Алла ТУМАНОВА</i>	
Читайте, завидуйте.	77

ПОЭЗИЯ

<i>Иван ЖДАНОВ</i>	
Одна душа на всех.	87
<i>Борис ГРИГОРЬЕВ</i>	
Юдоль моя, квартира городская.	94

ПУБЛИЦИСТИКА. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТИКА

<i>Крэйг УИТНИ</i>	
Письмо Горбачеву.	100
<i>Борис СЕГАЛ</i>	
Синдром хама, или конец нашей цивилизации.	114
<i>Ефим ЭТКИНД</i>	
"Молюсь за тех и за других".	130

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

<i>Зелик ФРИШЕР</i>	
Американская медицина	145

ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

<i>Алла КТОРОВА</i>	
Черное и серое.	164
<i>Владислав ХОДАСЕВИЧ</i>	
Черепанов.	176

ПИСЬМА С КОММЕНТАРИЯМИ

<i>Переписка из двух советских углов</i>	
Письма Н.Эйдельмана и В.Астафьева.	192
<i>Юлий ДАНИЭЛЬ</i>	
Эксгумация предателя.	205
<i>Лариса БОГОРАЗ</i>	
Душевные муки сексота.	210
<i>Ефим МАНЕВИЧ</i>	
Беседа с "маленьким бухгалтером".	216

ВЕРНИСАЖ "ВРЕМЯ И МЫ".	228
---------------------------------------	------------

После того как в 80-м номере была напечатана глава из романа "Улисс" — "Циклоп", мы получили много отзывов читателей. В большинстве своем они просили продолжить публикацию этой уникальной в истории мировой литературы вещи. Предлагая еще одну главу из "Улисса" — "Сирены", мы считаем необходимым снова подчеркнуть, что Джойс — писатель особого склада, исключающий возможность легкого чтения и остающийся вовсе непонятым без построчных примечаний, которые приводятся в конце публикации. Но и при всей трудности восприятия Джойса читатель мыслящий и даже любознательный, способный оценить богатство его языка, его изощренный стиль, его "поток сознания", сопровождаемый тончайшим фрейдистским анализом, — словом, оценить то, что в литературе принято называть "миром Джойса", — такой читатель получит подлинное эстетическое удовольствие.

Джеймс ДЖОЙС

СИРЕНЫ

Глава из "Улисса". В переводе Исраэля Шамира.

"Сирены" — это недостающее звено между музыкой и прозой. Как и многие другие поэты, от Верлена до Хлебникова, Джойс намеревался создать музыкальное произведение с помощью слов. Некоторые критики готовы даже назвать "Сирены" — фугой.

Глава начинается (257) увертюрой, как и подобает музыкальному произведению такого рода. С начала и до слова "Начнем!" идут мотивы, которые встретятся и дальше в тексте.

Набоков мог бы сделать такую увертюру к "Лолите", если бы вынес в начало книги те особенно полюбившиеся ему места, вроде шарлоттинного "уотерпруф" или списка однокашников Лолиты, которые он перечисляет в послесловии к роману.

Мнения, выражаемые авторами, не обязательно совпадают с мнением редакции.

© "Время и Мы"

ISSN 0737-7061

Исраэль ШАМИР

Бронза близ золота слышит копытбулат, стализвон Возмутютютютю. (1)

Сколь, сколь сколол со скалистых ногтей, осколки.

Ужасная! И заалелась еще золотев.

Два темных тона дунул.

Бум. Белый плюмаж на.

Золотые бельведеры волос.

Скачет роза на бархатных грудях бархатной, роза Кастилии.

Трели, трели: Идолорес.

Ау! Кто, кто в... Аузлато?

Дзинь крикнул бронзе на ее жалость.

И зов, чистый, долгий, бьющийся. Долзанеумирающий зов.

Манок. Нежное слово. Но чу! Ясные звезды меркнут. О, роза!

Ноты защебетали в ответ. Кастилии. Заря занялася.

Бодро бренчит бойко брякает бричка.

Монета шваркнула. Часы чухнули.

Признания. SONNEZ. Я не мог. Отдачей подвязки. Тебя покинуть.

Шлеп. LA CLOCHE! Ляжке шлеп. Признания. Теплой. Прощай, милая!

Бреньк Блюююю

Бухая бомбардирующие аккорды. Когда любовь охватит. Войну!

Войну! Барабанн.

Парус! Веет платок вслед волнам.

Утрачено. Щебетал щегол. Сейчас все потеряно.

Рожок. Крыжовник.

Раз он увидел. Увы!

Радтак. Радбой.

Рулады. О прелесть, прельщай!

Марта! Приди!

Хлопхлоп. Хлюпхлоп. Хлипхлоп.

Обоже онни когдавж изнине

Пот Пат промокашку принес.

Лунсвет ночьзов: даль: даль.

Мне так грустно. P. S. Одиноким блюднем.

Чу!

Колючий витой морской рог. Заторчал или что? Друг дружке плеск и безмолвный гул.

Жемчуга: когда она. Рапсодии Листа. Ш-ш-ш.

Вы не?

Не верит: нет, нет: верит: Лидлид.

Петухом охеревшим кукареком.

Черный.

Низкозвучащий. Давай, Бен, давай.

Подает, пока ты поддаешь. Огого. Подает, пока огогон.

Внизу во мраке средиземья. Вкрапления руды.

Именедамине. Все кануло. Все сгнули.

Гори цветом, девичья краса.

Аминь! Он яростно заскрежетал.

Сюда. Туда, сюда. Дрын прохладный заторчал.

Бронзалид у Миназлата

За бронзой, за золотом, в океанской тени. Блюм. Старый Блюм.

Кто-то стукнул, кто-то трахнул молотком петухом

Молитесь за него! Молись, народ честной!

Его подагристые пальцы лязгают.

Большой Бен. Биг Бен. Бенабен.

Последняя роза Кастилии лета плюмажем упавшим мне так грустно одному.

Пуук! Маахонький порыв пугачом пук. Честной люд. Лид Кер Кау Де и Долл. Bravo. Как один. Подымает с чинк свой чунк.

ФФФ! Уу!

Где бронза вблизи? Где злато вдали? Где копыта?

РРРРР. Краа. Краандаль.

Тогда и только тогда. Напфишшшутф. Мою элфритапфрию.

Свершил.

Начнем!

Бронза у золота головка мисс Дус у головки мисс Кеннеди сквозь жалюзи бара "Ормонда" слышит несутся вицецаревские копыта, звеня сталью. (2)

— Это она? спросила мисс Кеннеди.

Мисс Дус сказала, она, сидит с его съяс, жемчужно-серый с eau de Nil.

— Восхитительный контраст, сказала мисс Кеннеди.

Вся на взводе мисс Дус сказала взволнованно:

— Глянть на этого в шелковом цилиндре.

— Кого? Где? спросило золото взволнованнее.

— Во второй карете, сказали влажные уста мисс Дус, смеясь на солнце. Он смотрит. Погоди, дай глянуть.

Она метнулась, бронза, в заднейший закут, сплющила лицо о стекло в нимбе запаленного дыхания.

Ее влажные губы хихикнули:

— Поражен наповал, оглядывается.

Она рассмеялась:

— Хоть плач! Ну не идиоты ли мужчины!

С грустью.

Мисс Кеннеди грустно отбрела от яркого света, загибая

вырвавшуюся прядь за ухо. Грустно бредя, отзолотев, она скрутила загнула прядь. Грустно она загнула выбредшую золотую прядь за изгибом уха.

— Ихнее дело одно удовольствие, грустно сказала она.

Мужчина.

Блюмон брел мимо, мимо волюнок Муланга, нес в груди сладость греха, мимо антиквара Уайна, в памяти нес сладкие греховные слова, мимо стертой залузганной вывески Каррола, для Рауля. (3)

К ним половой, к девам бара пришел. Для них, невнимающих ему, шваркнул о стойку поднос с дребезжающим фарфором. И

— Вот ваши чаи, сказал он.

Мисс Кеннеди церемонно переставила поднос вниз на вздыбленный ящик с нарзаном, подальше от взглядов, пониже.

— Это чо еще? громкий половой бесцеремонно спросил.

— Догадайся, отпарировала мисс Дус, покидая свою наблюдательную вышку.

— Твой хахаль, небось?

Высокомерная бронза отразила:

— Я обращусь к миссис де Масси, если еще раз услышу ваши возмутительные дерзости.

— Возмутютю тютютю, полорыло хрюкнуло грубо, отступая от ее угрозы от его поведения.

Блюмцвет.

На цветок свой нахмурясь сказала мисс Дус:

— Безумно раздражает этот юный выродок. Если он не будет вести себя как следует, я ему ухо на сажень вытяну.

Как лэди в восхитительном контрасте.

— Не обращайтесь внимания, мисс Кеннеди ответствовала.

Она налила чай в чашку, затем обратно чай в чайник. Они сгрудились под утесом стойки, ждали на подножках, ящики на попа, ждали, пока заварится чай. Они лапали свои блузки, обе из черного бархата, два и девять за ярд, пока заварится чай, и два и семь. Да, бронза вблизи близ злата вдали слышит сталь вблизи звон копыт вдали, слышит сталькопыт звонкопыт сталезвон.

— Я ужасно сгорела?

Мисс Бронза разблужила шею.

— Нет, сказала мисс Кеннеди. Потом потемнеет. Вы не пробовали борное мыло с лавровым настоем?

Мисс Дус привстала, искоса глянула на свою кожу в зеркале бара раззолотобуквенном, где мерцали бокалы и фужеры, а посреди — морская раковина.

— К рукам липнет, сказала она.

— Попробуйте с глицерином, посоветовала мисс Кеннеди.

Посылая своим плечам и рукам прощальный привет мисс Дус:

— Только сыпь вскочит от таких штук, заметила и присела. Попросила я у этого старого хрыча в Бойде что-нибудь для моей кожи.

Мисс Кеннеди, разливая вполне натянувший чай, корчила рожицы и умлоляла:

— О, не напоминайте мне о нем, Бога ради!

— погоди, я сейчас расскажу о нем, взывала мисс Дус.

Сладость чая мисс Кеннеди разливая с молоком мизинчиками заткнула оба уха.

— О нет, не надо, вскричала она.

— Не хочу слышать, вскричала она.

Но Блюм?

Мисс Дус хмыкнула носовым голосом хрыча:

— Для вашей чего? говорит он.

Мисс Кеннеди откупорила уши слышать, говорить, но сказала, заклиная вновь:

— Не заставляйте меня думать о нем, не то я испущу дух. Этот мерзкий старикашка! Той ночью в Антьенском концертном зале.

Она хлебнула с неудовольствием свой напиток, горячий чай, глоток сладкого чая.

— Тут он был, сказала мисс Дус, склоняя свою бронзовую голову на три четверти, раздувая ноздри. Уф! Уф!

Пронзительный взвизг смешка взмыл из горла мисс Кеннеди. Мисс Дус гневно выфыркнула раздутые ноздри, трубившие возмутютю как охотничий клич.

О! взвизгивая мисс Кеннеди воскликнула. Как можно забыть этого пучеглаза?

Мисс Дус рассыпалась бронзовым перезвоном смеха, выкрикнула:

— Не сглазь!

Блючей темноглаз читал имя Аарона Фигаеса. Почему я всегда думаю Фигаеда? Фигаеда, в смысле, наверно. И гугенотское имя Проспера Лоре. Мимо блаженных дев Басси прошли темноглаза Блюма. Синепокровная, белая споднизу, приди ко мне. Бог, они верят, она: или богиня. У этих сегодня. Не разглядел я. Заговорил со мной. Студент. Потом с сыном Дедалуса. Наверно, это Маллиган. Все пригожие девицы. Это и возбуждает повес: ее белизна.

Мимо прошли его глаза. Сладость греха. Сладка сладость. Греха.

В пересмешном перезвоне слились юные бронзолотые голоса, Дус с Кеннеди не сглазя. Закинули юные головы, бронза смех-злато, льетечет стихихией смехаха, визг, и еще один, и знаки друг дружке, высокие пронзительные ноты.

Ах, отдышались, вздохнули. Вздохнули, ох, изнеможденное стихло их ликование.

Мисс Кеннеди вновь пригубила свою чашку, взвила, глотнула и всхихихикнула. Мисс Дус вновь перегибаясь над подносом вновь взъерошила ноздри и закатила зажиревшие задорные глаза. Вновь Кеннеди склоняя дивные бельведеры своих кудрей, склоняясь блестя черепаховой гребенкой на затылке, прыская чаем изо рта, захлебываясь от смеха и чая, кашляя и задыхаясь, восклицая:

— Ах, сальные глаза! Представь — быть замужем за таким мужчиной, воскликнула она. С его бородой-кукишом!

Дус полнокровно испустила восхитительный вопль, полнокровный вопль полнокровной женщины, восторг, радость, возмущение.

— Замужем за сальным носом! завопила она.

Визг, грудной смех, бронзалотом, к перезвону за перезвоном звали они друг друга, звеня хохокольчиками по очереди,

бронзолото, златбронза, глуховизг, смешок за смешком (4) А затем закатывались еще похлеще. Сальный понимаешь. Выдохшиеся, запыхавшиеся, своими трясушимися головами они поникли, в косах и бельведерах гребенок, к укосине бара. Раскрасневшиеся (О!), задыхаясь, потея (О!), перехватя дух.

Замужем за Блюмом, за сальсольблюмом.

— Клянусь всеми святыми! мисс Дус сказала, вздыхая над своей скачущей розой. Лучше так не смеяться. Я вся взмокла.

— Ах, мисс Дус! запротестовала мисс Кеннеди. Ах, ужасное существо!

И заалелась еще больше (ах ужасная!) еще золотее.

Мимо дверей Кантвелла плыл Сальсольблюм, мимо дев Сеппи, в сиянии их масел. Отец Нанетти торговал такими штуками вразнос, от двери к двери как я. (5) Религия окупается. Спросить его насчет условия Кейса. Сначала есть. Хочу. Еще нет. В четыре, она сказала. Время бежит. Стрелки крутятся. Вперед. Где поесть? "Кларенс". "Дельфин". Дальше. Для Рауля. Есть. Если заработаю пять гиней чистыми с этой рекламы. Шелковую сиреневую комбинацию. Нет еще. Сладость греха.

Разалелись меньше, еще меньше, золотисто побледнели.

Фланируя в бар вошел м-р Дедалус. (6) Сколь, сколь сколол со скалистых ногтей. Осколки. Фланирует.

— С возвращением, мисс Дус,

Он взял ее за руку. Хорошо прошел отпуск?

— Тип-топ.

Он надеялся, что погода в Ростреворе была хорошей.

— Изумительной, сказала она. Посмотрите, каким чучелом я. Лежала на берегу день-деньской.

Белизна бронзы.

— Какое недостойное поведение, озорница, отчитал ее м-р Дедалус и жалуя жал ее ладонь. Искушать нас, бедных простаков.

Бархатная мисс Дус, как дуся, отвела руку.

— Бросьте вы это, она сказала, нашелся простак, не похоже. Он нашелся.

— Что ж, я такой, рассудил он. Я выглядел таким простаком в колыбели, что меня окрестили Саймон-Простак.

— Это от слабоумия, отпарировала мисс Дус. Что вам на сегодня доктор прописал?

— Что ж, он рассудил, что скажете. Я бы затруднил вас, попросив чистой воды и полстакана виски?

Бренчка.

— С превеликим рвением, согласилась мисс Дус.

С изяществом рвения к зеркалу с золотыми "Кантрелл" и Кокрэйн" обратилась она. С изяществом отцедила она меру золотого виски из хрустального графина. Вовне из полы сюртука м-р Дедалус извлек кiset и трубку. Рвение она подала. Он продул сквозь дым два темных тона.

— Клянусь Юпитером, он рассудил. Мне часто хотелось повидать горы Морна. Воздух там должен бодрить весьма. Но, говорят, кто ждет — дождетсЯ. Да, да.

Да. Пальцем засунул волосинки, ее девичьи волосы девичьей красы девы моря в чашку трубки. Скол. Влас. Рассудил. Стих.

Никто не сказал ничего. Да.

Бодро мисс Дус начищала стопку, выводя трели:

— *О Идолорес, краса восточных морей!*

— М-р Лидуэлл заходил сегодня?

Вовнутрь вступил Ленеган. Вкруг себя озирался Ленеган. М-р Блюм достиг Тассекского моста. Да-с, м-р Блюм пересек Дассекс. Марте надо написать. Купить бумагу. У Дэйли. Продащица там любезная. Блюм. Старый Блюм. Белый плюмаж во ржи.

— Он был здесь в обед, мисс Дусс сказала.

Ленеган выступил вперед. (7)

— М-р Бойлан искал меня?

Он спросил. Она ответила:

— Мисс Кеннеди, м-р Бойлан заходил, пока я была наверху?

Она спросила. Мисс голос Кеннеди ответила, вторая чашка застыла, взор на листе.

— Нет. Не заходил.

Мисс взор Кеннеди, слышна не видна, читала дальше. Ленеган вкруг колпака круглое тело обвил кругом.

— Ау! Кто, кто в уголочке живет?

Не наградила его взором Кеннеди, но он все же заигрывал.

Следи за точками. Только за черными: круглые "О" и витые "И".

Бряк бречит бричка.

Златдева читала и не взирала. Не обращай внимания. Она не обращала внимания, пока он сольфеджил ей басню, монотоня по складам:

— По-встре-чал аист ли-су. По-про-си-ла ли-са у аиста: за-сунь клюв мне в гор-ло и вы-та-щи кость.

Попусту талдычил. Мисс Дус обратилась к чаю, в сторону.

Он вздохнул, в сторону:

— Ох я! Ох уж!

Он приветствовал м-ра Дедалуса и получил кивок в ответ.

— Привет от прославленного сына прославленного отца.

— Кто это мог бы быть? м-р Дедалус спросил.

Ленеган наисердечнейшие руки развел. Кто?

— Кто это мог бы быть? Он спросил. И вы спрашиваете?

Стивен, сей младый бард.

Сухо.

М-р Дедалус, знаменитый боец, отложил свою сухо наби-тую трубку.

— Понятно, сказал он. Я не узнал его сначала, Я слышал, что он держится особо избранного общества. Видали ли вы его недавно?

Он видал.

— Я испил чашу нектара с ним прямо сегодня, сказал Лене-ган. У Муни en ville и у Муни sur mer. Он получил чекушку за плод своих родильных мук.

Он улыбнулся омытым чаем устам бронзы, внимающим ус-там и очам.

— Elite Эрина пила мед его уст. Весомый ведей Хью Мак-Хью, самый блестящий щелкопер и редактор Дублина, и этот министреленок с дикого дождливого Запада, известный под благозвучным наименованием О'Мадден Бурк.

После перерыва м-р Дедалус поднял свой грог и

— Это должно быть крайне развлекательно, сказал он. Пред-ставляю.

Он представляю. Он пил. Грустящим взором в горные да-ли. Поставил свой стакан.

Он обернулся к двери салуна.

— Итак, вы передвинули фортепьяно.

— Сегодня приходил настройщик, ответствовала мисс Дус, настроил его для концерта в курительной. Я в жизни не слыхала такого восхитительного пианиста.

— Неужели?

— Не правда ли, мисс Кеннеди? Настоящая классика, понимаете, И слепой вдобавок, бежняжка. Ему еще и двадцати лет, клянусь, не стукнуло.

— Неужели? м-р Дедалус сказал.

Он выпил и отвалил,

— Так грустно было заглянуть ему в лицо, пособлезновала мисс Дус.

Божью кару сучьему выблядку.

Дзинь на ее жалость звякнул звонок едока. К дверям столовой пришел лысый Пат, пришел потный Пат, пришел Пат, половой "Ормонда". Пива к обеду. Пива без рвения она отпустила.

Терпеливо Ленеган ждал пылавшего нетерпеньем Пламени, бричкобренчащего бойлана.

Подняв крышку он (кто?) устави́лся в гроб (гроб?) на витые тройные (фортепиано!) струны. Он жал (который жалужа жал ее ладонь) мягко и осторожно клавиши, следил за передвижением войлочных прокладок, слышал приглушенный удар молоточка о струну.

Два листа кремовой веленовой бумаги один про запас два конверта когда я был у Ум Гэйли умный Блюм у Дэйли Генри Флауэр купил. (8) Ты несчастлив в своем доме? Цветик утешить меня, а булавка к лю. Что-то значит, язык цве. Вроде, маргаритка? К невинности, Пристойная девушка встретит ся после мессы. Превеликое вам спасибочко. Умный Блюм устави́лся на дверях плакат: дева моря курит, колыхаясь в красивых волнах. Кури "Девы моря" с их прохладным дымком. Волосы разметаны — страдает от любви. Для другого. Для Рауля. Он устави́лся и увидел в удаленьи на Тассекском мосту лихая шляпа несется, бричка бренчит, бряцает бодро. (9) Вот он. В третий раз. Совпадение.

Бренча на упругих шинах, она пронеслась от моста к причалу "Ормонд". Следом. Рискни. Быстро. В четыре. Уже скоро. Выходи.

— Два пенса, сэр, рискнула вымолвить продавщица.

— Ага... Забылся... Простите...

— И четыре.

В четыре она. Покоряюще она Блюемоному улыбнулась. Блю улыбыс выш. Видания. Думаешь, только и свету что в окошке? Это она со всеми. Был бы мужик.

В сонном молчании золото склонилось над страницей.

Из салуна раздался зов, долго замирал. Это был камертон настройщика, который тот забыл в который он сейчас ударил. Снова зов. Сейчас он выравнил то, что сейчас билось. Слышите? Бьется, чисто, чище, мягко, мягче, концы гудят. Дольше неумирающий зов.

Пат платил за отштопоренную бутылку едока: и над бокальным подносом и отштопоренной бутылкой допреж ухода шептался он, лысый и потный, с мисс Дус.

— Ясные звезды меркнут...

Безголосая песня пелась изнутри, распевая:

— ... *заря занялася.*

Двадесять птиценот защебетали звонким дискантом под чуткой рукой. Звонко клавиши, сверкая, связанно, клавикордя, зывали к голосу, чтобы пел росные зори, младость, разлуку, жизнь, зорю любви.

— ... *жемчужины росы...*

Губы Ленегана над стойкой тихо свистнули манком:

— Ты только посмотри, сказал он, кастильская роза.

Бричка брякнула за поворотом и остановилась. (10)

Она привстала, закрылась ее проза, кастильская роза, муки разлуки, грезы розы.

— Сама упала или ее столкнули? он спросил ее.

Она ответила пренебрежительно:

— Кто не спрашивает, тому и не соврут.

Как лэди, как люди.

Щегольские кожаные туфли Пламени Бойлана скрипели на полу бара, где он проносился. Да, золото вблизи близ бронзы вдали. Ленеган слышал и знал и окликнул его:

— Се герой-победитель вступает.

Меж коляской и окном чутким шагом шел Блюм, непобежденный герой. Увидит меня он может. Стул он сидел: нагретый. Черный чуткий котяга шел навстречу портфелю Риччи Голдинга, ввысь взвил в салюте.

— И я с тобою...

— Слышал я, что съездили, сказал Пламень Бойлан.

Он прикоснулся пред прекрасной мисс Кеннеди к полям своей плетенки набекрень. (11) Она улыбнулась ему. Но сестра-бронза переулыбила ее, распуская перед ним свои волосы попышнее, грудь и розу.

Зелья потребовал Бойлан.

— Каков ваш клич? Кружку горького? Кружку горького, будьте добры, и тернового джина мне. Пришли результаты?

Еще нет. В четыре они. Все сказали четыре.

Каули с красными ушами и адамовым яблоком в дверях участка. Избежать. Голдинг как раз. Что он делает в "Ормонде"? Бричка ждет. Жди.

Привет. Вы куда? Перекусить? И я тоже как. Сюда. Что, "Ормонд"? Дешево и сердито. Во всем Дублине. Неужели? Столовая. Сиди не рыпайся. Вижу, но не виден. Я, пожалуй, составлю вам компанию. Заходите. Риччи прокладывал путь. Блюм следовал за портфелем. Обед под стать принцу.

Мисс Дус потянулась вверх к графину, вытягивая бархатную руку, бюст чуть не вырвался, так высоко.

— О! О! дергался Ленеган, дыханье перехватывало с каждым потягом. О!

Но легко схватила она свою добычу и с триумфом повела вниз.

Что б тебе не подрасти? спросил Пламень Бойлан.

Бронзочка, уделяя из кувшина густую сиропную влагу для его уст, глянула на цветную струю (цветок в его петличке: кто дал?) и сиропным голоском:

— Мал золотник, да дорог.

Это в смысле она. Чисто налила она терпкотекущий терн.

— А вот и казна, сказал Пламень.

Он шваркнул широкой монетой об стол. Монета звякнула.

— Погоди, сказал Ленеган, пока я...

— Удачи, пожелал он, подымая пенистый эль.

— Бунчук трусцой победит, сказал он.

— Я рискнул чуток, сказал Бойлан, подмигнув и выпил. Не для себя, правда. Каприз приятельницы моей:

Ленеган все пил и хмылился в наклоненный эль и на мисс-дусины уста, в которых гудела, полуоткрытых, песнь моря трелью в устах. Идолорес. Восточных морей.

Часы всхлипнули. Мисс Кеннеди прошла мимо них (цветок, интересно, кто дал), унося поднос с чаем. Часы чухнули.

Мисс Дус взяла монету Бойлана, лихо трахнула по регистрам кассы. Касса лязгнула. Часы чухнули.

Прекрасная Египтянка рылась и разбиралась в кассе и напевала и отсчитала сдачу. (12) Обратись на запад. Щелк. Ко мне.

— Который час? спросил Пламень Бойлан. Четыре?

Часа.

Ленеган, маленькие глазки жадят ее гул, гулгуд ее бюста, дернул Бойлана за руку.

— Послушаем бой часов, сказал он.

Портфель Голдинг и Коллинс и Уорда вел Блюма меж столами в белом плюмаже. Не целясь он выбрал с цельным стремлением, лысый Пат оценил, столик у дверей, Поближе к. В четыре. Он позабыл? Или уловка? Не придет: разжигает аппетит. Я бы не смог. Повремени, повремени. Пат, половой, повременил.

Сверкающая бронзурь глядит на Пламеннозурьи небесно-лубые глаза и галстук.

— Ну давай, ну! нажимал Ленеган. Никто и не. Он не слышал.

— ... поцелуй Флоры, сорвись

Ввысь, высокая нота, дискантовый перезвон, серебряный.

Бронздус сливаясь со своей розой волнующей позой, искала цвет и глаза Пламени Бойлана.

— Ну пожалуйста, пожалуйста.

Он умолял поверх наплывающих вновь фраз признания.

— Я не смог тебя покинуть...

— В дорогой раз, мисс Дус пообещала застенчиво.

— Нет, сейчас, настаивал Ленеган. *Sonnez la cloche!* Пожалуй-ста! Никто не смотрит.

Она огляделась. Быстро. Мисс Кенн не услы. Резкий изгиб. Два горящих лица следили за ее изгибом.

Трелируя аккорды слетели с воздуха, отыскивали его снова, утраченный аккорд, потеряли, и нашли его, дрожа.

— Давай! Валяй! *Sonnez!*

Наклоняясь, она защипнула складку юбки над коленом. Задержалась. Заводя их пуще, наклоняясь, замерла, с шальными глазами.

— *Sonnez!*

Шлеп. Она отпустила резкой отдачей щипок эластичной подвязки тепшлеп шлепнутой женщины теплой ляжке.

— *La cloche!* воскликнул ликуя Ленеган. Натаскана владельцем. Тут опилок не ищи.

Она ухмылыбнулась презрительно (хоть плачь! ну не идиоты?), но скользя к свету, скользяще засветилась Бойлану.

— Вы — квинтэссенция пошлости, сказала скользя она.

Бойлан глазел, глазел. Склонил к жирным губам кубок, глотанул свой кубчик, засасывая последние жирные сиреневые сироповые капли. Его глаза, как заклятые, следовали за ее скользящей головой, когда та склонилась за стойкой у зеркал позлащенной арки, сияющей бокалами для имбирного пива, вина и кларета, колючей раковины, где она играла, отражаясь, бронза с бронзой посолнечней.

Да, близ бронзы.

—... *Прощай, милая!*

— Я пошел, сказал Бойлан, пылавший нетерпением. (13)

Он двиганул кубок лихо прочь, хапнул сдачу.

— Погоди с глоток, умолял Ленеган, быстро допивая. Я хотел тебе рассказать. Том Рошфорд...

— Гори ты синим пламенем, сказал Пламень Бойлан, уходя.

Ленеган глотанул на выход.

— Рог заторчал или что? Он сказал. Погоди. Иду.

Он следовал за спешными скрипящими туфлями, но резво привстал у входа, привечая обличия дородного и сухощавого.

— Здравствуйте, м-р Доллард!

— А? Здась! Здась! рассеянный бас Бена Долларда ответствовал, отвлекаясь на миг от горестей отца Каули. Он тебя больше не побескоит, Боб. Альф Берган замолвит словечко Длинному. Мы еще вкатим этому Иуде Искарлоту соломинку в ухо.

Вздыхая, м-р Дедалус прошел сквозь салун, мизинцем теша веко.

— Хехе, непременно, пребодро затруриул Бен Доллард. А ну, Саймон, выдай мотивчик. Мы слышали пианино.

Пысый Пат, потный половой ждал заказа, "Пауэр" для Риччи. А Блюму? Погодите. Чтобы два раза не гонять. Мозоли. Уже четыре. Как нагрет черный. Ну и нервишки. Отражает (так ли?) жар. Погодите. Сидр. Да, бутылку сидра.

— С чего бы? м-р Дедалус сказал. Я просто бренчал, Бен.

— Давай, давай, Бен Доллард кликнул. Прощай, тоска заботы. Пошли, Боб.

Он гарцует Доллард, дородные клеши, перед ними (держи этого с: хватай его) в салун. Он бухнулзадом Доллард о табурет. Подагрические клешни бухнули по клавишам. Бухие резко застыли.

Половой Пат в проходе встретил бесчайное золото воротилось. Потный спросил он "Пауэр" и сидра. Бронза у окна следила, бронза вдали.

Бряк бренчала бричка.

Блюм слышал бум, легкий шум. Уехал. Легкий всхлип выдохнул Блюм на безмолвный плюмаж блюда цветов. Бренчание. Уехал. Бряк. Слушай.

— *Любовь и войну*, Бен, сказал м-р Дедалус. Помянем добром старину.

Отважные глаза мисс Дус, незамеченные, обратились от перекрестных жалюзей, пораженные солнцесветом. Удрученная (кто знает?), пораженная (разящим светом) она опустила навес скользнувшем шнуром. (14) Она бросила удрученно (почему он так быстро ушел, когда я?) вокруг своей бронзы на стойку бара, где стоял половой с сестрой золотой в иеизысканном контрасте, контрасте неизысканном, неразысканном, тяжелую хладную мрачную морезепеную скользющую гпубь

тени, eau de Nil:

— Бедняга Гудвин был тогда тапером, напомнил им отец Каули. Было небольшое разногласие между ним и его роялем "Коллард". Таки было.

— Вел симпозиум в одиночку, м-р Дедалус сказал. Такого и черт не остановит. Чудаковатый старикан в первичной стадии опьянения.

— Господи, помнишь, Бен бух Доллард сказал, отварачиваясь от наказанной клавиатуры. Клянусь хвостом у меня и свадебного костюма не было.

Они рассмеялись втроем. Свад нет. Все трио рассмеялось. Свадебного костюма нет.

— Дружище Блюм подвернулся вовремя в ту ночь, м-р Дедалус сказал. Где моя трубка, к слову?

Он побрел обратно к бару к утраченной аккортрубке. Потный Пат нес двум едокам запить, Риччи и Польди. И отец Каули рассмеялся снова.

— Я спас положение, Бен, по-моему.

— Именно, свидетельствовал Бен Доллард. Я помню эти тесные панталоны. Блестящая идея, Боб.

Отец Каули заалел до блестящих пурпурных мочек. Он спас поло. Тесные пан. Блестя иде.

— Я слышал, что он на мели, он сказал. Жена аккомпанировала в кафе "Палас" по субботам за мелкую мзду. И кто это подсказал мне, что она держит этот промысел? Помните? Пришлось искать, где они живут вдоль по всей улице Холлес, пока паренек из Кью не сказал, в каком номере. Помните?

Бен помнил, его бодрая будка будировала.

— Господи, какие были у нее роскошные оперные плащи и прочая бутафория.

М-р Дедалус брел обратно, трубка в руке.

— Стиль а-ля площадь Меррион. Бальные наряды, о Господи, придворные туалеты. И денег брать не хотел. Что? Сколько душе угодно широкополых шляп и болеро и мишуры, ей-Богу. Что?

— Ага, ага, кивнул м-р Дедалус. Миссис Марион Блюм снимает одеяния всех сортов.

Бреньканье бряцало по причалам. Бойлан несся на тугих шинах. (15) Печень с ветчиной. Пирог с мясом и почками. Есть, сэр. Есть, Пат.

Миссис Марион мадам всех коз. Что-то горит Пауль ван Хер. Славное имечко у.

— Как ее звали? Грудастая деваха. Марион...

— Твиди.

— Да. Все еще жива?

— И здорова.

— Она дочь...

— Дочь полка.

— Да, в Бога и мать, я помню старого тамбурмажора.

М-р Дедалус чиркнул, шаркнул, зажег, вдоволь затянулся потом.

— Ирландка? Не знаю. Богом клянусь. Как она, Саймон?

Затянулся, потом прижал, затяжка, крепкая, насыщающая, потрескивающая.

— Мой щечный мускул... того... заржавел... ага, вот... она? Ирландочка Молли моя, О.

Он выпустил едкую плюмажную струю.

С Гибралтарского утеса... ни ближе, ни дальше.

Они толпились в глубине океанской тени, золото близ пивна-соса, бронза у мараскина, задумчивы обе две. Мина Кеннеди, с Лисмер террас № 4, Тамбурина, Дублин и Долорес, королева, Идолорес, безмолвствует.

Пат подал раскрытые блюда. Леопольд ел разрезанную пень. (16) Как указывалось выше, он ел с наслаждением требуху, птичьи желудочки, жареные молоки трески, тем временем Риччи Голдинг, Коллинс и Уорд ел мясо с почками, мясо затем почки; кус за кусом от пирога он ел Блюм ел и они ели.

Блюм с Голдингом, обрученные молчанием, ели. Обеды под стать принцу.

По Холостяцкому переулку бреньбренькая бричковал на блядки бойкий Пламень Бойлан, холостяк, на солнце, на взводе, лоснящийся круп кобылы галопом, взмахом хлыста, на несущихся шинах, развалившийся, пригревшийся Бойлан баловень, нетерпеливый, страстнопламенный. Рожок. Заторчал? Рог. Заторчал? Тру-ру-жок.

Покрывая голоса Доллард барабанил в бой, бухая над бомбардирующими аккордами:

— *Когда любовь охватит мою страстную душу...*

Вал Бендушабенджамена наваливался на дрожащие изнемогающие от любви стекла в крышном переплете.

— Войну! Войну! вскричал отец Каули. Ты — воин.

— Да, я такой, рассмеялся Бен Воин. Я думал о твоём домохозяине. Любовь или кошелек.

Он остановился. Он потрянул огромной бородой, огромный лик над его кретинизмом огромным.

— Точно, ты бы сломал ей барабанную плеву в ухе, приятель, м-р Дедалус сказал сквозь дымный аромат, с твоим-то прибором.

В брадате изобильном смехе Доллард затрясся над клавишами. Сломал бы.

— Не говоря уж о другой плеве, добавил отец Каули. Сбавь темп, Бен. *Amoroso ma non troppo*. Дай-ка мне.

Мисс Кеннеди подала двум джентельменам бокалы с холодным элем. (17) Она обронила реплику. Действительно, сказал первый джентельмен, прекрасная погода. Они пили прохладный эль. Знает ли она, куда отправился вице-король? И слышала сталькопыт звонкопыт сталезвон. Нет, она, к сожалению, не знала. Но можно посмотреть в газете. Ах, не стоит беспокоиться. Никакого беспокойства. Она взобвилась раскрытым "Независимым", искала, вице-король, бельведеры ее кудрей покачивались, вице ко. Слишком много беспокойства, сказал первый джентельмен. О ничуть. Как он глянул на.

Вице-король. Бронза близ злата слышит стальбулат.

— ... *мою страстную душу*

Нипочем мне деень завтрашний

В печеночном соусе Блюм растер тертую картошку. Любовь и война кого-то, Коронный номер Бена Долларда. Вечером, когда он прибежал к нам за костюмом. Для какого-то концерта. Панталоны в обтяжку, как кожа на барабане. Муз-сосиски. Молли обхохоталась, когда он ушел. Бросилась поперек постели и ну верещать и сучить ногами. Все добро его на

виду. Ох, клянусь святыми, я ажно взмокла! Ох, женщины в первом ряду! Ох, я никогда так не смеялась! Ну, конечно, это и дает ему бас барантон. Например, евнухи. Интересно, кто играет. Легкая рука. Должно быть, Каули. Музыкален. Знает, какая нота написана. Изо рта прет, бедняга. Перестал.

Мисс Дус, увлекающая, Лидия Дус, поклонилась учтивому поверенному Джорджу Лидуэллу, джентельмену, входящему. Добрый день. Она вверила свою влажную, как у лэди, руку его крепкому пожатию. Да, она вернулась. К той же дребедени.

— Ваши друзья внутри, м-р Лидуэлл.

М-р Лидуэлл, учтивый, уверенный, держал лидиладонь.

Блюм ел печ как излож выше. По крайней мере, здесь чисто. Этот тип у "Бертон" с резинкой. Здесь никого: Голдинг и я. Чистые столы, цветы, конверты салфеток. Пат туда-сюда, половой Пат. Нечего делать. И сердито во всем Дуб.

Снова ф-но. Точно, Каули. Как он присаживается к нему, как будто они вместе, взаимопонимание. Нудные лабухи скребут скрипки, глаза на смычке, пилят виолончель, напоминая зубную боль. Ее высокий затыжной храп. Вечером мы сидели в ложе. Тромбон поддувает, как морж, между актами, другой трубач вытряхивает слюну, свинтив мундштук. Ноги дирижера тоже клеши мешками бряк бряк. Правильно делает, что прячет их.

Бряк бряк брячка бренчит бойко.

Только арфа. Лучится золотым восхитительным светом. Девушка касается ее. Корма восхитительной. Соус неплох под стать при. Золотая ладья. Эрин. Арфа раз и другой. Прохладные руки. Пик Бен Хоут, рододендроны. Мы их арфы. Я. Он. Стар. Молод.

— Нет, я не вытану, дружище, м-р Дедалус сказал скромно, неохотно.

Настойчиво.

— Давай, чтоб тебя разразило, заревел Бен Доллард. Пущай вылазит хоть по кусочкам.

— *M'appari*, Саймон, отец Каули сказал.

К намостию прошествовал он немногими шагами, суровый, возносящийся в печали, долгие длани простертый, хрипл о ка-

дык его глотки мягко прохрипел. Мягко пел он пыльной марине: *Последнее прости*. Мыс, судно, парус над стремниной. Прости. Очаровательная девушка, ее платок развеивается под ветром на мысу, ветер вокруг ее.

Каули пел:

— M'appari tutti amor:

Il mio sguardo l'incontr...

Она махнула, не внимая Каули, платком уходящему в море, любимому, ветер, любовь, поспевающий парус, возврат.

— Продолжай, Саймон.

— Ах, я уже отплясал свое, Бен... ну...

М-р Дедалус упокоил трубку возле камертона, и, сев, коснулся послушных клавиш.

— Нет. Саймон, отец Каули повернулся. Играй как положено. В бемоль.

Клавиши, послушные, взвились, раскрылись, сбились, признались, растерялись.

К намостию шестует отец Каули.

— Сейчас, Саймон. Я саккомпанирую, сказал он. Вставай.

Мимо ананасовой горы Грэхэма Лимона, мимо слона Элвери бричка бряцала. (18) Мясо, почки, печень, пюре, трапеза под стать принцам сидели принцы Блюм и Голдинг. Принцы за трапезой они подняли и выпили "Пауэр" и сидр.

Самая восхитительная ария для тенора, которую когда-либо сочинили, сказал Риччи: *Sonnambula*. Он слышал. Джо Маас пел это однажды. Ах, этот МакГакин! Да. На свой манер. Как мальчик на клиросе. Маас был мальчиком. На мессе. Лирический тенор, если вам угодно. Никогда не забуду этого. Никогда.

Пекущийся Блюм над беспеченной ветчиной видел сжавшиеся черты напряглись. Поясница у. Супочек из почек. Следующим номером нашей программы. Сколько в дудочку ни дуй. Пилюли, диетические хлебцы, гинею за коробку. Все же отсрочка. И поет тоже: *Там среди мертвецов*. Подходит по смыслу. Пирог с почками. Сладость. Радости в этом мало. Дешево и сердито. Похоже на него. "Пауэр". Пьет с разбором. стакан с изъясном, свежая вода "Ватри". Лямзит спички со стойки,

чтобы сэкономить. Затем разбазарит суверен на дребедень. А когда нужно — ни копей. Схлопотал отказался заплатить извозчику. Забавные типы.

Никогда не забудет Риччи этого вечера. До гробовой доски не забудет. Среди кумиров старого Королевского театра с Малюткой Пиком. И когда первая нота.

Речь застыла на Риччиных устах.

Сейчас выдаст небылицу. Рапсодии с любым гарниром. Верит собственной лжи. Правда, верит. Чудный лгун. Но память подкачивает.

— О какой арии идет речь? спросил Леопольд Блюм.

— *Все утрачено*.

Риччи надул губы. Низкой вводной нотой милый леший ухнул все. Дрозд. Жаворонок. Его дыхание птицесладости, хорошие зубы, предмет гордости, засвистали со щемящей тоской. Утрачено. Речи Риччи. Две ноты сразу. Черного дрозда я слышал среди кустов крыжовника. Подхватывая эти мотивы, он перепевал и переиначивал их. Все вновь зов утрачен все. Эхо. Сладость ответа. Как это делается? Сейчас все утрачено. Сетуя он высвистел. Пала, сдалась, утрачена.

Блюм прямил леопардовым ухом, выпрямил складку салфетки под блюдом. Порядок. Да, я помню. Чудесная ария. Со сна она пришла к нему. Невинность под луной. Все же удержал ее. Смелые, не понимают опасности. Окликнул по имени. Коснулся воды. Бренчит бричка. Слишком поздно. Стремилась уйти. Вот почему.. Женщина. Легче остановить море. Да: все утрачено.

— Прекрасная ария, сказал Блюм утративший Леопольд. Я ее хорошо знаю.

Никогда в жизни не испытал Риччи Голдинг.

Он тоже хорошо ее знает. Или чувствует. Все время наигрывает на его дочери. Мудрое дитя своего отца знает, сказал Дедалус. Меня?

Блюм искоса над беспеченной видел. Лицо всего утраченного. Риччи хват когда-то. Шутки старые заплесневели сейчас. Поводит ухом. Кольцо от салфеток вместо монокля. Сейчас шлет сына с просьбами о помощи. Косой Уолтер, сэр, испол-

нил, сэр, не беспокоил бы, сэр, но я ожидал поступления денег. Примите извинения.

Снова ф-но. Звучит лучше, чем в прошлый раз. Настроили, наверно. Снова прекратили.

Доллард и Каули все призывали певца не телиться и давать валять.

— Давай валяй, Саймон.

— Давай, Саймон.

— Лэди и джентельмены, я глубоко тронут вашими снисходительными настояниями.

— Давай, Саймон.

— Не богат я казной, но коль скоро вы уделите мне толику времени, я спою вам о сокрушенном сердце.

У колпака с закусками в жалюзийной тени Лидия бронзу и розу с грацией лэди дала и удержала: как в прохладной лягушачьей eau de Nil Мина к бокалам два своих золотых бельведера.

Наигрывающие аккорды прелюдии стихли. Аккорд затянутый, ожидающий, потащил за собой голос.

— Раз я увидел чарующий облик.

Риччи обернулся.

— Голос Сая Дедалуса, он сказал.

Запрокинувшись мозгами, румянец пылает на щеках, они внимали, как облекает чарующей волной кожу члены сердце душу хребет. Блюм дал знак Пату, потный Пат — половой тугой на ухо, отдверить бародверь. Бародверь. Так. Достаточно. Пат, половой, прилипал, песне внимая, затем, что туг на ухо. К двери.

— *Казалось, кручина покинула меня*

Сквозь гул воздуха голос пел им, низок, не дождь, не шуршанье листвы, несходен с голосом струнных, духовых, языковых, или какихтам цимбалов, касался их смолкших ушей словами, смолкших сердец их каждого его запомненных жизней. Хорошо, хорошо слушать: кручина их обоих каждого из них казалось покинула когда раз они услышали. Когда раз они увидели, утраченный Риччи, Польди, милость красы, услышали от человека, никогда на свете не ожидали бы, ее милосердное, любомягкое многолюбое слово.

Любовь поет: любви давняя щемящая песнь. Блюм смотал медленно эластиковую резинку со своего пакета. Любви давняя щемящая злато. Блюм намотал бухту вокруг четырех вилок, растянул ослабил пальцы и намотал вокруг вдвое, сам треть, *in octavo*, затянул свой озабоченный натуго.

— *Полон надежд и весь в восхищеньи...*

Тенорам бабы достаются октавами. Увеличивает их выход. К ногам его бросить цветок когда увидаться б ты смог? Мне совсем вскружили. Бренчание весь в восхищени. Цилиндром ему не петь. Вам совсем вскружили голову. Надушена для него. Какие духи у вашей жены? Я хочу знать. Бряк. Стоп. Стук. Последний взгляд в зеркало всегда перед тем, как она откроет дверь. Передняя. Там? Здрасс? Здравствую. Там. Что? Или? Мятные драже, поцелуйные конфеты в ее сумочке. Да? И руки схватились за роскошные.

Увы! Голос взмыл, вздохнул, измененный: громок, полон, сияет, горд.

— *Но, увы, пустые грезы...*

Дивный тон у него все еще. Воздух Корка и выговор ихний мягче. Дурак! Мог бы загребать ведрами. Поет не те слова. Жену уморил: теперь поет. Но трудно сказать. Только они сами. Если не расколется. Прибереги свое хилиание для набережной. Руки и ноги тоже поют. Пьет. Нервы натянуты. Надо быть трезвенником: пой, не пей. Суп Дженни Линд; отвар, шалфей, сырые яйца, полпинты сливок. Сливки для славы. Нежностью он тек: ток, тихо. Забился вовсю. Вот это дело. А ну давай! хватай! Бой, биение, бьющийся гордо стоящий.

Слова? Музыка? Нет, то, что за ними.

Блюм спетлил, распетлил, заузлил, отузлил.

Блюм. Потоп горячечной чмокчмок подсосекретности втекал в музыкуизнее, в страсти, мрак, сосипоток, вторгаясь. Трогать ее, тереть ее, туркать ее, трахать ее. Так. Поры не расшир расширяются. Так. Счастье чую жар и. Так. Хлынуть через плотины перехлестывающей лавиной. Потоп, лавина, поток, рад бой, радплеск. Счас! Язык любви.

— *... Луч надежды...*

Сияет. Лидия Лидуэллу писк еле слыш так по лэдину муза отпискнула луч надежды.

Марта это. (20) Совпадение. Как раз собиралась написать. Песня Лионеля. Красивое у тебя имя. Не могу продолжать. Примите мой скромный пода. Играй на струнах ее души, кошелька тоже. Она — . Я назвала тебя шалунишкой. И все же имя — Марта. Как странно! Сегодня.

Голос Лионеля вернулся, притихший, но не усталый. Он вновь пел Риччи Польди Лидии Лидуэллу также пел Пату раскрыт рот слуга служить готов. Раз он увидел этот чарующий облик, раз кручина, казалось, покинула его, раз взгляд, облик, слово околдовало его Голда Лидуэлла, пленило сердце Пата Блюма.

Жаль, что лица не видно. Лучше понимаешь. Почему парикмахер у "Драго" всегда смотрит мне в лицо когда я говорю его лицу в зеркале. Все ж здесь лучше слышно, чем в баре, хоть и дальше.

— *И твой прелестный взгляд...*

Первый вечер когда я впервые увидел ее у Матта Диллона в Теренуре. Желтое, черные кружева она одела. "Музыкальные стулья". Мы двое последние. Судьба. За ней. Судьба. Вокруг кружили медленно. Быстро вокруг. Мы двое. Все смотрели. Стоп. Села она. Все вылетевшие смотрели. Губы смеются. Колени желтеют.

— *Околдовал мой взор...*

Пели. *Ожидание* она спела. Я листал ей ноты. Полный голос духов какие духи у вашей сирени. Грудь я видел, обе полные, в горле рулады. Впервые я увидел. Она поблагодарила меня. Почему она за меня? Судьба. Испанистые глаза. Под яблоней одни патио такой час в старом Мадриде край в тени Долорес тыдолорес. На меня. О прелесть, прельщай.

— *Марта! О Марта!*

Страхивая слабость вскричал Лионель в горе, криком страсти господствующей, любить вернуться с углубляющими и все же возрастающими аккордами гармонии. Сырым Лионелем вскричал, она должна узнать, должна Марта ощутить. Только ее он ждал. Где? Тут там глянь тут там глянь где. Где-то.

— *При-ди, утраченная!*

при-ди, любимая!

Одинок. Одна любовь. Одна надежда. Одна утешит меня. Марта, каштон, вернись.

— *При-ди*

Она взмыла, птица, удержалась в выси, чистый быстрый клик, взмыла серебряной державой сиренево взвилась, скорее, выше, и затягивает, слишком долго, долгое дыхание он дыхание долго жизнь, взмывает вверх, в сверкании, в языках огня, в короне, на эфирное лоно, ввысь, в высокое всеобщее свечение всюду, все взмывает все вокруг обо всем, бесконечностьконечностьконечность.

— *Ко мне!*

Сайопольд!

Свершил.

Давай. Хорошо спето. Все хлопали. Она непременно. Придет. Ко мне, к нему, к ней, к вам тоже, мне, нам.

— Браво! Хлопхлоп. Молодчага, Саймон, Хлопхлипхлоп. Бис! Хлопхлюпхлоп. Прямо набат. Браво, Саймон! Хлопхлопхлип. Бис! Бес! сказали, кричали, хлопали все, Бен Доллард, Лидия Дус, Джордж Лидуэлл, Пат, Мина, два джентельмена с двумя бокалами, Каули, первый джент с бок и бронзовая мисс Дус и золотая мисс Мина,

Щегольские кожаные туфли Пламени Бойлана скрипели на полубара, см.выше. Бренча у памятников сэру Джону Грею, Горацию Однорукому Нельсону, преподобному отцу Теобальду Мэттью, как было только что указано выше. Галопом, на взводе, на солнце. Cloche, Sonnez la. Cloche. Sonnez la. Тише тянула кобыла вверх по склону у Ротонды, на площади Рутланда. Больно тихо для Бойлана, Пламени Бойлана, пламенное нетерпение погнало кобылу.

Зазвучье аккордов Каули рассосалось, скончалось в воздухе погустевшем. И Риччи Голдинг пил свой "Пауэр", и Леопольд Блюм свой сидр пил, Лидуэлл свой "Гиннес", второй джентельмен сказал: они бы попросили еще два бокала, если она не возражает. Мисс Кеннеди хмыльно размухнула коралловые уста первому, второму. Она не возражает.

— Семь суток в каталажке, сказал Бен Доллард, на хлебе и воде. Вот тогда запоешь щеглом.

Лионель Саймон, певец, смеялся. Отец Боб Каули играл. Мина Кеннеди разомбухнула. Второй джентельмен платил.

Том Кернан павлином входил, Лидия, восхищая, восхищалась. Но Блюм пел нем.

Восхищаясь.

Риччи, восхищаясь, бесконтрольно воспевал дивный голос. Он помнил один вечер, давным-давно. Не забуду тот вечер. Сай пел *Бывалоча слава*, у Неда Ламберта бывалоча. Господи Боже, никогда в жизни не слышал он такого фа никогда в жизни тогда изменница, давай расстанемся так ясно и чисто Господи он никогда не слышал любви не выжить такого звучного голоса спросите Ламберта он подтвердит.

Голдинг, румянец бьется на его бледном рассказал м-ру Блюму лице о вечере, когда Сай у Неда Ламберта, Дедалус в пивной, пел *Бывалоча слава*. Он, м-р Блюм, внимал, пока он, Риччи Голдинг, рассказал ему, м-ру Блюму, о вечере, когда он, Риччи, внимал ему, Саю Дедалусу, певшему *Бывалоча слава* в его, Неда Ламберта, пивной.

Свояки: родство. Мы никогда не заговариваем при встрече. Трещина в лютне, думаю. Презирает его. Смотри. Он еще पुще восхищается им. Вечера, когда Сай пел. Человеческий голос, две тонкие шелковистые связки. Восхитительно, выше всего прочего. Голос был плач. Сейчас спокойней.

Только в тишине чувствуешь что слышишь. Вибрации. Воздух стих.

Блюм расковал скрещенные руки и ватными пальцами перебрал жидкую жильную струнку. Она загудела, забренчала. Пока Голдинг говорил о голосе Барраклау, пока Том Кернан, взирая в прошлое в своего рода ретроспективном настрое, говорил с внимающим отцом Каули, который играл добровольца, который кивал когда он играл. Пока Большой Бен Доллард говорил с закуривавшим Саймоном Дедалусом, который слушал, когда он курил, который курил.

О утраченная. Все песни об этом. И вновь Блюм натянул свою струну. Жестоко кажется. Дать людям влюбиться, заманить их. Затем разлучить. Смерть. Взрыв. Бах по башке. Ковсемэточертям. Судьба человеческая. Дигнам. Их-х, крутится крысиный хвост. Пять шиллингов я дал. *Corpus Paradisum*. Коростель кричит: брюхо, как у отравленного пса. Сгинул. Они поют. Забыт. Я тоже. В один прекрасный день она с. Оставь

ее: надоело. Тогда помучится. Заверещит. Большие испанисские глаза затаращатся в никуда. Ее выювыювьюдлиньвьющиеся волосы не собраны в убо: ре.

Но когда слишком счастлив — скучно. Он натянул сильнее, сильнее. Ты несчастлив в своем? Бреньк. Она щелкнула. Бренчка на Дорсет стрит. Мисс Дус отвела бархатной рукой, упрямая, довольна:

— И вполонину слишком жирно будет, сказала она, пока мы короче не познакомимся.

Джордж Лидуэлл сказал ей честно-благородно: но она не поверила. Первый джентельмен сказал Мине что так оно. Она спросила его неужто оно так. И второй бок сказал ей так. Что так оно.

Мисс Дус, мисс Лидия, не поверила: мисс Кеннеди, Мина, не поверила; Джордж Лидуэлл, нет: Мисс ду не по: первый, первый: джент с бок: верит нет, нет: не верит, мисс Кенн: Лидлидиуэлл: бок.

Лучше здесь и написать. (21) Перья на почте изжеваны и мяты.

Потный Пат по знаку ошую стал. Пера и чернил. Пошел. Пресс. Пошел. Пресс-папье. Он слышал, глухой Пат.

— Да, сказал м-р Блюм, тоньше терзая витую струну. Несомненно. Несколько строк хватит. Мой подарок. Вся эта итальянская музыка такая цветистая. Кто сочинил это? Знаешь имя — лучшее понимаешь. Вынуть лист бумаги, конверт: естественно, равнодушно. Это столь характерно.

— Какого числа опера, Голдинг спросил.

— Не знаю, сказал м-р Блюм.

Именно числа. Вся музыка, если призадуматься. Два умножить на два разделить пополам получится дважды один. Вибрации: вот что звуки. Один плюс два плюс шесть будет семь. Делай что хочешь, жонглируя числами. Всегда докажешь, что то равно этому, симметрия кладбищенской ограды. Он не замечает моего траура. Малодушие: о потрохе печется. Музматематика. А думаешь, что внимаешь музыке сфер. А если, предположим, сказать: Марта, шестью девять минус икс равно тридцати пяти тысячам. Получится довольно плоско. Это из-за звуков так.

К примеру сейчас он наяривает, импровизирует. Может быть, все что угодно, пока не услышишь слов. Приходится вслушиваться изо всех сил. Трудно. Поначалу в порядке, затем слышишь сбивается: теряешься чуток. Как в мешках через бочки, сквозь колючую проволоку: бег с препятствиями. Такт в куплетах — все. Смотря по настроению. Но всегда приятно послушать. Кроме гамм когда девочки учатся. Две сразу, дверь в дверь. Изобрели б для этого муляж, ф-но без звуков. *Blumenlied* я купил ей. То же имя. Медленно играла эта девчушка, вечером, когда я вернулся, девчушка. Двери конюшни на улице Сесилии. Милли нет слуха. Странно, потому что у нас у обоих я имею в виду.

Глухой потный Пат принес довольно плоский пресс, поднос. Шут Пат тушь перо принес довольно плоский пресс-папье. Пат убрал нож вилку блюдо тарелку. Пат обрат но ушел.

Только этот язык, м-р Дедалус сказал Бену. Он в детстве слышал их в Колоколло, Крестпорт, Колоколло, распеваящих свои баркаролы. В порту Куинстауна полно итальянских судов. Гуляют, сечешь, Бен, в лунном свете в своих землетрясных шляпах. Сливаются голоса. Боже, какая музыка, Бен. В детстве слышал. Крест Колоколло порт лункаролы.

Кислую трубку отняв щитком ладонь у губ трубил лунсвет ночью зовычный вблизи, зов вдали, отзыв.

Вниз по краю трубки Фримена неся Блюмов сглаз, рыская, где это я видел. Каллан, Коулмэн, Дигнам Патрик. Эй-хо! Эй-эй! Фосет. Ага! Как раз увидел.

Надеюсь, что он не увидел, дошла крыса. Он держал, расправив, свой *Фримэн*. Сейчас не увидит. Не забыть писать Е на греческий лад. Блюм макнул. Блю мур: Дорогой сэр. Дорогой Генри писал: Дорогая мэди. Ваш пись и цвет. Черт куда сунул? Эт карм или друг? Абс. невозмож. Почеркнуть невозмож. Написать сегодня.

Скучища все. Скучая Блюм бубнил нежно я просто задумавшимися пальцами по плоскому прессу что Пат принес.

Валяй. Что я имею в виду. Нет, изменить хвостики е. Примите мой скромный подарок прилаг. (22) Попросить ее не отве. Стоп. Пять Диг. Здесь около двух. Пенни на чай. Илия гря.

Семь для Дэйви Бирна. Около восьми. Скажем, полкроны. Мой скромный подарок: почперевод на два с половиной. Напиши мне длинное. Ты презираешь? Бричка, торчит? В восторге. Почему ты назвала шалуном? Ты тоже шалишь? Ах, Мэри потеряла резинку от. Пока. Да, да, скажу тебе. Хочу. Чем удержать. Выбрать другой. Другой свет, написала она, вместо цвет. Мое терпение сядет. Чем удержать. Вы должны поверить. Верьте. Круж. Это. Чистая. Правда.

Глупости что я пишу? Мужья не. Это от женитьбы, от жен. Потому что я не с. Положим. Но как? Ей надо. Молодится. Если она докопается. Карточка за лентой шля. Нет, не рассказывать. Лишь причинит муки. Что глаз не видит. Женщина. Два сапога пара.

Наемный экипаж номер триста двадцать четыре, кучер Бартон Джеймс, проживающий на авеню Гармонии № 1, Доннибрук, в котором сидел пассажир, молодой человек, модно одетый в костюм фиолетового саржа, сшитый Джорджем Робертом Мессиейсом, закройщиком и портным, Райская набережная № 5, в шикарнейшей шляпе, приобретенной у Джона Пласто, Б.Брунсвикская улица, шляпника. А? Это брэнчка брэнчит и брэнчуэт. Яркими трубами Агендата у "Свинины" Длугача рысью пошла борзозадая кобыла.

— Ответ на объявление? зоркого Риччи глаза спросили Блюма.

— Да, сказал м-р Блюм. Коммивояжер. Попусту, надо думать.

Блюм мурчал: характеристики. Но Генри писал: это заводит меня. Ты знаешь, как. В спешке. Генри. Греческие е. Стоит приписать P.S. Что он сейчас наигрывает? Импровизирует. Интермеццо. P.S. там пам пам. Как ты меня нак? Накажешь меня? Юбка сбилась хлопает, шлепнуть по. Скажи я хочу. Знать. О. Иначе бы не спрашивал. Ла ла ре. Тянется грустно минорно. Почему минор грустно? Подпись Г. Они любят грустный конец. P.P.S. Ла ла ла ре. Сегодня мне так грустно. Ла ре. Так одиноко. До. Он живо пропакнул патовой промакашкой. Конв. адрес. Просто выписать из газеты. Мурчал: Каллан, Колмэн и К. Генри писал:

Мисс Марта Клиффорд
до востребования
почтамт.

Дельфинов переулоч, Дублин

Промакнуть тем же местом, чтоб не смог прочесть. Вот так. Идея рассказа на конкурс. Детектив прочел на промакашке. Гонорар: гинея за столбец. Мэтчем часто вспоминал смеющуюся чаровницу. Бедная миссис Пьюрфой. Н.а. : на.

Слишком поэтично это насчет музыки. Музыка навеяла. Чары музыки, сказал Шекспир. Цитаты на каждый день в году. Быть или не быть. Мудрость на вес и поштучно.

В розовом саду Джерарда на Феттер Лэйн он гуляет, седина в каштане волос. Жизнь всего одна. Тело всего одно. Но не мешкай! Твори!

Вот и сделано. Купон почтперевода. Почта неподалеку. Пойти сейчас. Хватит. У Барни Кирнана я обещал встретиться с ними. Неприятное дельце. Дом скорби. Пойти. Пат! Глухая тетеря. Коляска уже почти там. Говорит. Говорит. Пат! Не слышит. Складывает салфетки. Набегается, небось, за день. Пририсовать ему глаза-нос-рот на затылке и его будет два. Что бы им еще не спеть. Все же отвлекает. Лысый Пат половой конвертом складывает салфетки. Пат-половой, что туг на ухо. Пат — половой, что подает, пока поддаешь. Хе хе хе хе. Подает, пока поддаешь. Хе хе. Половой что. Хе хе хе хе. Подает пока поддаешь. Пока поддаешь если даешь, он подаст то, что даст. Хе хе хе хе. Ха. Официальный официант. Подает пока поддаешь.

гляньте, какую чудную раковину она привезла.

К пределам бара к нему легко поднесла она колючий витой морской рог, чтоб он, Джордж Лидуэлл, поверенный, мог внять.

— Послушайте! велела она.

Под джинного каления слова Тома Кернана аккомпанист легче плел звуки. Подлинный факт. Как Уолтер Банти утратил голос. Да, сэр, муж схватил его прямо за горло. *Негодяй*, сказал он, *больше ты у меня серенад не поешь*. Да сэр Том. Боб Каули плел. Тенорам бабы дос. Каули откинулся. Ах, сей-

час он слышит, она прижала к его уху. Слушай! Он слышит. Чудесно. Она прижала к своему уху и в процеженном свете бледное золото контрастом скользнуло. Чтоб слышать.

Тук.

Блюм сквозь дверь бара видел раковину, прижатую к их ушам. Он слышал невнятнее, чем они слышали, сперва прижимая себе, потом друг дружке, внимали плеску волн, громкому безмолвному гуду.

Бронза уставшего золота, вблизи, вдали, оне внимали. Ее ухо тоже раковина, мочка выглядывает. Была на пляже. Ах, эти красотки у моря. Так дубят кожу. Смазали бы кремом сперва чтоб загореть. Гренки с маслом. О и не забыть лосьон. Сыпь у рта.

Мне совсем вскружили. Волосами оплела: раковина и водоросли. Почему они прячут уши под водорослями волос? А турчанки рот, почему? Ее глаза под завесой, паранджой. Пробраться внутрь. В пещеру. Посторонним вход воспрещен. Море они думают они слышат. Пение. Гул. Это кровь. Гудит в ухе иногда. Что же, и это море. Лейкоцитовы острова.

И впрямь чудесно. Так отчетливо. Снова. Джордж Лидуэлл прижал ее напев, внимая: затем положил ее бережно.

— О чем поют бурные волны? спросил он ее, улыбнулся.

Чаруя безмолвной урыбкой Лидия Лидуэллу улыбнулась.

Тук.

У Ларри О'Рурка, у Ларри, лихого Ларри О'Бойлан прынул и Бойлан свернул.

От позабытой ракушки мисс Мина скользнула к поджидавшему ее бокалу. Нет, она не томилась от одиночества, лукаво головка мисс Дус поведала м-ру Лидуэллу. Прогулки у моря в лунном свету. Нет, не в одиночестве. С кем? Она достойно ответила: с кавалером.

Мерцающие пальцы Боба Каули снова заерзали дискантом. У домохозяина преимущества. Отсрочку. Длинный Джон. Большой Бен. Легко он заиграл легкую звонкую ясную плясовую для легконогих дам, лукавых и улыбающихся, и их галантных кавалеров. Раз: раз, раз, раз: два, раз, три, четыре.

Море, ветер, листья, гром, воды, коровы мычат, конская

ярмарка, петухи, куры не кукарекуют, змеи шипят. Повсюду музыка. Дверь Ратледжа: скришит и-и-и. Нет, это шум. Минуту из *Дон Жуана* он сейчас играет. Придворные туалеты всех сортов в залах замка пляшут. Убожество. Крестьяне под стенами. Зеленые с голодухи лица, уминают лопухи. Как мило.

Гляди: гляди, гляди, гляди, гляди: гляди на нас.

Вот это радостная, я понимаю. Никогда не написал такого. Почему? Моя радость — другая радость. Но обе — радости. Да, несомненно, радость. Уже сама мудрость показывает, что ты. Часто думаешь, что она хандрит, пока не зачирикает. Тогда понимаешь.

Саквояж МакКоя. Моя супруга и ваша супруга. Кот верещит. Будто шелк рвут. Когда она говорит, будто меха хлопают. Не выдерживают паузы, как мужчины. В голосах у них тоже — пустоты. Заполни меня. Я тепла, темна, доступна. Молли в *quis est homo*: Меркаданте. Ухом к стене прислушиваюсь. Ищу бабу чтоб без булды.

Бряк бреньк бричка стала. Щегольская кожаная туфля щеголя Бойлана носки лазурные стрелки легко ступила на землю.

О глянь, мы такие! Камерная музыка. Мог бы скаламбурить. Вот о такой музыке думается, когда она. Акустика, вот что. Перезвон. От пустой бочки больше шуму. Вследствие акустики резонанс соответственно меняется, так как вес воды равен закону падающей воды. Как эти рапсодии Листа, венгерские, с цыганистыми глазами. Жемчуга. Капли. Дождь. Тра ля ли лю лю. Пссс. Сейчас. Может быть, сейчас прежде.

(23) Кто-то стукнул в дверь, кто-то трахнул трах, Пауль Ван Хер трахнул в дверь зычным торчащим молотком петухом охеревшим кукареком кукукареком. Кракрак.

Тук.

— *Qui sdegno*. Бен, сказал отец Каули.

— Нет, Бен, Том Кернан вмешался. *Паренька-стригунка*, (24) напев родимых гор.

— Ага, давай, Бен, м-р Дедалус сказал. Народ честной.

— Давай, давай, они умоляли разом.

Пойду. Сюда, Пат, вернись. Поди сюда. Пришел, пришел, не мешкал, пришел, ко мне. Сколько?

— В каком ключе?

— Фа дизез мажор, Бен Доллард сказал.

Выпущенные когти Боба Каули терзали черные глухозвучные струны.

Надо идти принц Блюм сказал Риччи принцу. Нет, Риччи сказал. Да, надо.

Деньги раздобыл. Пустился во все тяжкие. Лько? Слуховидит губоречь. Один и девять. Пенни возьмите себе. Вот. Дай ему два пенса на чай. Глухой, вспотевший. Но может и у него жена, семья, ждут, пока жаждущий Патти не придет домой. Хе хе хе хе. Глухарь жаждет, пока они ждут.

Жди. Внемли. Звуки мрак. Заупокойкойные. Низкие. В пещере во мраке средиземья. Вкрапления руды. Музамородки.

Голос мрачной поры, нелюбви, земной тяготы, гробовой, степенный, спустился, полон боли, пришел издалека, с косматых гор, воззвал к честному народу. Духовника зовет он, ему расскажет все.

Тук.

Голос Бена Долларда барантон. Дует, что есть мочи, скажем. Клик обожженных, безлюдных, безлунных, безженных болот. (25) Крах. Поставщиком товаров для судов был он когда-то. Помню: смоленные канаты, корабельные фонари. Залетел на десять тысяч фунтов. Сейчас в коммуналке Гиннеса. Каморка номер такой-то. Номер Один "Басс" довел его.

Священник у себя. Служка лжепоп зовет его войти. Входи. Святой отец. Витые завитушки аккордов.

Губят людей. Жизни рушат. Затем строят им каморки век доживать. Баю бай. Ляг, усни. Ляг, дог. Дог сдох.

Тревожный глас торжественной тревоги поведал им, что юноша вступил в безлюдный зал, поведал им, как торжественно звенела его поступь, поведал им об угрюмом покое, о духовнике в рясе.

Добрый мальй. Чуток рехнулся. Думает, что разгадал ребус поэтов в "Разгадке". Мы вручаем вам хрустящую ассигнацию. Птица на яйцах в гнезде. Слово о последнем министре, он думал это. Ка пробел тэ домашнее животное. Бэ черта гэ бесстрашный мореплаватель. Хороший голос у него все же. Еще не евнух со всеми своими причиндалами.

Чу. Блюм слушал. Риччи Голдинг слушал. И у дверей глухой Пат; потный Пат, очаеванный Пат зачарованно слушал.

Аккорды долдонили медленнее.

Зов кручины и угрызенья возник медленный, вычурный, трепетный. Покаянная борода Бена исповедалась: *In Nomine Domini*, во имя Господа. Он преклонил колена. Он ударил себя в грудь, каясь: *mea culpa*.

Снова латынь. Держит их, как деготь птичку. Поп с причастием, *corpus Christi*, для баб. Мужик в морге, гроб или гриб, корпусимени. Интересно, где сейчас эта крыса. Скребется.

Тук.

Они слушали: бокалы и мисс Кеннеди, Джордж Лидуэлл дуэлли звуков веком внемя, полногрудый бархат, Кернан, Сай.

Саданул сиротливо горестный глас. Грехи его. С пасхи трижды сквернословил. Ты сучий выб. Вместо мессы пошел играть. Однажды мимо погоста прошел и за матери упокой не помолился. Паренек. Стриженный паренек. Паренек-стригунок.

Бронза внемя у пивнасоса, взор вперила вдаль. Задушевно. И невдомек что я. Молли большой спец заметить если секут.

Бронза вперила взор вдаль, вбок. Зеркало там. Это выигрышная поза? Они всегда знают. Стук в дверь. Последний шанс прихорошиться.

Кукхеррекуку.

Что они думают, когда слушают музыку? Так ловят гремучих змей. Вечер, когда Майкл Ганн дал нам ложу. Настройка. Персидскому шаху это больше всего полюбилось. Напомнило о доме, милом доме. Высморкался в штору, вдобавок. Обычай у них такой, может. И это музыка. Не так худо, как слышится. Труби, трубодур. Хочешь, в медный хобот дуй, все равно. Контрабасам не дать контры, бока расфалованы. Гобой мычат коровами. Рояль разинутым крокодилом чаррры музыки. Гобой рифмуется с тобой.

Она выглядела классно. (26) Свое шафранное платье она надела, с декольте, буфера все на виду. Гвоздикой ее дыханье было всегда в театре, когда наклонялась спросить. Рассказал

ей, что говорил Спиноза в книге у папы. Бедняга! Загипнотизирована, слушала. Глазищи вот такие. Склонилась. Чувак из бельэтажа пялился на нее в бинокль что было мочи. Красу музыки нужно слушать дважды. Природа женщина полвзгляда. Господь сотворил мир, человек — ритм. Мадам всех коз. Философия. Ко всем камням!

Все кануло. Все сгнули. При осаде Росса отец его, у Гори все братья пали. К Уэксфорду, мы ребята из Уэксфорда, он спешит. Последний в своем роду-племени.

Я тоже последний в своем роду. Милли молодой студент. Может моя вина. Нет сына. Руди. Сейчас уже поздно. Или не? Если не? Если все еще?

Злобы не ведал он.

Злоба. Любовь. Слова. Руди. Скоро я старый.

Большой Бен голос развернул вовсю. Мощный голос, Риччи Голдинг сказал, румянец бьется на его бледном. Блюму, скоро старому, но когда был молод.

(27) Сейчас пора Ирландии. Моя страна превыше короля. Она слушает. Кто боится говорить о тысяча девятьсот четвертом? Пора отваливать. Нагляделся.

— *Благослови меня, отче*, Доллард-стригунок возрыдал. *Благослови меня в путь.*

Тук.

Блюм смотрел, неблагословенный в путь. Разят *наповал*: на восемнадцать шиллингов в неделю. Мужики уже раскошелятся. Как ракушку вычистят. Не дремли, капитан. (28) Ах, эти красотишки на взморье. У печальных волн морских. Роман хористки. Письма зачитывают за нарушение обещания. Цыпленочку от ее Пупсика. Смех в зале суда. Генри. Я никогда не подписывался. Красивое имя у тебя.

Глубже тонула музыка, голос и слова. Затем ускорила, лжепоп прянул солдатом из сутаны. Кавалергард. Они знают ее наизусть. Им бы потрепетать. Кавалер.

Тук. Тук.

Трепеща, она внимала, склоняясь в сочувствии, чтоб слышать.

Пустое лицо. Целка, надо думать: или только фалованная.

— Лаблаш, сказал отец Каули.

Бен Доллард грузно грочечет к бару, осанну пожал и все розово, тяжелой поступью стопы, подагристые пальцы щелкают кастаньетами в воздухе. Большой Бен Доллард. Биг Бен. Биг Бенбен.

Ррр.

И глуботронуты все, Саймон трубит сострадание сиреной носа, все смеясь явили народу Бена Долларда дружными звонкими кликами.

— Заалел, сказал Джордж Лидуэлл.

Мисс Дус розу уложила официальной.

— *Макри* Бен, сказал м-р Дедалус, хлопая Бена жирную спинную лопатку. Здоров, как Бык, только жировым слоем обложился со всех сторон.

Рррррссс.

— Смертный жир, Саймон, Бен Доллард прохрипел. Риччи трещина в лютне одиноко сидел: Голдинг, Коллинс, Уорд. Не уверенно он ждал. Неплаченный Пат тож.

Тук. Тук. Тук. Тук.

Мисс Мина Кеннеди приблизила уста к уху первого бокала.

— М-р Доллард, они мурчали тихо.

— Доллард, мурчал бокал.

Первый бок верил: мисс Кеннеди что она: что долл он был: Ей доллар: бок.

Он мурчал что он знал имя. То есть знакомо ему это имя. То есть он слышал имя Доллард, не так ли? Да, Доллард.

Да, ее уста сказали громче, м-р Доллард. Он чудесно спел эту песню, мурчала Мина. И *Последняя роза лета* — чудесная песня. Мина любила эту песню. Бокал любил песню которую Мина.

Последнюю розу доллэта покинув Блюм чуял газы крутят вертят в нутре.

Пучит от сидра: и крепит. Погоди. Почта рядом с Рувеном Дж. шиллинг и восемь пенсов должок. Разделаться. Прошмыгнуть по Греческой улице. Жаль, что обещал прийти. Вольнее на воздухе. Музыка. Влияет на нервы. Пивнасос. Рука, что качает колыбель, правит. Бен Хаут. Правит миром.

Даль. Даль. Даль. Даль.

Тук. Тук. Тук. Тук.

По причалу ступал Лионеллеопольд, проказник Генри с письмом для Мэди, со сладостью Греха с оборками для Рауля с мадам всех коз шел себе Польди.

Тук слепец шел стуча посохом по обочине тук тук.

Каули он ошарашивает себя этим: вроде пьянства. Лучше не стоять на пути, на полпути, пути мужа к сердцу девы. К примеру энтузиасты. Одни уши. Не пропустить бы завитушки скрипичного ключа. Глаза закрыты. Голова кивает в такт. Тронутые. Не смей шелохнуться. Думать строго воспрещается. Все беседы на тему. Трулюлюкают о трелях.

Все вроде попытки заговорить. Неприятно когда кончается, потому что никогда не знаешь точно. Орган на улице Гардинера. Старый Глинн полета фунтов в год. Странно там на верхотуре наедине с регистрами, педалями, клавишами, копулами. Сидит весь день у органа. Бахает часами, говорит сам с собой или с меходуем. Хрипит сердито, затем визг проклятий (надо бы ваты или чего заткнуть ему нет не надо вскричала она), затем нежданно нежно нежданно маахонький маахонький пууу порыв.

Пуук! Маахонький порыв пугачом пук. В махонькой блюмовой.

— Он? м-р Дедалус сказал, вернувшись с трубкой. Мы с ним были поутру у бедняги Падди Дигнама...

— Господи помилуй душу его.

— К слову здесь камертон лежит на...

Тук. Тук. Тук. Тук.

— У жены его чудный голос. Был, по крайней мере. Что? Лидуэлл спросил.

— О, это наверное настройщик, Лидия сказала Саймонлионелю раз я увидел, позабыл его когда был здесь.

Слепой он был она сказала Джорджу Лидуэллу два я увидел. И играл так восхитительно. Восхитительный контраст: бронзалид златомин.

— Кричи! Бен Доллард кричал, наливая. Во весь голос!

— 'лльдо! крикнул отец Каули.

Рррррр.

Кажется, мне нужно...

Тук. Тук. Тук. Тук. Тук.

— Очень, м-р Дедалус сказал, пристально уставясь на обезглавленную сардинку.

Под колпаком лежала на блюде одинокая, последняя сардинка лета. Одиноким блюдом.

— Очень, уставился он. Например, нижний регистр.

Тук. Тук. Тук. Тук. Тук. Тук. Тук. Тук.

Блюм шел мимо конторы Барри. Припирает. Потерпи. Пурген если б был. Двадцать четыре адвоката под одной крышей. Вчинить иск. Любите друг друга. Вороха грамот. Г-дам адвокатам Шкуро и Деру предоставляются полномочиГолдинг, Коллинс, Уорд.

Но, например, лабух бацает на барабане. Призвание: играть в оркестре Микки Руни. Интересно, как ему это втемяшилось. Сидит дома после свинины с капустой и вынашивает в себе. Репетирует свою роль. Бум. Бумбум. Клево его жене. Ослиные шкуры. Лупят их при жизни, бацают по смерти. Бум. Бац. Видимо то что называется яшмак то бишь кисмет. Судьбина.

Тук. Тук. Подросток, слепец с посохом, пришел постук-туктукивая под окно Дэйли, где дева моря, волосы разметаны (но он не мог увидеть) дымила девой моря (слепой не мог) девой моря с ее прохладным дымком.

Инструменты. Травинка, ее ладони раковинной, и дуй. Даже расческа и туалетная бумага — можно из них выбить мотив. Молли в своем балахоне, на Западной Ломбардной, волосы распущены. Я думаю, в каждом промысле свои, понимаете? У охотника — рог. Ха. Заторчал? Cloche. Sonnez la! У пастуха дуда. У полицейского свисток. Прочищай! Шестнадцать ноль ноль все в порядке! Отбой! Теперь все потеряно. Барабан? Бумбум. Погоди, я знаю. Городской глашатай, пристав на посылках. Длинный Джон. И мертвого разбудит. Бум. Дигнам. Бедняга именована. Бум. Это музыка, я имею в виду это все бум бум бум в ощем-то что зовут da saro — сначала. Все же можно услышать. Выступаем мы в поход, мы в поход, мы в поход. Бум.

Прямо позарез. Ффф. Ну а если бы я так на банкете? Всего лишь обычай шах персидский. Выдохнуть мольбу, уронить сле-

зу. И все же надо быть с рождения того, чтоб не понять, что это кавалергард. Весь укутан. Интересно, кто был этот мужик у могилы в коричневом макин. О, местная шлюха! (31)

Потрепанная шлюха в черной соломенной панамке набекрень шла стеклясь на свету вдоль по причалу в направлении м-ра Блюма. Раз он увидел этот чарующий облик. Да, так. Мне так одиноко. Дождливой ночью в переулке. Рог. У кого за? Огого. У него. Сбилась с маршрута. Что она? Надеюсь, не. Пест! Стирочку для вас. Узнала Молли. Просекла меня. Дородная дама эдакая была с вами в коричневом костюме. Сразу отбило охоту. Договорились о встрече. Зная, что мы никогда, ну почти никогда. Слишком низко, слишком близко к дому, милому дому. Заметила меня, а? Ну и страхолудина на свету. Рожа как решето. К черту ее! Ну ладно, и ей жить как-то надо. Отвернусь-ка я.

В витрине антиквариата Лионеля Маркса гордый Генри Лионель Леопольд милый Генри Флауэр искренне ваш м-р Леопольд Блюм узрел канделябр мелодион сочтется червивыми мехами. Цена снижена: шесть шиллингов. Можно научиться играть. За бесценно. Пусть только пройдет. Конечно, все дорого, если не нужно. Тем-то продавец и ценен. Всучит то, что хочет продать. Цирюльник продал мне шведскую бритву, которой брил меня. Хотел еще накинуть за сточенность. Сейчас она проходит. Шесть шиллингов.

Наверное, сидр, или, может, бургундское.

Близ бронзы вблизи, близ злата вдали чокнулись звенящими бокалами все доблестные и ясноглазые, пред бронзы Лидии искусом последней розы лета, розы Кастилии. Прима Лид Де, Кау, Кер, Долл, квинта: Лидуэлл, Сай Дедалус, Боб Каули, кернан и Биг Бен Доллард.

Тук. Юноша вступил в безлюдный зал "Ормонда". Блюм созерцал доблестного нарисованного героя в витрине Лионеля Маркса. Последние слова Роберта Эммета. Последние семь слов. Мейербер написал.

— И честной люд, как один

— Браво, Бен!

— Подымет с нами свой бокал.

Они подняли.

Чинк. Чунк.

Тук. Невидящий подросток стоял в дверях. Он бронзы не видел. Он злата не видел. Ни Бена, ни Боба, ни Тома, ни Сая, ни Джорджа, ни боков, ни Риччи, ни Пата. Огого. Нет у него. Сольблум, сальсольблум оглядывал последние слова. Тихонько. *Когда моя страна займет свое место среди*

Пррррр

Должно быть бур.

Ффф. Уу. Ррпр.

Народов мира. Ни души позади. Она прошла. *Тогда и только тогда.* Трамвай. Кран, кран, кран. Вот и случай пред. Подходит. Крандлькранкран. Конечно, это бургундское. Да. Раз, два. *Пусть напишут мою.* Каракаракаракаракаракаракара. *Эпитафию. Я.*

Ппрррпфррршшффф.

Свершил.

ПОСТРОЧНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Увертюра. С начала главы и до слова "Начнем!" идут мотивы, которые встретятся и дальше в тексте.

(2) Бронза. Две официантки, мисс Лидия Дус и мисс Мина Кеннеди, смотрят в окно на проезжающую процессию: вице-короля и сопровождающих его офицеров. Они восхищаются туалетом супруги вице-короля, думают, что один из офицеров заметил мисс Дус и оглянулся на нее.

(3) Блюмон... Блюм тем временем идет мимо магазинов Муланга, Уайна, Каррола. Он несет взятую для Молли книжку эротического характера "Сладость греха", героиня которой изменяла мужу и все делала для любимого Рауля.

К ним... Официанткам половой принес чай и надерзил. Официантки сидят и сравнивают материал своих бархатных блузок. Мисс Дус показывает свой загар — она вернулась из отпуска. Они говорят о средствах от загара. Они вспоминают старого хрыча аптекаря. Они видимо, не думают и не говорят о Блюме, хотя Джойс часто вводит тему Блюма.

Блючей... Блюм идет мимо магазинов Фигаеса и Лоре. Он видит Ма-

донну, и думает, что для христиан она — бог или богиня. Это напоминает ему о его походе в музей для проверки, как греки ваяли зад у богинь. Ему так и не удалось разглядеть толком — помешал заговоривший с ним Маллиган, дружок Стивена Дедалуса. Он вспоминает о книжке "Сладость греха".

(4) В пересмешном... Официантки смеются, вспоминая аптекаря, не Блюма!

(5) Мимо дверей... Блюм думает, что отец его босса по газете и муниципальному советнику Нанетти, тоже ходил от двери к двери, как и сам Блюм, но он торговал мадоннами и распятиями, и преуспел куда лучше. Блюм вспоминает, что нужно договориться с Нанетти-сыном. Решает пообедать. Близится четыре — час, когда придет Бойлан к Молли и наверняка трахнет ее. Вопреки тому, что считалось лет двадцать назад, сейчас большинство критиков уверены, что до этого Молли не изменяла Блюму.

(6) Официантки отсмеялись. В бар входит Дедалус, отец Стивена. Он болтает с мисс Дус. Девичья краса — цветок, горисвет.

"О Идолорес, краса восточных морей, царица Египта, обратись на запад ко мне" (из оперетты "Флородора"), — поет мисс Дус

Блюм решает купить бумаги у Дэйли, написать письмо Марте, с которой у него возникла настоящая переписка — она откликнулась на его объявление в газете. Встретиться с ней он, однако, боится.

(7) Ленеган справляется о Бойлане у официанток, начинает клепаться к мисс Кеннеди.

Бряк... — Бойлан едет к "Ормонду".

Ленеган рассказывает Дедалу, что встретил его сына Стивена в редакции и в пивной. Родильных мук — из "Отелло", акт 2, слова Яго.

Мисс Дус рассказывает о настройщике, настроившем ф-но.

Божью кару... тем временем руганул слепой настройщик, когда на него налетел невнимательный прохожий.

Ленеган ждет Бойлана, Дедалус бренчит на ф-но.

(8) Блюм в магазине Дэйли, покупает бумагу, два листа — один про запас, вспоминает, что Марта знает его под именем "Генри Флауэр" ("цветок", а "Блюм" — "цвет"). Ты несчастлив... — из письма Марты. В конверте Марты были цветок и булавка — любви, по примете. Цветок Блюм выбросил и сейчас задумывается, какой цветок это был и что он значит на "языке цветов". В одном из предыдущих писем Марта предлагала встретиться после мессы. Блюм видит рекламу сигарет "Девы моря".

(9) Внезапно он замечает брочку Бойлана, едущего к его Молли. Он думает кинуться за ним следом, забывает заплатить, продавщица ему напоминает, он платит, продавщица улыбается ему. Блюм думает, что и ему еще улыбаются и что на Молли свет клином не сошелся.

Тем временем мисс Кеннеди читает, Дедалус ударяет в камертон,

забытый слепым настройщиком. Он наигрывает песню "Ясные звезды меркнут, заря занялася, жемчужины росы на каждом лепестке... и я с тобой прощаюсь... поцелуй Флоры, сорвись с ее уст... я не смог тебя покинуть, хоть и сказал: прощай, милая, прощай".

Ленеган заигрывает с официанткой, "Кастильская роза" — название популярной оперы, роза — на груди мисс Дус.

(10) Бричка остановилась — Бойлан приехал в "Ормонд". Бойлан входит. Ленеган знал, что Бойлан — по пути к Молли. Он встречает Бойлана словами из "Иуды Маккавея" Генделя.

Блюм подходит к "Ормонду" и видит бричку Бойлана. Блюм не уверен, хочет ли он встретиться с Бойланом, должен ли он предотвратить измену Молли.

(11) Бойлан заигрывает с официантками и спрашивает, пришли ли результаты бегов. Результаты придут только в четыре, даже позднее, Бойлан ждет, но не дожидается.

Желая избежать встречи с Каули, Блюм встречает Риччи Голдинга и тот зазывает его пообедать в "Ормонде". В то время как Бойлан сидит в баре. Блюм проходит в столовую — видит, но не виден.

Ленеган и Бойлан пьют за победу Бунчука, фаворита, на скачках. Бойлан поставил на Бунчука и за себя и за Молли — он не признается, что поставил и за себя. Бунчук, впрочем, не возьмет кубка, как станет известно в следующей главе.

(12) Мисс Дусс называется "прекрасной Египтянкой" — вместо "царицы Эдема", как по песне. То ли Джойс спутал, то ли был такой вариант песни. Обратись на запад ко мне — из той же песни.

Голдинг и Блюм садятся в столовой поближе к дверям — видеть, слышать. Блюм недоумевает, почему Бойлан еще не с Молли — позабыл? разжигает аппетит? "Я бы не смог" так оттягивать, думает Блюм.

Ленеган уговаривает мисс Дус шлепнуть подвязкой, изображая бой часов, что она и делает. Бойлан выходит, Ленеган в курсе и шутит — "заторчал?".

В бар входят "отец" расстрига Каули и Бен Доллард. У Каули — проблемы с домохозяйном. Доллард обещает связаться с Длинным — шерифом. Доллард садится за ф-но.

(13) Бойлан уезжает к Молли — она отдастся ему через несколько минут, как только доедет.

Дедалус просит спеть дуэт "Любовь и война".

(14) Мисс Дус огорчена быстрым отъездом Бойлана.

Каули вспоминает, как однажды он занял костюм у Молли — она давала одежду напрокат. Дедалус грязно шутит — "снимает одеяния".

(15) Бойлан едет. Блюм заказывает печень с ветчиной. Он вспоминает, как Молли произнесла слово "метемпсихоз" поутру. Книжку Пауля ван Хера она попросила принести — "такое славное имечко". Почки горели поутру на сковородке, хер горит от триппера — этой беды множества дублинцев, хотя и не Блюма.

Дедалус и прочие вспоминают Молли — Марион Твиди. Отец Молли — старый военный, то ли майор, то ли сержант, а то и вовсе тамбур-мажор. Все, сказанное о нем в книге, позволяет толковать его воинские достижения по-разному. Молли родилась в Гибралтаре, ее родители — ирландский военный и испанская еврейка Лунита Ларедо (поэтому, может быть, ее и познакомили с Блюмом).

Тамбурина — район Дублина.

(16) Блюм и Голдинг обедают. Бойлан приближается к дому Блюмов. Доллард запел "любовную" часть дуэта, в котором любовник поет (тенор): "Когда любовь охватит мою страстную душу, нипочем мне день завтрашний... нежными поцелуями, блаженными ласками любовники гонят печаль", а солдат (бас) поет в ответ: "Когда война охватит мою страстную душу и т.д. громом пушек солдаты гонят печаль". Отец Каули просит у Долларда спеть "военную" часть дуэта.

(17) Мисс Кеннеди подала пиво, нашла клиентам в газете, куда ехал вице-король со свитой. Блюм ест и вспоминает тот же эпизод, о котором рассказывал минуту назад Доллард — как тот приходил к Молли одолжить костюм, как Молли обхохоталась. Бас барантон — так Молли называла голос Долларда. "Последнее прости" — "Эпилог Грига".

(18) Бричка едет. Блюм думает о том, что Голдинг болен — болезнь почек. Поэтому он на диете. Голдинг вспоминает арию "Все утрачено". Блюм думает: сейчас все утрачено. Все время наигрывает не его дочери — слова Полония из "Гамлета". Дедалус сомневается в отцовстве Блюма — после смерти сына у Леопольда и Молли осталась одна дочь — Милли.

Дедалус поет арию из оперы "Марта" комп. Флотоу, арию Лионеля из Третьего акта.

(19) Блюм думает, что женщины любят теноров. Он вспоминает, что Бойлан все время напевает песенку "Мне совсем вскружили голову красотки на взморье", эту песенку ему напомнила его дочь Милли. Какие духи - фраза из письма Марты. Блюм представляет, что будет, когда Бойлан приедет к Молли. И руки схватились - из "Сладости греха".

(20) Блюм вспоминает письмо Марты: "Красивое имя (Флауэр) у тебя. Я назвала тебя шалунишкой", и думает — надо прекратить переписку. Блюм вспоминает, как он познакомился с Молли у Матта Диллона, в Гибралтаре. Дедалус завершает песню Лионеля Марте.

Блюм думает, что Голдинг восхищается Дедалусом, своим свояком, хотя тот презирует его. Блюм вспоминает похороны Дигнама, на которых он был с утра, Блюм представляет состарившуюся Молли

Блюм просит бумаги и перо у Пата — написать ответ Марте. Для того чтоб Голдинг не догадался. Блюм делает вид, будто он отвечает на объявление "требуется коммивояжер".

ет,* сколько денег у него осталось после пожертвования семье Дигнама, вспоминает объявление: "Илия грядет", вспоминает песенку "Ах, Мэри потеряла резинку от трусов, не знает чем удержаться", вспоминает, что Марта написала, что не любит другой свет, вместо: другой цвет. Каллан, Колмэн — похороненные в тот день дублинцы, их имена Блюм только что прочел в газете. О конкурсе Блюм думал с утра, когда прочитал в уборной победивший на таком регулярном конкурсе рассказ Бьюфоя: в котором была фраза о Мэтчеме. От Бьюфоя его мысль переходит к м-с Пьюрфой, никак не могущей разродиться. Он уже спутал сегодня эти два имени в беседе с м-с Брин, муж которой получил издательскую открытку "Н.а." — на...

В розовом саду — этот абзац вводит тему Шекспира, он целиком перенесен из "мыслей Стивена" и прямо с Блюмом не связан.

Встретиться с ними — с друзьями покойного Дигнама, чтобы помочь вдове. Блюм предчувствует, что ничего хорошего из этого визита не получится и он прав — см. главу "Циклоп".

(23) Кто-то стукнул в дверь — Бойлан приехал к Молли.

(24) Бен Доллард поет песню о "Пареньке-стригунке": ирландском пареньке, собравшемся воевать за свободу Ирландии против англичан. Паренек собрался воевать, но сначала он решил исповедоваться. Он не догадался, что его исповеди внимал английский кавалергард. Лже-поп, узнав о планах паренька, приговорил его к смертной казни. Так начинается "национальная тема" Улисса, которая занимает полторы главы — вторую половину Сирен и Циклопа. Национальный пафос совершенно не задевает Блюма — и Джойса. Блюм озабочен изменой жены, что волнует его куда больше, чем судьба стриженного паренька. Джойс противопоставляет проблему человеческую — национальной, не человеческой.

(25) Крах... — Блюм вспоминает, что Бен Доллард когда-то преуспевал, но затем стал налегать на пиво ("Басс" № 1), обанкротился, сейчас живет в доме, содержащемся благотворителями — хозяевами пивного завода "Гиннес". Хозяйева пивзаводов сначала довели Долларда до ручки, а потом оказали ему благотворительность.

Ты сучий выб... — выругался слепой настройщик. Здесь совпадает с исповедью стриженного паренька.

(26) Она выглядела классно... Блюм вспоминает вечер в театре с Молли. Мадам... — так Молли произнесла слово "метемпсихоз".

Милли молодой студент — молодой студент кадрит Милли, дочь Блюма, о чем она намекнула в полученном им утром письме.

Нет сына. Руди. — Руди, единственный сын Молли и Блюма, умер в детстве. С его смерти, десять лет назад, начался разлад в доме Блюмов. Блюм думает — может, еще не поздно для него и Молли породить сына.

(27) Кто боится... — Блюм пародирует фразу националистов (см

Циклоп) "Кто боится говорить о 1898". Напомним, что действие происходит в 1904 г. Разят наповал — официантки.

(28) Ах, эти красотки — из той же песни, что напомнила Милли в своем письме.

Блюм думает — а что, если Марта подаст на него в суд и его письмо будет оглашено в суде. Он вспоминает, что никогда не подписывался. Только красивым именем Флауэр.

Богини я не разглядел — есть ли у них третья дыра, во время визита в музей.

Три дыры все бабы — ср. у современного израильского драматурга Ханоха Левина: "жопа, а на ней груди".

Соломон понимал — язык животных по Агаде (легендам в Талмуде). Забавно, что ведущий комментатор Улисса не знал этого и усомнился, откуда Блюму такое.

(29) Тук — стучит клюка слепого настройщика, идущего в "Ормонд" забрать забытый камертон. Снова "сучий выблядок" напоминает о нем.

Горицвет — то же, что и девичья краса.

(30) Ррр — бушуют газы в кишках Блюма и рвутся наружу.

(31) Страдающий от газов Блюм идет по улице и видит проститутку, с которой он однажды встретился. Он старается избежать ее — она узнала Молли ("Дородная дама").

Никогда, ну почти никогда — из оперетты, где моряк клянется никогда не изменять, и на изумленное "никогда?" своих друзей отвечает "почти никогда". Оттуда же и "слишком низко..."

Блюм отворачивается к витрине магазина, ожидая, пока пройдет шлюха. Тем временем слепой настройщик вступает в "Ормонд".

Блюм читает последние слова национального героя Ирландии Роберта Эммета (курсивом) и ждет подходящего трамвая — чтобы в его ляжке и шуме спокойно... пернуть. И это сливается с последними словами Эммета. Этот подлинный апафеоз "национальной темы" у Джойса, бежавшего от ирландского возрождения и независимости, многим пришелся не по вкусу. Русскому Блюму пришлось бы помочиться на могилу Космодемьянской, Блюму израильскому — сделать то же, что и герой Джойса, при чтении слов Трумпельдора "Хорошо умереть за свою родину". Набоков не понял этого места или не захотел понять и в своих лекциях объясняет его невинной "извращенностью Джойса". Впрочем, Набокову Улисс был где-то противопоставлен: он не мог понять, как Блюм может быть героем, да и почему написан "Циклоп".

*Такой пропуск в бумажной версии журнала — Д.Т.

ПРАВДА — В ГЛАЗА ОБЩЕСТВУ

Даже в пору так называемой "либерализации" советский человек не может высказать всего, что думает о собственной жизни. Не случайно такой одаренный сатирик, как Михаил Жванецкий, куда чаще выступает на сцене, чем в литературе. Рассказы Жванецкого, которые пришли к нам по каналам самиздата, были опубликованы в 89-м номере журнала.

Сегодня мы предоставляем слово двум другим талантливым сатирикам — Геннадию Хазанову и Михаилу Городинскому.

Имя Хазанова, который исполняет со сцены и свои собственные вещи, и рассказы других авторов, пользуется в СССР большой популярностью. В своих выступлениях, пародиях, устных рассказах, эпиграммах, юморесках — он, не стесняясь, высказывает горькую правду в глаза обществу. Публикуя некоторые из текстов его выступлений, пришедших так же по каналам самиздата, мы, разумеется, не в состоянии полностью передать их колорит, рождаемый и талантом Хазанова, и еще больше — колоритом советской жизни.

Трудно воссоздать во всем блеске юмор и другого автора — Михаила Городинского, с рассказами которого выступает Хазанов. Тем не менее надеемся, что предлагаемые читателю рассказы вызовут у него большой интерес — хотя бы потому, что помогут ему лучше представить сегодняшнюю советскую действительность.

ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ — В САМИЗДАТЕ

ЗАЩИТОЕ ОБЩЕСТВО

БУДЬ ГОТОВ К НАВОДНЕНИЮ

Что это за манера: с утра нашептать полные уши — пока глаза на лоб не полезут. Кто-то о чем-то сказал! Кто-то где-то там слышал! Неужели не хватает нашей официальной информации? Да у нас в газетах, журналах, в кино, на телевидении — чего только не увидишь?

Надо только суметь разглядеть, а не шептаться — так что глаза и уши на ширину плеч. Вот уж не замечаем, привыкли, а ведь совсем недавно начало мелькать на экране обнаженное женское тело. Ну, правда, пока по частям, но уже большими кусками. Вот вы зря все шуточки, анекдотики, мол, у нас до сих пор... Я сам видел на прилавке — не под, а над — стоят книги по теории и практике брака, изданные в Белоруссии.

На страницах идет заинтересованный разговор с употреблением таких слов, что, оказывается, у матерных выражений есть вполне приличные синонимы. Авторы публикуют письма женщин, из которых следует, что девичья скромность, воспитанная школой, женская честь, пронесенная нетронутой через го-

ды супружеской жизни, принесли плоды: дети и мужа разбежались! И наши уважаемые брошенные женщины, стиснув зубы, пишут: "Черт с ними с удовольствиями, не для того живем! Но детей жалко, которых нет". На что авторы книги резонно отвечают, что дети получаются только в результате того, что до недавнего времени считалось неприличным и недостойным нашего человека. А другого способа пока нет. И хотя ученые пробуют на морских свинках, но те на эксперименты идут с неохотой.

С одной стороны, у нас, слава богу, не Швеция, где дети все знают, но, с другой стороны, у нас есть и недети, которые ничего не знают. В результате молодые бьют запоздалую тревогу и в письмах спрашивают: "Хотя бы намекните, как это делается?" И им отвечают — причем, что удивительно — отвечают именно на те вопросы, которые задают. Вот и пошли благодарные письма: "Спасибо за советы, я впервые испытала чудовищную радость, хотя считала себя порядочной женщиной. Мало того, муж все время говорит, что я жду ребенка!" Так что видите, что в интимной жизни просто революция происходит. А говорят, мало информации.

Или по телевизору сообщают: "На Камчатке наводнение, но жертв и разрушений нет!" Потому что население заранее знало и заблаговременно подготовилось. И тут же покажут Голландию, которую утром залило, а вечером у нас известен ущерб до гульдена, то-есть, телевидение помогает наглядно представить, что может стихия, если застанет врасплох. Но хорошо, что у нас к стихийному бедствию всегда готовы, только и ждут... А все равно тревожно... Голландцам помочь нельзя, но своим-то можно! Ведь на Камчатке под водой живут наши люди! И начинается это самое "шу-шу-шу", а через три месяца появляется с тех мест репортаж, в котором говорится, что поселок стал еще краше, чем был раньше. Выходит, и без твоей помощи, и без "шу-шу", сделали все, что смогли. А лишние подробности зачем? Не хотели тебя волновать! Работай спокойно: работай, работай, работай! Будь готов к наводнению!

ФРАГМЕНТ

Согласитесь, что в каждом приличном городе должна быть достопримечательность. В Париже — Эйфелева башня, в Риме — развалины Колизея... У нас в Зареченске таких достопримечательностей было две: дуб, в тени которого проездом останавливался Пушкин, и в горсаду скульптура античного героя Геракла — как известно, мужчины героических пропорций. Причем, из одежды, по мифологической моде — на нем был один только меч. Сопровождающие во время экскурсии объясняли, что перед вами, мол, грек, античный герой, фамилия Геракл. Начальство авторучкой ткнуло в середину композиции и сказало: "Что грек — и без вас вижу! А это что?" Сопровождающие стали оправдываться: "Ну, нашей-то вины тут нет, не досмотрели предшественники четыре века назад при высечении Геракла. Конечно, извините, но время, видно, было такое, сейчас уже из песни слова не выкинешь: памятник культуры!" Начальство, говорят, возмутилось до крайности: "Памятник культуры должен выглядеть культурно, а этот в центре города и в таком виде. Дети в школу ходят мимо чего? Молодежь необстрелянная вечерами прогуливается мимо чего? Горсад — это лицо города! Что у вас с лицом? У себя в Греции пусть, как хочет, так и стоит! А у нас, чтоб как у людей все было — и завтра же!

Наутро у Геракла все было, как у людей. Он стоял, прикрывшись фиговым листком работы известного мастера Каравайчука — розовый, ненадеванный, как говорят, листок нарядно смотрелся на потемневшей от времени могучей фигуре. Наконец-то Геракл мог, не стесняясь, честно смотреть в глаза зареченской молодежи.

Каким ветром занесло в наш город комиссию по охране памятников из Москвы — неизвестно. Увидев Геракла в обновке, члены комиссии чуть в обморок не попадали. Это же охраняется государством! Это же шестнадцатый век! Немедленно отодрать эту гадость! Ну, ясное дело, Каравайчук за ночь эту гадость отодрал, и опять Геракл стоял честно, по-античному.

Месяца через три посетили Зареченск греческие туристы.

Конечно, городок наш незакрытый, ничего такого там не делается, а то, что делается, лучше не показывать, если любишь родной город.

Греки народ шумноватый, вроде и не пьют, а навеселе. Бегают, смеются, адресами обмениваются зачем-то, все норовят фотографироваться.

Ну, естественно, горсад оккупировали, а там Геракл стоит. Они от радости очумели, поют, местных жителей целуют — причем все в губы норовят, черти. И вдруг один — профессор, наверное, в очках, в коротких штанишках — по-ихнему закудахтал, а переводчица стала переводить: "Мистер говорит, что это оскорбление их национального достоинства". Оказывается, то ли Каравайчук перестарался, то ли ветром сдуло, — только стоит Геракл в чем мать родила, но не полностью.

Видя такое возмущение греческих товарищей, начальство дало команду присобачить фрагмент в кратчайшие сроки: Каравайчук опять не подвел — наутро Геракл был в комплекте.

Письмо из Москвы пришло месяца через два с вырезками из греческих газет и с переводом. Геракловеды утверждали, что непонятно, с кого был вылеплен зареченский Геракл, поскольку не было соответствия исторической истине. Через определенные каналы были получены точные параметры, соответствующие оригиналу в Афинах. Данные пришли шифрограммой. Поседевший за ночь Каравайчук собственноручно расшифровал, и через день многострадальный Геракл ничем не уступал афинскому оригиналу. Более того, мог дать сто очков вперед.

Первой тревогу забила участковый врач Сергеева, бежавшая домой с дежурства. Она вызвала милицию и заявила, что повидала в жизни всякого, но такого безобразия еще не встречала. Смущенные ее доводами милиционеры набросили на Геракла шинель и связались с начальством, не зная, как действовать в данном нетипичном случае. То ли Каравайчук расшифровал неточно, то ли сведения были получены не с того оригинала — словом, фрагмент не вписывался в Геракла. Скорее, наоборот...

Дальнейшие реставрационные работы были поручены завмастерской по изготовлению надгробий и памятников Дави-

донову Никодиму. Что он там сделал или не сделал, не известно, потому что было принято единственно верное решение: заколотить Геракла досками. И — все! То-есть памятник охраняется государством И — конец! Теперь никто не мог сказать, что у Геракла что-то не в порядке. Но как-только античного героя заколотили, к нему началось паломничество. Сказалась вечная тяга народа к прекрасному. Гости города фотографировались на фоне заколоченной скульптуры и уезжали с чувством выполненного долга. Кто-то стал сбывать из-под полы фотографии Геракла без досок. По рублю за штуку. Но вскоре выяснилось жульничество — никакой это был не Геракл, а то ли Зевс, то ли Хемингуэй в молодости, на пляже.

Когда обман обнаружился, фото пошло по два рубля. Но что творилось в саду, у заколоченного памятника! Как будто там, за досками, выставили "Джоконду" Леонардо-да-Винчи — люди скреблись в зазорах, требовали показать им мученика Геракла. В городе создалась угрожающая обстановка. Стали поговаривать, что за досками никого нет. И наоборот, видели в пивной здорового мужика, который выдавал себя за Геракла и в доказательство размахивал... фиговым листком. Поползли по городу слухи: говорили, что Геракла заколотили потому, что, оказывается, его лепили с двоюродного брата атамана Петлюры. Словом, что там двенадцать подвигов Геракла! Достаточно заколотить человека досками, и ты — герой дня.

В один из воскресных дней огромная толпа смела наряд милиции, раскулачила доски, и вдруг наступила жуткая тишина: за досками никакого Геракла не оказалось. Возмущению горожан не было предела дней шесть. А потом потихонечку миф о Геракле стал удаляться в прошлое. В Зареченске снова стало спокойно и тихо. Что касается Геракла, то кое-кто в городе скажет вам, где он. Завмастерской по изготовлению надгробий и памятников Завидонов Никодим, согласовав вопрос с начальством, ночью в аварийном порядке вывез скульптуру на кладбище. Очень кстати скончался один старичок, безымянный глухонемой. Вот Никодим и водрузил ему на могилку памятник Геракла с новенькой датой "1902-1981". И все ста-

ло наконец на свои места. Так что в Зареченске нынче опять две достопримечательности (как в каждом приличном городе): дуб, посаженный Пушкиным, и могила античного героя Геракла. Причем, чтобы не было разночтений, Геракл вкопан в землю по пояс, отчего, как вы сами понимаете, произведение искусства только выиграло.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Все счастливые семьи похожи друг на друга. Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Это выражение я услышал в одна тысяча девятьсот семьдесят четвертом году, по телевизору "Рекорд-306", который в одна тысяча девятьсот семьдесят пятом году пропил вместе с антенной. О других счастливых семьях врать не буду. Расскажу о своей. Живем мы под Архангельском. Жену мою зовут Лидия. Ударил я Лидию всего один раз в одна тысяча девятьсот семьдесят шестом году, на Пасху. И с тех пор, можно сказать, толком ее не бил. Мы с Лидией растим сына Семена. Семен утверждает, что ему девять лет и учится он во втором классе. Сам я работаю грузчиком. А Лидия трудится в колхозе по учету остатков скота. Мы имеем половину дома, ведем приусадебное хозяйство, но по объективным причинам снять урожай пока не смогли. Из домашней скотины держим кота, по имени Николай Коперник, который после очередной кастрации упорно набирает вес. Из обуви, одежды и других товаров широкого потребления имеем электричество и газ.

До пятого класса я практически не пил. А к седьмому уже твердо знал свою норму. Вскоре я познакомился с Лидией. Через несколько дней, сразу по окончании увлекательного индийского фильма "Зита и Хита" у нас с Лидией случилось непоправимое. Лидия плакала, обвиняя во всем меня и индийское киноискусство. На следующий день по старинному обычаю ко мне пришли сваты — Лидин отец и брат. Они выломали дверь и сватали меня руками, ногами и другими предметами до тех пор, пока я не понял, что страстно Лидию люблю. И что с пеленок хотел только одного — поскорее вырасти и во что бы то ни стало построить с Лидией семью.

На первых порах мы день за днем вели интимную жизнь, в результате чего у нас появился сын Семен девяти лет и телевизор "Рекорд-306", в кредит. Вскоре, однако, я трагически осознал, что наша семейная жизнь уже построена, а что строить дальше я не знал. Меня охватила тоска, я изо всех сил пытался понять, почему передо мной всю жизнь должна быть именно Лидия, а не кто-нибудь другой. Например, не Ваня Тюрин из нашей бригады. Необходимо сказать, что наша специализированная бригада грузчиков тоже переживала тогда трудные времена. Производственный план мы систематически выполняли, но при этом, как случайно выяснилось, в течение месяца нагружали и разгружали одну и ту же автомашину, которая, к тому же, была лишена некоторых ходовых частей, в частности, двигателя и колес. Это явилось для нас полной неожиданностью. В течение четырех месяцев всей бригадой мы остро переживали эту ошибку. В результате переживаний один из членов бригады умер, а оставшихся в живых отправили в райцентр, в стационар, на принудительное излечение. В стационаре нам упорно внушали, что пьют не все, и в качестве примера показали кинофильм "Сухэ Батор", "Джузеппе Гаррибальди" и "Антон Рубинштейн". Нас упорно допрашивали и лечили, а после выпускного вечера и отважной мне вручили памятный диплом и рекомендации для дальнейшей счастливой жизни с учетом моих индивидуальных особенностей.

Ознакомившись с этими рекомендациями и вернувшись из стационара, я им следовал вплоть до самого вечера. А вечером, когда я еще раз прочел эти рекомендации, меня вдруг охватила жуткая тоска — я пошел и все это нарушил.

Летом одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года приехали к нам товарищи из Москвы снимать фильм о замечательном нашем земляке Михайле Ломоносове. Для съемок они долго искали избу, чтобы по всем приметам наиболее соответствовала тем несчастным временам, и в конце концов выбрали наш дом. Правда, им пришлось его немного отремонтировать: перестелить полы, сделать новую крышу, переложить печь, пристроить хлев, завезти мебель и посуду. Командовал у них режиссер, которого все звали "Защитый".

Только и слышно было: "Зашитый велел... Зашитый приказал... Зашитый озверел... с Зашитым стало совсем невозможно работать"

Однажды я купил бутылку "красного" и обратился к ихнему режиссеру: "Не сочтите, — говорю, — мои слова за недопонимание нашей общественной и человеческой разницы. Конечно, — говорю, — грузчику — грузчиково, а режиссеру — режиссерово, но давайте, товарищ Зашитый, сдвинем бокалы за братский союз труда и искусства!" А он говорит: "Спасибо, но я зашитый!" "Понимаю, — говорю, — что вы не кто-нибудь, а сам товарищ Зашитый, но уж не побрезгуйте". Он говорит: "Не в этом дело, я зашитый!" Вот, думаю, режиссер попался, у нас в бригаде глухонемой работал, так с ним и то интересней беседовать было. Взял я сына Семена, разыскал ихнего директора и все ему рассказал. Вот тогда-то директор мне объяснил, так, мол, и так, фамилия у режиссера совсем другая, а "Зашитый" — это вроде как творческий псевдоним. Потому что у него в одном месте ампула с крепленным ядом зашита — для устрашения организма! Это, говорит, сейчас широко практикуется в кругах творческой интеллигенции, чтоб ничего не мешало создавать духовные ценности.

... Пятого февраля сего года, вернувшись домой, я обнаружил исчезновение нашего сына Семена. Сперва я подумал, что Семен женился и теперь живет отдельно с семьей. Но спустя некоторое время припомнил, что Семену нет и шестнадцати. А спустя еще некоторое время вспомнил, что ему нет и десяти. "Где Семен, Лидия?" — спросил я. Лидия сидела на кровати, молчала и глядела на меня так, как глядел Коперник перед первой кастрацией. Я повторил: "Где, Лидия, Семен?" Она вымолвила: "В командировке". "В местной?" — спросил я, имея в виду Семенову малую надобность. Лидия не поняла хода моих мыслей и медлила с ответом. Ждать у меня времени не было и, как бы откладывая этот разговор на потом, я упал.

Через четыре дня Семен прибыл. Жена Лидия сразу побежала в магазин и, к моему глубокому удовлетворению, принесла то, чего я от нее никак не ожидал. Безгранично доверяя Ли-

дии, я тут же выпил за здоровье нашего самородка Семена, а Лидия дрожащей рукой налила мне еще. Ничего не подозревая, я выпил за здоровье и счастье всех борющихся континентов и народов. И как сидел, так и уснул, подложив под голову кота Николая Коперника.

Проснувшись утром, я обнаружил на своем туловище, в районе правой ягодки, какой-то фантик. Сперва я подумал, что у меня начались галлюцинации, о которых я слышал много интересного в стационаре. Я принялся упорно вспоминать строение мужского тела. Но где именно мог быть фантик, вспомнить не мог. Вскоре я обнаружил какой-то шовчик, протянувшийся от бантика на северо-запад до скважины пупка. Я принялся упорно вспоминать, где именно должен быть у мужчины шовчик, была ли у меня раньше скважина пупка, и если была, то где.

Мобилизовав все внутренние резервы своего ума, я вскоре восстановил весь ход событий. Сперва наш сын Семен отправился в Москву, как двести пятьдесят лет назад туда отправился наш самородок Михайло Ломоносов. В Москве Семен проявил не меньшее упорство, чем Михайло, проник в ряды творческой интеллигенции, где и получил ампулу с крепленным ядом. Лидия явно состояла с ним в сговоре и потому, побежав в магазин, принесла две бутылки нашего всеобщего наркоза, который я и принял, опрометчиво пожелав жене счастья. Ночью меня зашили. Операцию проводил тесть, на это указывал дешевый шпагат, которым по скупости был затянут шов, а также следы его сапог у меня на животе и груди. Ассистировала этому гуманисту Лидия, так как вся местность вокруг пупка была расшита ее любимым болгарским крестом.

ПАМЯТНИК

У нас в городе памятник решили поставить — фигуру рабочего, трудом которого создаются все народные богатства. Скульптора известного пригласили, он до этого уже не раз лепил образы рабочих. Скульптор приехал, стал на заводе выяснять, с кого ему образ лепить. Долго ходил, присматривался,

наконец нашел. Настоящий, говорит, современный рабочий: лицо простое, плечи широкие, руки мозолистые. Рабочим оказался наш главбух. Дирекция категорически против выступила, чтоб главбух в центре города стоял. Тем более вот-вот его должны были под суд отдать за хищение социалистической собственности. Стали отбирать по трудовым показателям. Ну, в общем, меня выдвинули. Потом долго спорили, какой величины памятник делать, спорили, спорили и наконец решили — будем делать в натуральную величину, один к одному. Скульптор мне кувалду в руки сунул и давай меня ваять. Ваял, ваял, за месяц всего наваял. И, знаете, похож — особенно кувалда и кепка. Чего говорить, ему хотели звание заслуженного дать, — он сам отказался. Сказал: "Лучше деньгами". В общем, послали эту скульптуру на специальный завод отливать в бронзе. Торжественное открытие памятника назначили на День металлурга. И вот День металлурга подходит, в газетах уже про открытие написали, по радио объявили, из столицы народ приехал, а памятника нету — не отлили, бронзы не хватило. Нет памятника, и все! Что делать? Меня вызывают куда надо и говорят: "Так, мол, и так, мы посоветовались, есть мнение!" Я не врубился сразу. В чем дело, говорю, отработаем. Они говорят: "Ты не дослушал. Тебе надо памятником отстоять... Денек потерпишь, к вечеру памятник привезут". Я что-то клекотать начал, вроде обман получается. Мне сразу объяснили: "Проявляешь политическую неграмотность! Срываешь мероприятие..." Я думаю, надо вставать. Намазали мне лицо, руки бронзовой краской, поставили на постамент, простыней накрыли. Стою полусогнувшись с кувалдой в руке и думаю, вдруг до меня кто дотронется, а я еще теплый!

В тринадцать часов народ собрался, речи говорили, символом меня называли. Оркестр заиграл, и стали с меня простыню стаскивать, заодно и кепку потащили, еле успел ее свободной рукой придержать и на макушку натянуть. Простыню сдернули, в глазах потемнело — народищу! Все на меня в упор — а я стою с кувалдой и на всех исподлобья гляжу, разговоры слушаю... Говорят: "Вылитый Семенов! Вылитый Ванька, су-

кин сын. При жизни себе памятник отгрохал!" Все начали скульптора поздравлять, до чего здорово Семенова вылепил! Скульптор-то тут, вообще, ни причем: кувалда и кепка настоящие, остальное мастер сам лепил. Пошумели, покричали, разошлись, пошли памятник обмывать, а я стоять остался. Солнце печет. Ни поесть, ни попить. Еле до вечера достоял. Стемнело. Я домой побежал. Прибежал. Спину разогнул. Стук в дверь. Целая делегация: "Спасай, дорогой, памятник не готов, иди снова вставай!" Я говорю, завтра с утра, пожалуйста, а в ночную... вот вам... видели! Сменщика давайте! Они говорят: "Потерпи до завтра, завтра к вечеру точно привезут. Привезут! Привезут! Не срывай мероприятия!" Ладно, думаю, до завтра потерплю. Встал. Смотрю, около меня пионеры с почетным караулом встали. А тут эти голуби как начали на нервы действовать! Птички воркуют и гадят. Особенно один, сизый — все время на нос сесть норовит. Причем одна лапка на носу, а другая соскальзывает и в рот попадает. Я его матерю потихоньку — никакой реакции.

К вечеру памятник не привезли. Я сказал: "Все! Официально заявляю, завтра не выйду. Не верблюду — сутками без еды и питья стоять". Тогда они жену мою оформили при памятнике уборщицей, за мной ухаживать. Она, значит, одной рукой меня венником отряхивает, в другой втихаря еду в рот сует. Прикроет от людей и кормит, как собаку в цирке. Вдруг один пионер, следопыт юный, стал подсматривать, как она меня кормит. Я терпел, терпел, потом не выдержал и говорю: "Чего уставился? Не видел, как памятник закусывает?" Он с перепугу чуть язык не проглотил, как заорет: "Всегда готов!" И убежал. Потом Витюха пришел, дружок из бригады, кричит: "Вань, пойдём пиво пить!" Я молчу, он свое: "Вань, кончай придуриваться!" Я ему тихо объясняю: "Не срывай мероприятия". Но ему, вообще, ничего не объяснишь. На другой день с остальными ребятами пришел, и уже все в один голос: "Вань, а Вань, поди тяжело стоять, да?" Я говорю: "А то нет? Не так физически, как морально, — моргать нельзя".

На десятый день ко мне экскурсии водить стали. Рассказывали: "Вот, — говорят, — герой нашего времени!" Потом

новобрачные приезжали, в верности клялись, один дядька на счастье хотел бутылку шампанского об меня разбить.

Осенью как пошли дожди! Мне поясницу скрутило, но не уходить с постамента. Врача вызвали из ближайшей поликлиники, он мне сквозь брюки, прямо в бронзу укол сделал. К ноябрю стал возмущаться. Они мне: "Потерпи, потерпи, чуть-чуть осталось, потерпи!" Ну нет терпения, курица доконала. Подошла, в ногу клюет. Я как кувалдой ее! Тут же бабка набегала: "Ты чего размахался? Если памятником стоишь, не размахивай".

Зима пришла. Говорю: "Давайте тулуп, без тулупа милиция даже не стоит!" Выдали тулуп, на работе зарплату повысили, только стой! Стою и думаю, что же это я так выкобениваюсь? Зарплата вон какая, люди с уважением, может, это и есть призвание мое? Только я созрел, — как назло, памятник привезли. Ночью меня на этот памятник обменяли. Утром народ пришел — в центре города стоит настоящее произведение искусства. Народ поглядел и сказал: "Что ни говорите, а Ванька наш лучше стоял".

КОНТАКТЫ

Я — гуманоид с планеты "Сириус", у меня задание установить с вами контакты. Возможно ли это? Не торопитесь с ответом. Послушайте мой рассказ. Свои контакты я начал устанавливать с утра. Подошел на улице к прохожему и сказал: "Я бы хотел вступить с вами в контакт". Он испугался: "Почему со мной?" Я сказал: "Потому что нас интересуют ваши люди". Он совсем испугался: "Кого это вас? Откуда вы? Что вы здесь делаете?" Я сказал, что выполняю особое задание. "Сейчас, — говорит, — я тебе устрою задание, шпион проклятый!" Я сказал: "Вы ошибаетесь, я не шпион, я с планеты "Сириус". "Все равно, — говорит, — не имеешь права на улице к людям приставать. Пригласи сирийскую делегацию на завод. Устроим вечер дружбы, будет контакт". Я подумал, что, может быть, здесь мужчины не очень контактны. Решил подойти к женщине. Выбрал миловидную девушку и сказал: "Девуш-

ка, мне бы хотелось с вами завязать контакт". Она покраснела и сказала: "Нахал!" Пожилая дама закричала: "Ну и молодежь пошла, совсем обнаглели! Прямо на улице хотят в контакты вступать!" Я понял, что на улице здесь не принято контактировать, и решил зайти в помещение. Увидел магазин "Книги". Там, где книги, должны быть мыслящие существа! Зашел в кабинет главного, сказал, что хочу с ним наладить контакт. Он закрыл дверь и спросил: "Кто вас ко мне прислал?" И когда я сказал, что прислал "Сириус", он закрыл форточку и почему-то шепотом стал спрашивать: "Сириус? Разве он уже вышел?" Я сказал, что "Сириус" давно вышел на орбиту. "Тогда, — говорит, — передайте Сириусу, что сейчас не до контактов — кругом ОБХС". Я опять ничего не понял, но подумал, что делаю что-то неверно, но что именно? Вышел в сквер, сел на скамейку и стал анализировать каждое свое действие, каждую фразу. Когда я погрузился в раздумья, ко мне подошли двое. Они сказали: "Законтачим?" Я спросил: "Что нужно для этого?" Они сказали: "Рубль давай! Контакты надо обмыть... "

Я достал этот металлический знак, который ходит здесь в обращении. Они куда-то ушли. Потом принесли бутылку ужасной на вкус жидкости. Я чуть-чуть попробовал и задал вопрос, почему с людьми так трудно наладить контакты. Я сказал им, что ищу контакты сегодня с девяти утра. Они спросили: "С девяти? Рано — только с одиннадцати компании искать надо". Я спросил, можно ли без компании, вдвоем? Они сказали: "Вдвоем можно только в получку, иначе дорого". Я стал спрашивать, что такое получка. Один сказал: "Вот, бедняга, никогда получки не видел. Видно, жена все отбирает". Второй сказал: "Жаль человека". Я стал им объяснять, что я не человек. Поймите, говорю, я — гуманоид. Они стали меня с интересом рассматривать: "Гуманоид? В ГУМе работаешь?" Я говорю: "Нет, я — пришелец. Понимаете, я — пришелец с другой планеты". Один сказал: "Федя, пришельцу больше не наливай. Ему и так хватит". Я им сказал, что я действительно инопланетянин и могу это доказать. Хотите, у меня есть свой тест: могу стать сиреневым, фиолетовым, лиловым. Они засмея-

лись: "Подумаешь, невидаль, поглядел бы, какие мы в понедельник на работу выходим. Такого цвета вообще не бывает!" Я стал говорить, что владею телепатией, могу угадать, о чем они думают. Они говорят: "Давай!" Я сказал: "Вы думаете, где бы еще достать этой жидкости". Они говорят: "Тоже мне телепат, мы всегда думаем об этом". "Скинемся еще", — предложил я. Они сказали: "Мы пошли, у нас обеденный перерыв кончается". Я закричал: "Стойте! А как же наши контакты? Я — гуманоид с планеты "Сириус". Но в ответ они лишь произнесли очень короткую и очень странную фразу, которая ходит здесь в обращении.

Михаил ГОРОДИНСКИЙ

ГЕНЕРАЛ БАРХУДАРОВ И ДРУГИЕ

ДНЕВНИК МОЛОДОГО ХУДОЖНИКА

Понедельник

Пора. Решил рисовать обнаженную натуру. Кто-то из самых великих говорил: "Ничто так не воспитывает художественный вкус и чувство прекрасного, как здоровое обнаженное человеческое тело".

Вторник

Искал натуру для позирования в кафе "Север" Обсчитали на семь с полтиной. Познакомился с Валею. Предложил ей мне позировать. Валя ответила, что не в ее правилах позировать в первый вечер. Обещала позвонить...

Среда

В семь утра позвонила Валя. Сказала, что берет такси и едет. Приготовил краски, кисти, холст. Ввинтил лампочку на двести свечей. Решил нарисовать Валею, сидящей на стуле с распущенными волосами. Валя приехала, распустила волосы, постелила холст... И легла. Стал рисовать ее лежащей. Рисовал минут пять. Но она вдруг вскочила, оделась, плюнула в палитру и сказала: "Я такого авангардизма не понимаю!" И ушла.

Четверг

Ее зовут Олимпиада Николаевна. Такой торс даже Рубенсу не снился. Работает старшей буфетчицей на вокзале. Позировать приехала прямо с вокзала. Привезла четыре кило сарделек говяжьих, килограмм масла сливочного кусочками, ска-терть, матрац, верхнюю полку от плацкартного вагона и ручной тормоз от поездов дальнего следования. Жаловалась на мужа. Говорила, что, как немного выпьет, сразу путает фламандскую школу живописи со школой Рембрандта, а ее оскорбляет, называет "кукрыниксой". Позировать согласилась только в темноте. Пришлось достать фонарик и освещать Олимпиадину натуру частями. Она тихонько смеялась и говорила: "Ну миленький, ты даешь!"

Пятница

Писал очередь в пункт по приему стеклотары. Подошел какой-то небритый мужчина. Долго стоял рядом. Восхищался. Потом попытался поцеловать меня в затылок, но промахнулся и упал. Я его поднял. Он сказал, что его зовут Васькой и попросил за это семнадцать копеек. Я дал и спросил, не могли он немного попозировать. Он сказал: "Мог бы". И опять упал. Минут через тридцать он встал, и мы поехали ко мне. По дороге ко мне, прямо в автобусе, Вася стал раздеваться...

Суббота

Только что Вася разделся. Его тело превзошло все мои ожидания. Оно было сплошь зататуировано и издали выглядело как один громадный синяк. Подойдя поближе, я увидел, что весь Васин перед занимает известная картина Сурикова "Переход Суворова через Альпы", под которой стояла подпись". "Переход Суворова через Васю". А Васин зад — это была картина Брюллова "Последний день Помпеи". Я стал разглядывать Васю, но он закрылся, закричал, что все это подлинники, потребовал семнадцать копеек и упал.

Воскресенье

Звонила Олимпиада. Сказала, что прийти не сможет: у мужа очередной запой. Каждый день скандалит, бредит, кричит,

что при росписи собора Святого Петра в Риме ему, Микелю Анджели и Рафаэлю какой-то прораб-армянин неправильно закрыл наряды.

Понедельник

Отключил телефон. Запер дверь. Разделся донага. Стал у зеркала. Отчаявшись найти натуру, приходится писать автопортрет...

ОТЕЦ СОВЕТСКОГО ДИРИЖАБЛЯ

... А с чего началось? С картошки! Ну, решил я на завтрак пожарить картошки, стою на кухне, ножом орудую. Вдруг звонок в дверь: "Дыркин, чего на воскресник не выходишь? Все уже собрались, ты, думаешь, лучше других?" Тут я и ляпни ни с того, ни с сего, что я не Дыркин. Они говорят: "Ну, а кто ж ты?" Я думаю, кем назваться. И смотрю на кухне под ножкой стола лежит "Учебник русского языка", чтоб стол не шатался, автор — Бархударов. Э, сказал, Бархударов! Слышу, притихли, вспоминать начали, в школе у нас все учились. Тон сменили сразу: "Скажите, пожалуйста, а где сейчас Дыркин?" Я говорю: "Дыркин у меня картошку чистит". Тут они совсем скисли. "Извините, товарищ Бархударов, что побескокоили". И вдруг как ляпнут: "Здравья желаем, товарищ генерал!" Наверно, они с перепугу решили, что Бархударов генерал какой-то. Ну, картошки поел, забыл про фамилию и ничего. Но жизнь напомнила. У меня с тещей неприятность — ну, как неприятность: померла! Померла, ладно, — хоронить же надо! Вот когда я про Бархударова вспомнил — набираю телефон лучшего кладбища. "Категорически приветствую. Бархударов беспокоит". Они сразу: "Что можем для вас сделать?" "Для меня, слава Богу, ничего, а вот теща моя..." А они: "Что за вопрос! Теща товарища Бархударова! Отца советского дирижабля! Пусть завтра ваша теща зайдет". — "Завтра она вряд ли зайдет". — "Ну, тогда в среду, после двух". — "В среду поздно, мы ее во вторник хоронить хотим". — "Ах, вот в чем

дело! Примите наши соболезнования, что за вопрос? Все сделаем!" Я говорю: "У вас с местами туго?" Они говорят: "Туго, но для вас..." Я говорю: "Для меня не надо, для нее сделайте!" — "Мы, — говорят, — это и имеем в виду, выберем самое лучшее место. Солнечная сторона! Метро рядом! На следующее лето "Универсам" откроют, не место, а конфетка!"

Что вы думаете? Для тещи Бархударова все нашлось: место, цветы, музыка. Ансамбль Дома пионеров два часа песню пел: "Лучше нету того свету..." Надо ж, думаю, фамилия! Все в лепешку разбиться готовы, потому что фамилия, потому что фамилия, будто камни с горы катятся: Бархударов...

В общем, стал я потихоньку этой фамилией пользоваться. Позвоню сюда, позвоню туда — жизнь сразу другая пошла. Я уж забыл, как Дыркин живет. И вдруг однажды выхожу из магазина — с черного хода, я жене сапоги взял — какой-то в штатском подходит: "Ваши документы!" Я показываю. Он говорит: "Дыркин, следуйте за мной!" Ведет обратно к директору, спрашивает: "На каком основании вы этому гражданину сапоги продали? Директор говорит: "Как же? Это же Бархударов, это же сын самого Бархударова, министра землетрясений!" В штатском говорит: "Это не имеет значения!" В общем, сапоги отобрали. Пригрозили: "Еще раз чужой фамилией назовешься, свою отыдем". Я подумал, если они у каждого магазина теперь своих людей понаставят, тогда что? Значит, мало просто назваться Бархударовым, надо документ иметь.

Решил официально поменять фамилию. Пришел в паспортный стол, паспортистке заявление даю. Она говорит: "Вы что, все с ума сошли? Сегодня уже восьмой Бархударовым хочет стать. Ищите себе другую фамилию!" — "Спасибо, другая у меня есть, я хочу эту". — "Эту не дадим, сегодня звонил лично товарищ Бархударов, не велел свою фамилию никому давать" Я говорю: "Надо проверить, кто звонил, лично Бархударов или такой же Дыркин, как я?" А сам думаю, все, надо новую фамилию искать, иначе, вообще как жить? Причем фамилия нужна такая, чтобы никто точно не знал, кто это. Но чтобы каждый чувствовал, что это что-то значит. За неделю я все пе-

перыл. И нашел. Что там Бархударов? Вот это — фамилия! Как? Столыпин! Я уже ее проверил, я в аптеку позвонил: "Категорически приветствую! Столыпин беспокоит. Что есть из импорта?" Из-под земли вынимать начали: банки от простуды из чешского хрусталя, то, се, ну конечно, главное — финская клизма на восемь литров. Так что пусть мой папаша фамилией Дыркин гордится, я больше за свою девичью фамилию не держусь...

СТРИПТИЗ В РИМЕ

Страна Италия была хоть и красивая, но мучительная. От жары, экономии и быстрой ходьбы скопом Пилюгин нещадно устал. Наконец, вытянув натруженные ноги, он прилег и мгновенно заснул. Его соседа по номеру оленивода Бильдыева мучила ностальгия. Первые дни он еще как-то держался и в Риме во время экскурсии даже задал вопрос экскурсоводу, знает ли она, как запрягать оленя. Во Флоренции купил мыльницу, блесну, с рук тамошнего мотыля, после чего совсем потерял интерес и занемог.

Пилюгин проснулся от какого-то странного звука: Бильдыев сидел на полу, курил самокрутку, свернутую из тысячелировой бумажки, раскачивался и тоненьким голосом напевал: "Нарьян-Мар, Нарьян-Мар — городок не велик и не мал". В дверь номера громко постучали и, не дожидаясь ответа, вошел старший туристической группы. "Собирайтесь, товарищи! — громко сказал старший, — мы идем в ночной бар". — "Не хочу бара, хочу Нарьян-Мара", — складно проскулил маленький Бильдыев. Старший хотел что-то объяснить, но передумав, поднял Бильдыева с пола, сунул его в одежду, крепко взял обоих туристов под руки и повел вниз, в холл отеля, где дремали остальные члены группы. "Товарищи! — разбудил туристов старший, — мы первая туристическая группа, которой доверили просмотр здешнего стриптиза. Вы, конечно, понимаете, что в связи с этим на нас ложится. Все ли готовы правильно увидеть это уродливое явление? Как, по-вашему, человек

гордый, непримиримый, к тому же уверенный в завтрашнем дне должен отреагировать, если чуждая ему женщина на чужбине, под чуждую ему музыку будет с себя снимать чуждую ему одежду и к тому же за деньги!"

Рыжий турист из Воронежа предположил: "Он должен сказать: "Зря стараешься, подруга! Одевайся обратно и возвращайся в семью!" — "Неправильно! — сказал старший. — Это грубо и не по-европейски. Они подумают, что вы человек с узким кругозором и у себя в Воронеже никогда стриптиза не видели. Давайте рассмотрим аналогичный случай. Возьмем мирные условия. Предположим, вы стоите у себя дома, у окна, а в окне напротив, ни о чем не подозревая, вот уже около часа стоит нагишом голая женщина. Ваши действия?" Турист из Харькова сказал: "Постою еще полчаса. После этого решительно уйду в другую комнату, там у меня тоже окно, только побольше". — "Так. И что вы при этом чувствуете?" — "Ну что..? Я при этом чувствую уверенность в завтрашнем дне!" — "Вы за кого меня принимаете?" — яростным шепотом спросил старший. "А вы за кого меня принимаете?" — харьковчанин был явно подозрителен. В Риме, во время экскурсии, неожиданно выяснилось, что он знает, когда и кем основан этот город.

Вдруг турист Мамаладзе из Батуми решительно заявил: "Не пойду! — руки и губы у него дрожали, — никуда не пойду!" — "Это еще почему?" — спросил старший. — "Я не уверен, что правильно отреагирую. Я человек специфический, я без пищи неделю могу, без воды пять дней могу, без женщины тоже некоторое время дня могу, но все время нахожусь — не знаю как по-русски правильно сказать, — все время нахожусь в приподнятом настроении". — "Вы знаете, какая обстановка в мире? А тут мы вас одного оставим в таком приподнятом настроении!" — старший вскинул левую руку, посмотрел на часы, вскинул правую руку, посмотрел на вторые часы. Выстроил всех по росту, пересчитал, загибая пальцы, крепко затянул на Бильдыеве ремень и скомандовал: "Вперед!"

В ночном баре тихо играла музыка. Народу было мало. Подскочивший метрдотель указал места у самой эстрады, которые пока пустовали и находились в полумраке. "Там вам

будет хорошо", — сказал он на ломаном русском. Но старший на таком же ломаном ответил: "Нет, нет, спасибо. Нам будет лучше вон там". И группа четким, строевым шагом двинулась в дальний конец зала.

Правильнее было бы, конечно, посадить спиной к предстоящему стриптизу всех. Но столики были круглыми, и как ни пробовали, кто-то все равно оказывался лицом или, в лучшем случае, сбоку. Наконец, после многочисленных передислокаций группа закрепилась на следующих позициях: Мамаладзе из Батуми располагался к эстраде строго задом, всякая его попытка обернуться и даже просто пошевелиться была обречена на провал, так как слева его вплотную поджали оленеводом Бильдыевым, а на правом фланге больно умным туристом из Харькова, возможное шевеление которого в свою очередь ограничивал Пилюгин, посаженный так, что между ним и харьковчанином не оставалось никакого зазора. Бильдыева подперли рыжим воронежцем. Лицом к передовой сидели: семидесятипятилетний хлопкороб Толенбаев из Туркмении в тюбетейке, и... старший. Смугленький официант, двигаясь по-фокстротному, предложил меню. Наступила тишина. Старший выразил общее мнение: "Что-то ничего не хочется. Понимаете, бамбино, — сказал он официанту, — к сожалению, мы все за рулем". — "Да-а, — добавил словоохотливый воронежец, — причем все — за одним!" — "Так что, будьте добры, — продолжал старший, — шесть порций содовой, без виски". И чтобы, не дай бог, не принесли наоборот, он дважды повторил что без чего. Официант поклонился, зафокстротил прочь. Вдруг его окликнул турист из Харькова: "Я, пожалуй, оставлю автомобиль здесь, я обратно на такси поеду. В общем, принесите мне коктейль". И тут последовала длинная фраза на итальянском, явно указывающая, что у харьковчанина здесь не только родственники, но и сам он тайный уроженец этих мест.

Какой вкус у виски без содовой, Пилюгин не знал. А содовую без виски он, оказывается, с детства пил на улицах родного Нижнего Тагила за одну копейку, а то и просто за удар по автомату кулаком, только при этом не вылетали лед и соломинка.

Содовую цедили молча. Сжатый до абсолютной неподвижности Мамаладзе, не моргая, глядел на Толенбаева, как будто раздеваться должен был хлопкороб. Старенький Толенбаев в ожидании стриптиза то и дело вскидывал упадавшую вниз голову и ловил тюбетейку.

Пошел уже второй час ночи. Пилюгин чувствовал жуткую усталость. Такого не было даже в прошлом году, во время рекордной плавки, когда двое суток без сна и отдыха он провел у мартена. Вообще, все эти итальянские дни Пилюгин чувствовал себя человеком, которому за свои восемьдесят рублей доверили беречь какую-то страшную тайну. Сейчас у Пилюгина оставалось одно-единственное желание: как-то пережить этот стриптиз, перемочь завтрашний день, а послезавтра живым или мертвым сесть в поезд, который повезет их домой. Он уже было подумал, что как-то пронесло, что ввиду позднего часа или ввиду болезни этой стриптизерки чуждое явление отменили. Но вдруг где-то сзади зажегся свет, сбоку захлопали, музыка стала громче, Мамаладзе напрягся, ноздри его вздулись, на шее выступили огромные вены. "Блондинка! — сказал он, — я спинным мозгом чувствую — блондинка!" — "Толстененькая, к тому же в возрасте, не на что смотреть!" — сказал старший и достал полевой бинокль. Харьковчанин тем временем выпил из бокала очередную порцию, и так лихо и проворно, что никто не успел опомниться, повернулся вместе со стулом на сто восемьдесят градусов. "Сейчас будет платье снимать!" — обрадовал он. — "Ну и пускай", — сказал воронежец. Он манипулировал соломинкой и в конце концов как бы невзначай сунул ее в бокал харьковчанину. После чего также как бы невзначай припал к соломинке ртом. Коктейль стал быстро убывать. "Осталась в негляже!" — с хрипотцой Николая Озерова продолжал комментировать харьковчанин. Почему-то слову "негляже" ужасно обрадовался Бильдыев. Он захлопал в ладоши, громко засмеялся, старший сразу засунул оленеводу в рот полную горсть ледяных кубиков из его же бокала.

"Ну, а сейчас..." — торжественно оповестил харьковчанин.

— "Слушай, генацвали, — взмолился Мамаладзе, — я тебя

не как садиста, я тебя как человека прошу, хочешь летом ко мне в Батуми? Приезжай, я тебе койку бесплатно, за рубль в сутки, сдам, сейчас помолчи, кончай комментировать, не могу тебя слушать". Пилюгин смотрел на сладко спящего Толенбаева и вдруг краем глаза заметил, что рядом с их столиком улыбается, и сгибается, и зовет руками обнаженная женщина. Чтобы отогнать этот кошмар, Пилюгин сильно сморгнул. Но женщина осталась. Итальянка в самом деле была не ахти, так, по всем показателям примерно в четверть его жены Любаши.

Пилюгин не без гордости отметил, что никаких постыдных желаний у него не возникло. Но бдительности не уменьшил. Старший подался вперед и, уже не моргая, следил за Мамаладзе. Мамаладзе, однако, сидел ровно, смотрел прямо и даже не сопел. В общем, как итальяночка ни изгилялась, все было тщетно: в этот решающий момент не дрогнул никто. Харьковчанин — и тот не улыбнулся, не говоря уже о свежезамороженном Бильдыеве. Женщина, между тем, не уходила, она принимала разные позы, приглашала танцевать. Вдруг лицо ее сделалось жалобным, тушь потекла, и она запричитала: "Финито контракто! Финито контракто! Мужчина индифференто! Абсолютно индифференто! О, мия импрессарио! Финито контракто!" — "Ясное дело, — перевел воронежец, — волчи законы! У нас бы до пенсии стриптизила, никто б слова не сказал". "Финито! Финито!" — кричала итальянка. Потом безнадежно махнула рукой, приблизилась к столику и почему-то на русском языке зашептала: "Детишек двое. Муж к другой ушел, кобелина!" — "Какие красивые имена у них, — медленно произнес харьковчанин, — кубелино..." Мамаладзе достал кошелек и вытряхнул на стол всю валюту. Пилюгин тоже полез в карман, где оставалось в аккурат теще на сомбреро и тестю на ортопедические ботинки фирмы "Адидас".

Увидев деньги, возмущенная итальянка в такт музыке стала рвать на себе волосы. "О, ма-ма мия! О ма-ма мия! — кричала она, — неужели в этой задрипанной Европе не осталось ни одного мужчины?" Все взоры устремились на старшего. Старший крепко задумался, думал минут пять. Наконец он

сказал: "Вопрос серьезный, надо решать. Просто так эта итальянка не отпустит. Какие будут предложения?" — "Я, — сказал воронежец, — предлагаю кандидатуру Бильдыева, заодно и оттает". Все поглядели на заиндеветшего Бильдыева. "Не годится, — сказал старший, — надо пофигуристее. Ведь сейчас обнажаться заставят". — "Тогда, — сказал воронежец, — есть Мамаладзе". — "Спасибо, у меня самоотвод! — сказал Мамаладзе и покраснел. — У меня на груди наискосок одно слово написано, очень общенародное, даже собственному сыну пока читать не даю". Обалдевшая итальянка обалдевшими глазами смотрела на совещающихся. "О, ма-ма мия!" — кричала она. "Гражданка, вы лучше не мешайтесь, — строго сказал воронежец, — мы не для кого-нибудь, мы для вас стараемся, сейчас проголосуем, прения закончим, тогда уж вам дадим заключительное слово. Есть до предела начитанный товарищ из Харькова", — сказал воронежец. — "К сожалению, друзья, у меня стенокардия, — сказал харьковчанин и печально положил руку на сердце, — атероматозные изменения коронарных сосудов, висцеральная форма. Короче говоря, у меня так много лет эксудативный плеврит"» — "Ну, ты и морда! — сказал воронежец, — вот почему-то у прямых людей болезни всегда прямые: переломы конечностей, стригучий лишай, белая горячка... Почему как интеллигенция — сразу авторемонтные изменения сосудов?" Наступила мертвая тишина, и тут старший поглядел на Пилюгина. Сколько себя помнил Николай Пилюгин, нет-нет, да и приходил час, когда на него глядели вот так: вдруг бережно, вдруг ласково: выручай, мол, дорогой товарищ Пилюгин, спасай цех, спасай план, спасай отрасль, спасай что-либо, ибо пробил час что-либо спасать. Ты, Пилюгин, не из тех умников, что будут искать виноватых. Пилюгину от чужих слов становилось неловко — он уже шел, он уже спасал. "Давай, Николай Васильевич! — хорошо и очень по-свойски сказал старший, — если что, мы тебя с тылу прикроем".

Под музыку Адриана Челентана Николай Пилюгин неторопливо преодолел полутемный зал. Достигнув эстрады, он повернулся к публике лицом и вежливо поклонился. Повесе-

левшая, приободрившаяся итальянка одаривала Пилюгина благодарными взглядами, хлопала в ладоши, она приглашала Пилюгина танцевать, она попросила его снять пиджак. Секунду он стоял в нерешительности. Потом взял стул, поставил его на эстраду и повесил на него пиджак. Раздались аплодисменты и крики "браво!" Снявши затем галстук, он почувствовал колоссальное облегчение. И уже с трудом сдерживая радость, стал ждать дальнейших указаний. Старший из дальнего угла показывал что-то руками, но понять что имеенно, возможности не было. Пилюгин еще пару секунд раздумывал, потом крепко плюнул, скинул с себя прилипшую рубашку, майку и с криком "бляха-муха!" пустился в пляс — под музыку Адриана Челентана он заделывал матросский танец "Яблочко". Его здоровое, стосковавшееся по свободному движению тело подпрыгивало ввысь, отбивало чечетку и уходило вприсядку...

В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА "ВРЕМЯ И МЫ"

ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ РАСШИРИТЬ СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА "ВРЕМЯ И МЫ".

ВВЕСТИ В СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ:

ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ СЛАВИСТИКИ ИЛЛИНОЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ПРОФЕССОРА МОРИСА ФРИДБЕРГА.

ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА ИНДИАНЫ ЮРИЯ БРЕГЕЛЯ.

ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА ШТАТА МЭРИЛЕНД ДЖОНА ГЛЭДА.

ИЗДАТЕЛЯ АЛЬМАНАХА "ЧАСТЬ РЕЧИ" ГРИГОРИЯ ПОЛЯКА.

ХУДОЖНИКА ЖУРНАЛА "ВРЕМЯ И МЫ" ВАГРИЧА БАХЧАНЯНА.

Алла ТУМАНОВА

ЧИТАЙТЕ, ЗАВИДУЙТЕ...

Тундра ночью представляет собой феерическое зрелище. Черное, звездное небо висит низко-низко над головой. Сверкающий серп луны не освещает ни небо, ни землю — он сам по себе, острый и желтый. Ведь свет поднимается с земли, от снежной, бескрайней равнины. Это даже не свет — это молочный, призрачный туман, который как будто колыхается в морозном воздухе. Когда же небо освещается всполохами северного сияния, то от восторга и от какого-то мистического страха дух захватывает. Все похоже на сказку — и прекрасно, и жутко, и неправдоподобно.

Две упряжки оленей друг за другом бегут по еле различной дороге, вернее, виден впереди только санный след. Нам не часто приходится ездить на оленях, обычно из лагеря в лагерь заключенных артистов и весь наш багаж перевозят на грузовиках. Тогда мы трясемся в кузове, ударяемся об острые углы сундуков с костюмами. Светящиеся фары машины, рокот мотора, вонь бензина — во всей этой мешанине "циви-

лизованных" ощущений тундра исчезает, ее красота тускнеет. Да и нет почти времени любоваться дорогой — машина мчит с такой скоростью, что через 20-30 минут мы уже в следующем лагпункте. Но когда выпадает такая удача, поездка на оленях, мы просто счастливы. Почти неслышен бег оленей, редкий окрик каюра нарушает тишину. Полозья чуть поскрипывают. А мы молчим, потому что говорить сейчас грех. Это понимают все: и не склонный к романтике, похожий на боксера, кларнетист-литовец Гердас, и утонченная, сохранившая и в бушлате изящный вид, москвичка Регина Тарасова, и вся наша небольшая разномастная, разнонациональная культбригада. Мы же с Алдоной Мацкевичуте, моей подругой-певицей, совсем потеряли голову от восторга. Мы с ней самые младшие, нам немногим больше двадцати, а потому, наверное, все воспринимаем с особой остротой. Хоть бы не кончалось это чудесное скольжение саней! Нам тепло в черных овчинных тулупах (новое и невиданное доселе одеяние для заключенных — "подарок" нашего начальника культурно-воспитательной части полковника Никонова). На нас одеты толстые ватные штаны и валенки. В такой одежде и мороз почти не чувствуется. Сейчас, наверное, около тридцати, но в полном безветрии и сухом воздухе иное ощущение холода. Олени бегут небыстро, еле подрагивая ветвистыми рогами, кажется, что и им так же хорошо, как и людям.

Путь от женского лагпункта до 11-го мужского лагеря не так далек — часа полтора. Выехали мы рано, около четырех, но и тогда уже на дворе была ночь. Дня почти нет в это время года — уже в три часа все начинает сереть и быстро погружается во мглу, а уж в пять часов над головой сияют звезды, если, конечно, нет метели.

С тех пор как наша бригада обслуживает все окрестные лагеря, мы разъезжаем очень много. Сначала нас сопровождал конвой, потом нам выдали пропуска, и мы стали путешествовать самостоятельно. В эти либеральные послесталинские времена (шел 55-й год) многие заключенные получили пропуска, а некоторые даже жили за зоной, продолжая числиться за своим лагерем. Чудеса происходили в нашей жизни.

После расстрела Берии, Абакумова и еще нескольких высокого ранга вершителей наших судеб лагерное начальство не могло прийти в себя. "Кто же теперь вы? Кто же теперь мы? Кто же теперь они?" — вопрошала растерянная надзорка, слушая грозные обвинения в адрес своего бога и повелителя Берии. Она стояла в бараке для двадцатипятилетников, из репродуктора раздавался мрачно-торжественный голос диктора: "Агент английской, японской и прочих разведок, враг народа", — и прочее, и прочее. Взгляд надзорки блуждал по лицам заключенных. Нас она не видела и не нам задавала свои вопросы, на которые не ждала ответа. Эту растерянную, жалкую надзирательницу я никогда не забуду.

Насмерть перепуганное лагерное начальство начало заигрывать с заключенными, сообразив, что сегодняшний зэк завтра может стать большим начальником, а то и следователем. А он, сегодняшний "вольняшка", не приведи Бог, может оказаться и подследственным... В такой нестабильной обстановке все может быть.

Мои поездки с артистами только начались. Я попала в эту привилегированную бригаду в смутное время. Культбригада, развлекающая начальство и заключенных, превратилась в агитбригаду. Раньше все политические темы в репертуаре строго воспрещались, теперь наоборот — монтажи с песнями о Родине, стихи о войне, будящие патриотические чувства, с высокоидейным содержанием — все это стало нашим репертуаром. Такой вот развлекательно-воспитательный концерт мы везли и на этот раз.

Впереди показались лагерные вышки, освещенные прожекторами. Из мира дикой природы мы возвращались в жестокий мир людей.

Одиннадцатый лагпункт считался тяжелым лагерем, сюда отправляли здоровых мужчин, чтобы выколачивали побольше угля. Часто переводили из других пунктов в виде наказания. Звероподобный начальник этого лагеря пользовался недоброй славой во всей округе интинских лагерей. Старые лагерники, побывавшие во многих местах заключения, хорошо знали, как много зависит от того, какой нрав у начальника лагеря, у

старшего надзирателя. Даже от самого низшего по чину "вольняшки" зависело, сносное ли житье будет в лагере. Одиннадцатого лагпункта боялись все. Ослабление режима здесь происходило особенно медленно. Культбригаду начальник лагеря допускал редко. Я ехала туда первый раз.

У широких ворот лагерной зоны, перевитых колючей проволокой, олени упряжки остановились. Мы вывалились из саней, с трудом передвигая затекшие ноги. Мужчины вытащили ящики с костюмами. Шмонали нас на вахте очень тщательно, все костюмы перетряхнули, заставили расстегнуть полушубки, снять валенки. Процедура эта была привычна — мы безразлично наблюдали усердие надзирателей. И они и мы знали, что это проформа, так как ничего запретного, кроме маленьких записок-писем, мы в зону не внесем. А записки, эта святая почта всех лагерей, при любом режиме и при любом шмоне обязательно дойдут до адресата.

Тут изворотливости и смекалке заключенных нет предела. И, конечно, у каждого из нас были запрятаны письма (на лагерном языке — "ксивы") от дочери к отцу, от жены к мужу, от влюбленных, знакомых только по переписке. Десятки плотно сложенных, свернутых, перевязанных клочков бумаги от любящих, тоскующих друг без друга людей. Если записки будут найдены, нам не сдобровать — дело кончается в таких случаях и карцером, и списанием на общие работы. Но неписанный лагерный закон заставлял людей идти на риск.

Шмон окончен, и мы благополучно входим в зону. В это время дня или, вернее, ночи лагерь похож на мертвый, брошенный людьми поселок. Ровными рядами выстроились черные, прибитые к земле бараки. Еле светятся крошечные оконца. Длинные валы из снега тянутся вдоль барачков. За долгую зиму эти валы превращаются в высокие снежные стены — дороги между бараками становятся похожими на белые траншеи. На этих узких улицах кое-где маячат темные, бесформенные фигуры, но их с трудом можно разглядеть, так как вся зона погружена во мрак.

Ярко освещена только территория между двумя рядами колючей проволоки. Здесь — белоснежный, алмазный наст без

единого следа. Сюда устремлены взоры четырех "попок" с автоматами на четырех вышках по углам зоны. Ни зверь, ни человек не пройдет здесь незамеченным.

Только у барака-столовой оживленно. Уже стоит толпа, ожидающая нашего появления. Для заключенных мужчин приезд культбригады двойной праздник — хоть какое-то развлечение, и главное, встреча с женщинами, общества которых они лишены многие годы. Умиленные улыбки, радостные лица — здесь не очень ценят наше искусство, не замечают нашего убогого вида, мы все вместе представляем для них женщин всего мира, некую прекрасную женскую субстанцию, женщину-богиню. Удивительно, как эти огрубевшие, измученные, изголодавшиеся без женщин люди преображались в нашем присутствии. Они не знали, как нас лучше принять, угостить, обогреть. Нам несли подарки за сцену, кульки с конфетами, нас кормили особым, специально для нас приготовленным обедом. Мужчинам всегда казалось, что страдаем мы больше них, а многие чувствовали себя виноватыми за судьбу своих жен, сестер, матерей.

Встреча с нашими собратьями по несчастью всегда была полна самых разнообразных чувств: и радости, ведь и нам было тоскливо без мужчин, и растерянности от их поклонения нам, и благодарности, и щемящей жалости к людям, которым было куда горше, чем нам — мы в этом были уверены.

Время близилось к восьми, и мы спешили за сцену. Там первым делом раздавались драгоценные письма, иногда их отдавали одному доверенному зэку. Потом начиналась подготовка к концерту. Как ни топили к нашему приезду барак, а переодеваться в легкие, воздушные платья было неприятно. Наш художник, недавно появившийся в бригаде, Александр Сергеевич, возится на сцене с подсветкой, прилаживает роскошный задник, изображающий залитый солнцем пейзаж средней полосы России — этот фон должен настроить зрителей на веселый лад. "Шурик из Парижа", как мы прозвали нашего декоратора (он действительно прямо из Парижа десять лет назад попал на Воркуту, вместо дорогой Москвы, куда стремился). Шурик делает чудеса: он одевает нас в "дягилевские" ко-

стюмы, яркие, необычные (им бы позавидовали и на воле!), из папье-маше сооружает невиданный реквизит. Концерты оформлены в парижском вкусе (так, во всяком случае, нам кажется). Мы очень ценим нашего Шурика, которому вот-вот стукнет шестьдесят лет.

Занавес закрыт, и мы только слышим гул заполняющегося зрительного зала. Столы убраны, и все пространство длинной столовой уставлено скамейками. Артисты волнуются, так уж положено, но волнение это, как правило, вселяет только особое вдохновение. Я же волнуюсь до полуобморочного состояния — мурашки бегут по спине, дрожу, как в лихорадке, то ли от холода, то ли от страха.

Регина Тарасова шефствует надо мной, подбадривает: "Ты такая бледная, как смерть, положи грима, — советует она мне. — И не трусь, как бы ты не прочла, все будут покорены. Ты можешь просто выйти на сцену и помолчать — успех тебе обеспечен!"

Наш худрук Николай Порфирьевич Клаус, в прошлом концертмейстер и дирижер из Минска, длинный, худой, на мой взгляд, старик (лет сорока пяти), занимается своим маленьким оркестром. В его подчинении кларнетист, ударник, скрипка, и он сам "заведует" аккордеоном.

Все готово к началу. На мое несчастье, я должна выступать первой — так решило начальство, придавая моему номеру особое значение. Полковник Никонов, начальник по воспитательной части, долго беседовал с нами, объясняя наши новые задачи. "Вы должны помочь людям выйти на свободу не озлобленными, а любящими свою Родину, настоящими советскими людьми", — тихим голосом внушал нам седой полковник. Занавес медленно раздвигается, я стою перед темным залом. Сейчас я выполню возложенную на меня миссию.

"Владимир Маяковский. "Стихи о советском паспорте", — произношу я глухим от волнения голосом. Из темноты на меня смотрят сотни глаз. В первых рядах я различаю лица, озаренные улыбкой. Меня с любопытством разглядывают: молоденькая, симпатичная девчонка, что-то она нам расскажет? Большинство в этом зале не знает, кто такой Маяковский —

западные украинцы, литовцы, латыши, эстонцы еще не успели познакомиться с "лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи" (как когда-то назвал Маяковского Сталин). Заключение-иностранцы и вовсе о нем не слышали, а свои, российские, на фронтах да в плену позабыли, если и знали.

— Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету!

— начинаю я уже окрепшим голосом, входя в свою роль "агитатора, горлана-главаря".

К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...

Волнение исчезло. С гордо задранной головой я делаю шаг вперед и оказываюсь у самого края сцены. Меня распирает чувство патриотизма, болезненное чувство любви к своей родине, которая лучше всех, и это надо всю жизнь доказывать всем окружающим и, главное, самой себе. Я не видела ни одной другой страны в мире, но я твердо знаю, что только в моей стране людям живется хорошо. Вот смотрите на меня! Я — против всего несправедливого буржуазного мира. Я — зэ-ка под номером Э-881, враг народа, еврейская националистка, изменница родины, террористка (так сказано в моем приговоре), осужденная на 25 лет лишения свободы, — убеждаю таких же, как и я, заключенных с номерами на спинах, как прекрасна Советская власть. Там, за пределами нашего справедливейшего, гуманнейшего общества, люди ненавидят друг друга, презирают другие национальности, плюют на чужие паспорта.

К одним паспортам —
улыбка у рта,
К другим —
отношение плевое.

Уже позднее, когда у меня было много знакомых в мужских лагерях, некоторые рассказали, как были шокированы моим выступлением, но потом простили. Те, кто не пожелали со мной познакомиться, не могли забыть и не хотели простить.

Я давно уже не читала Маяковского. Мы ставили пьесы о войне, оперу "Запорожец за Дунаем". Я пела и танцевала, переодевая костюмы много раз за вечер. Волею случая я была избавлена от повторения позорного моего начала. А если бы не было этого случая?..

* * * *

Жизнь человека кажется мне длинной, длинной цепью превращений. Если б можно было встретиться с самим собой в разные периоды жизни! Вот человек средних лет беседует с собой — юношей, или седой старик спорит с собой, пытаюсь разобраться в длинной жизни. Как понять свои поступки в прошлом? Ведь это был ты, ты сам — чуть красивее, розовее, глаже. Но руки, ноги, голова, твоя родинка на щеке — все, все, что называется "я", было то же. От одних воспоминаний голова кружится, дух захватывает: сколько благородства, смелости, как это красиво выглядело. От других — поташнивает, так и хочется оттолкнуть их от себя, забыть. Наверное, это хорошо, что нельзя повстречать себя прошлого. Неважно, что перед тобой стоит зеленый юнец: "Как ты мог? Как не понимал низости своей?! Что теперь оправдываться — прошлого не воротись. Ты это сделал тогда, а я всю жизнь должен казнить себя".

Вот и жизнь подходит к концу, а память не тускнеет и возвращает меня в мою юность. И тычет носом меня, старого, в дела твои, моя молодость.

Иван ЖДАНОВ

ОДНА ДУША НА ВСЕХ

ЗИМА

Дорога свернута в рулон,
Линяет лес со всех сторон,
Справляя праздную затею
И реки покрывая льдом,
Держа их на весу вверх дном,
Зима пирует. Рядом с нею
Мы оказались за столом.

Какая сила нас свела?
И как она одна смогла,
Переплавляя наши лица,
Их в зимний лик навек свести,
Туманом тяжким обвести
И, чтоб самой не простудиться,
Его снегами занести.

В крови, как известь, белизна,
 Мы лишены и тени сна.
 Трещит костер морозной стужи,
 И души смерзлись, как на грех,
 Теперь одна душа на всех.
 Ее, облезлую, снаружи,
 Морозный покрывает мех.

И волосатая душа,
 Морозным ладаном дыша,
 Стуча прозрачными зубами,
 Вступает в многолюдный рай
 И вносит сумерки в трамвай,
 И дети чертят сапогами
 На ней какой-то каравай.

Потом становятся в кружок,
 Твердят заученный стишок,
 Заводят с нею разговоры.
 И небо смотрит на игру
 И раздвигает ввечеру
 Свои застенчивые шторы,
 И просит ангела к костру.

Но ангел в детских сапогах
 Уже испытывает страх,
 Его зима насквозь пронзила.
 Учись, дитя, ходить кружком,
 Учись, душа, дышать снежком,
 Но земляничный запах мыла
 Оставь у неба под крылом.

* * *

Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий
 и гонит по стеклу безмолвный шум травы,
 и млечные стволы скрепят в его пожаре,
 на прорези пустот накладывают швы.

Мороз в конце зимы берет немую спицу
 и чертит на стекле окошка моего:
 то выведет перо, но не покажет птицу,
 то нарисует мех и больше ничего.

Что делать нам в стране, лишенной суесловья?
 По несколько веков там длится взмах ветвей.
 Мы смотрим сквозь себя, дыша его любовью,
 и кормим с рук своих его немых зверей.
 Мы входим в этот мир, не прогибая воду,
 горящие огни, как стебли разводя.
 Там звезды, как ручьи, текут по небосводу
 и тянется сквозь лед голодный гул дождя.

Пока слова и смех в беспечном разговоре
 лишь повод для него, пока мы учим снег
 паденью с облаков, пока в древесном хоре,
 как лед, звенят шмели, пока вся жизнь навек
 вдруг входит в этот миг неведомой тоскою
 и некуда идти — что делать нам в плену
 морозной тишины и в том глухом покое
 безветренных лесов, клонящихся ко сну?

ОДА НОЧНОМУ ВЕТРУ

Ты, ветер, строишь самолет.
 Ты в ночь отвязываешь плот
 и разобщенной стаей
 плывешь послушнее числа
 сквозь волосатый выдох зла,
 и стекла шьют колокола
 и рябь изобретают.

Как лодка улица плывет
 и рябь со стекол раздает.
 И рифмами своими

погасших окон чернота
дырявит ночь. И пустота,
своим неведением чиста,
свое глотает имя.

И воздух рифмами пришит,
и чернота меня слепит,
и за собою тянет.
И ветром каменным полны
шуршат седые валуны,
мерцают сниженные сны,
и в них дыханье вянет.

Ты рябью роешь зеркала,
тебя рисует, как игла,
перемещение веток.
И если зеркало падет,
оно лицо мое прольет,
и в жилы смертные войдет
предощущенье света.

* * *

А.Р.

Настроены ручьи, и крышка льда открыта,
и вот уже взмахнул ветвями дирижер,
топорща облака, сквозь бубен или сито
пронесся первый дождь в чернеющий простор.
Еще листва деревьев и рябь для речек шьется,
раздетые, они язычески страшны.
Им так легко дышать, им так легко поется,
И мы с тобой пройдем по краешку весны.

* * *

Он тени стирает со стены
и делит на двоих.
Он во дворе рисует сны,
и рыбы видят их.

По улицам взъерошенный,
он ходит сам не свой.
Везде он гость непрошенный,
бездомный домовый.
Он засыпает под дождем,
но дождь, пока он спит,
тихонько входит в каждый дом,
на улицу глядит.
И если мне бессонница
забыться не дает,
я верю, ночь надломится,
и он ко мне придет.
Его не знают города,
он к селам не привык,
он не поверит никогда,
что я его двойник.
По улицам взъерошенный,
он бродит сам не свой.
Везде он гость непрошенный,
бездомный домовый.

ГОРОДСКОЙ МОТИВ

Во дворе играют в домино,
Молчаливы флейты папирос,
Сквозь дымок качается окно
Дома, обреченного на снос.

На балконе сушится белье —
Наизнанку вывернутый быт,
Разбинтованное бытие,
Откровенное, как инвалид.
Старый стол простуженно скрипит,
Скрепленный гвоздями домино,
Слева сердце или стол дрожит,
Флейтам в такт качается окно.

ПЕТЕРГОФ

Черней стволов осенних лип
 Оград чугунные фонтаны,
 На взгляд — ревниво постоянны,
 На слух — заносчивее рыб.
 Их не смущает рой воды,
 Они молчат не потому ли,
 Что Петергоф гудит как улей.
 А ими схвачены сады.
 И стоит только отвести
 Глаза от водного каскада,
 Как неподвижная ограда
 Начнет меняться и расти.
 Она давно уж вобрала
 Глаза воды, и прихотливо
 На берег Финского залива
 Огромной тенью налегла.

* * *

Храпя и радуясь, и воздух вороша,
 душа коня, как искра, пролетела,
 как будто в поисках утраченного тела,
 курчавясь молнией на выступ шалаша.
 Была гроза. И, сидя в шалаше,
 мы видели: светясь и лиловея,
 катился луг за шиворот по шее,
 свинцом расплавленным прогнувшись, и в душе
 мы всех святых благодарили. Три,
 три раза столб огня охватывал одежду,
 отринув в пустоту спасенье и надежду,
 как выстрел гибельный чернея изнутри.
 Был воздух кровью и разбоем напоен,
 душа коня лилась и моросила,
 какая-то неведомая сила
 тащила нас в отечество ворон.

Кто вынул меч? Кто выстрел распрямил?
 Чья это битва? Кто ее расправил?
 Для этой битвы нет, наверно, правил —
 мы в проигыше все! Из наших жил
 натянута стрела, она гудит
 и мечется по звуку, как больная,
 и ржет, и шепчется, и, полночь раздвигая,
 ослепшей молнией горит.
 Гроза становится все яростней и злей,
 в соломе роятся прозрачные копыта,
 и грива черная дождя насквозь прошита
 палящим запахом стеклянных тополей.
 Струится кривизна граненого стекла,
 ребристое стекло хмелеющего шара —
 вот крона тополя. Над нами чья-то кара,
 пожара отблески на сумерках чела.
 Глядело то чело, уставясь на меня,
 и небо прошлого в его глазах дышало,
 и форма каждого зрачка напоминала
 кровавый силуэт убитого коня.
 Его убили здесь когда-то. На лугу,
 на мартовском снегу, разбрасывая ноги,
 упал он в сумерках, в смятеньи и тревоге
 на радость человеку и врагу.
 Не надо домыслов, подробностей, рассказ
 предельно краток: здесь коня убили.
 И можно оправиться, пожалуй, без усилий
 со всем, что здесь преследовало нас.
 Нам не вернуть языческих времен.
 Спят идолы, измазанные кровью.
 И если бродят среди нас они с любовью,
 то эти идолы отечества ворон.

Борис ГРИГОРЬЕВ

ЮДОЛЬ МОЯ, КВАРТИРА ГОРОДСКАЯ

С шестого этажа гляжу я на своды
Величественного зданья мирозданья:
Дымятся пароходы и заводы,
Отходы производства и питания.

А мне-то что? А мне-то что? Я — выше,
Над схваткою, над Куликовым полем.
Я ничего не вижу и не слышу.
Я ничего не знаю. И доволен.

Мне горло дым отечества щекочет
И ест глаза, и кашель вызывает.
Над полем Куликовым вьется кочет
И — глазом не мигает.

Ему-то что? Ему-то что? Он — птица.
Он камнем упадет — не разобьется.

А человеку так легко разбиться,
Когда уж ничего не остается.

Юдоль моя, квартира городская,
От мира отделенная дверями...
Я зверя прирученного ласкаю,
Но я ему не очень доверяю.

Ему-то что? Ему-то что? Он — кошка,
На лапы упадет и не мяукнет.
А мне, к примеру, выпасть из окошка —
Через мгновенье жизнь моя потухнет.

Безвыходность в денечки выходные.
На пальце обручальное колечко.
Усы свои во тьме нахмуря злые,
Я говорю родному человечку:

— Тебе-то что? Тебе-то что? Ты — баба.
Надмирные вопросы не решаешь.
Что мне от жизни подлой этой надо —
Неужто ты не угадаешь?

* * *

Стоит консерватория, и музыка несется —
Из разных окон разная. То скрипка, то труба.
Не звуки — камни падают. Проходим достается.
Слышны то пенье, то рояль, то скрипка, то труба.

Оркестр не настроился. Какая какофония!
Крыловским басенным зверям так сроду не сыграть.
Неужто в музыке была когда-нибудь гармония?
Чайковский руку тянет вверх и просит замолчать...

Но тут вступает барабан — приходит все в порядок.
А как же! Главный инструмент, воитель и титан.

Как будто встретились в пути и вот шагают рядом
 Сопрано, скрипка и труба, рояль и барабан.
 Ну что консерватория! Мы все живем по-хоже:
 Играем кто во что горазд, не слышим никого...
 Но тут вступает барабан — и мы шагаем тоже.
 Как сладко жить — один за всех
 И все за одного!

Н.В.ГОГОЛЬ "ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОВЕСТИ"

(Из цикла "Уроки литературы")

"Декабристы разбудили Герцена".

Ленин

"Ах, декабристы! Зря разбудили Герцена".

Коржавин

Кружит поземка по Невскому.
 Ветер грохочет в трубе.
 Спрашивать хлебушка не с кого —
 Сам заработай себе.

Шваль благородная скалится.
 Дама глядит из мехов.
 — Здравсьте, Акакий Акакьевич!
 — Здравсьте, майор Ковалев!

Разного ранга чиновники,
 Но — хоть знакомы едва —
 Все ж таки оба — чиновники,
 Доля! Трава-мурава...

— Как там у вас в департаменте?
 — Есть измененья в регламенте —
 Нынче на бланке на фирменном
 Больше не ставят печать.
 Вроде бы кажется шуткою.
 Но экономия — жуткая! —

Краски, энергии, времени...
 Стали мы даже скучать...

Сердце к столу приторочено.
 И уж растет геморрой.
 Сладко одним только росчерком
 Связывать время с собой!

Судьбы бумажные катятся,
 Пухнет архивный улов...
 — Руку, Акакий Акакьевич!
 — Руку, майор Ковалев!

И две руки одинаковых,
 В два упираясь стола,
 Почерком бисерно-лаковым
 Вносят поправки в "ДЕЛА"...

— Как там у вас в департаменте?
 — Есть измененья в регламенте —
 Тем, кто давно не работает,
 Срока теперь не дают.
 В зоне им пайка положена
 (Зона в тайге расположена),
 Пусть, негодяи, в Калинин
 Все с голодухи помрут!

Радости, горести, новости
 Сладко тревожат сердца.
 Ах, петербургские повести,
 Век вам не видно конца!

Будочник сонный тарашится.
 Хлопают двери контор.
 — Худо, Акакий Акакьевич?
 — Ой, худо, товарищ майор!
 Долго идем до вершины мы —

Как тут подметки не рвать?
 Справим шинельку мышиную,
 Выйдем на Невский гулять...
 Служим, живем разноЧИНцами,
 С места карьеру не взяв,
 Но ничего не боимся мы!
 Нового? Нет, не боимся мы!
 Крикнуть вот только боимся мы,
 Голову к небу задрав:

— Как там, у вас в департаменте?
 — Есть измененья в регламенте!
 Гляньте — течет, изменяется,
 Плещет событий река...

БИБЛИОТЕКА БЕСТСЕЛЛЕРОВ "ВРЕМЯ И МЫ"

ДЖОН БАРРОН "КГБ СЕГОДНЯ"

Большинство наших читателей знакомо с именем Джона Баррона — автора нашумевшей книги "КГБ", переведенной на многие языки мира, в том числе и на русский.

Книга "КГБ сегодня" — новейшее исследование того же автора, рассказывающее о самых зловещих сторонах и тайных пружинах деятельности советской секретной полиции в наши дни.

На примерах подрывной деятельности КГБ в Соединенных Штатах и Японии Джон Баррон рисует широкую картину политического бандитизма, инспирируемого Москвой во всех странах мира.

В книге подробно раскрывается механизм деятельности КГБ. Джон Баррон рассказывает о том,

КАК ДЕЙСТВУЕТ КГБ СЕГОДНЯ — И В СССР, И, В ОСОБЕННОСТИ, ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ,

КАК ГОТОВЯТСЯ КАДРЫ БУДУЩИХ РАЗВЕДЧИКОВ И ВЕРБУЕТСЯ АГЕНТУРА НА ЗАПАДЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ ИЗ СРЕДЫ САМЫХ КРУПНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ,

КАК ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ КРАЖА ПЕРЕДОВОЙ ЗАПАДНОЙ ТЕХНОЛОГИИ,

КАК КГБ ВЛИЯЕТ СЕГОДНЯ НА ВНЕШНЮЮ И ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ И О МНОГОМ ДРУГОМ.

Объем книги — 432 страницы. Цена — 22 доллара.

Заказы и чеки высылайте по адресу:

**"TIME AND WE", 409 HIGHWOOD AVENUE
 LEONIA, NJ 07605, USA
 Tel.: (201)592-6155**

ПИСЬМО ГОРБАЧЕВУ

"Русь, куда несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле; и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства".

Н. В. Гоголь. "Мертвые души"

Итак, мы теперь знаем: в СССР кое-что... не переменялось. На переговорах в Рекьявике президент Рейган имел возможность убедиться, что с Вами иметь дело не легче, чем с любым из Ваших предшественников.

Я и сам пришел к этому заключению, когда снова побывал в Советском Союзе — впервые после того, когда завершил там свою работу в качестве корреспондента "Нью-Йорк Таймса". Мне кажется, что тех, кто надеется на либерализацию Советского Союза, ждет разочарование.

Я говорю не о дипломатии. Выдвигая одно за другим предложения в области разоружения, Вы прорвали паутину, паутину накопившихся здесь дипломатических хитросплетений. Теперь даже сторонники жестокого курса в Вашингтоне начинают верить, что в этой области с Вами удастся договориться.

Я не имею в виду также и Ваше наступление на бюрократию, в ходе которого уволены десятки тысяч престарелых чиновничьих кляч.

Теперь, когда Ваша политика распространяется и на внешнюю торговлю, она может порадовать многих наших дельцов, которые рассчитывают на возможность новых и весьма выгодных вкладов капитала.

Но о чем же тогда речь? Скажу, насколько это возможно, резко и прямо: я имею в виду сталинизм, точнее: наследие Сталина, которое все еще отравляет жизнь. В первую очередь речь идет о КГБ, который все еще контролирует мысли людей, и пока это будет оставаться методом, с помощью которого Вы намерены управлять своим народом, Вам не добиться доверия ни одного из демократически избранных лидеров.

Разумеется, нелегко избавиться от этого наследия, даже если бы Вы этого захотели. Недавние сообщения о том, что Вы обдумываете новый закон о государственной безопасности — этой епархии КГБ, вселяют надежду, что и здесь намечается известная перестройка. Но как далеко намерены Вы пойти? Действительно ли готовы Вы отказаться от тотального контроля над мыслями, предоставляя людям самим решать, что им прочесть, увидеть, купить или продать? Здесь все взаимосвязано и из Ваших амбициозных планов экономической перестройки ничего не выйдет, пока Вы не ослабите идеологические вожжи. Но, по-видимому, Вы и сами еще не решили, то ли их ослабить, то ли сильнее затянуть.

Я был готов к переменам еще перед тем как приехал этим летом в СССР. И, действительно, я их увидел. Сегодня уже не в такой степени, как раньше, страна тонет в водке. Официальная печать получила большую свободу обсуждать семейные неурядицы. Поубавилось идеологических ограничений в искусстве, литературе и театре. В июне, на съезде писателей, можно было услышать оживленные дебаты о том, что пора реабилитировать Пастернака и опубликовать наконец все его произведения, включая роман "Доктор Живаго".

Вообразите мою наивность: я поверил всему этому и, собираясь в Москву со своей женой Хейди, купил перед отлетом книгу "Доктор Живаго" на русском языке. Таможенникам в Шереметьеве не понадобилось и десяти минут, чтобы откопать эту книгу в наших вещах и отобрать ее как "антисоветчину".

Трудно поверить, что эта книга, которую я читал в 1958 году еще школьником, считается и по сей день опасной для русского читателя. Отобрали у нас и сборник стихов Пастернака на английском, хотя многие из них опубликованы в России. Само имя Пастернака, по-видимому, звучит в Вашей стране как сирена, предупреждающая о политической опасности. (Судя по плотоядному выражению на лицах таможенников, "Лолиту" Владимира Набокова они относят к другой категории).

Но вскоре я понял, чего на самом деле они искали. Книга всякий раз летела в мешок, когда они наталкивались на одно определенное имя. Оно встречалось и в сборнике статей Иосифа Бродского, и в "Советском парадоксе" Северина Бялера, и в романе "Жизнь и судьба" Василия Гроссмана. Это имя — Сталин.

Худшие черты сталинизма были осуждены еще тридцать лет назад. Но созданный Сталиным полицейско-государственный аппарат в значительной степени сохранился. Положенная в его основу система произвола приказов, контроля и запретов остались. Особенно, когда дело касается традиционной российской подозрительности и отчужденности по отношению к иностранцам.

На следующий день после нашего приезда директор московского бюро "Нью-Йорк Таймса" Серж Шмеман и другой наш давний приятель Рэймонд Бенсон из американского посольства устроили для нас прогулку по Москве-реке. Это была приятная неожиданность — повстречаться с былыми знакомыми из московской интеллигенции, причем, со всеми сразу.

В то утро лил дождь. Но на пристани нас любезно приветствовали капитан и незнакомая женщина, на которой лежали обязанности по кухне. Затем начали прибывать наши друзья. Но неожиданно возле судна появилось трое незнакомцев, которые намеревались подняться на борт. "Это — частная поездка", — сказал им капитан, попросив их жестом руки удалиться. Но после того как незнакомцы предъявили ему документы, он пригласил их в свою каюту, и, выйдя оттуда минут через пять, объявил Сержу: "Они — наши сослуживцы". Двое из этих "морских волков" оставались на борту все пять часов,

подозрительно разглядывая с капитанского мостика, как мы пируем, угощаем друг друга пивом, водкой и другими экзотическими теперь в Вашей стране напитками.

Имя Сталина снова и снова всплывало в наших разговорах в Москве. Он — центральный персонаж эпического романа Анатолия Рыбакова "Дети Арбата". Вы, как Генеральный секретарь ЦК КПСС, должно быть, слышали об этой книге: Рыбаков надеется, что Вы позволите ее издать. Об этом же просили 50 других писателей, — в том числе и многие из наиболее известных в Вашей стране. Они направили по этому поводу письма в Центральный Комитет партии.

Рыбаков на себе лично испытал "прелести сталинизма". В юности (в 30-е годы) он провел три года в ссылке, став жертвой доноса. И только благодаря мужеству, которое писатель проявил на войне, ему удалось восстановить свою репутацию.

"Мне 75 лет, — говорит Рыбаков. Большую часть своей взрослой жизни я провел в тени Сталина и, пока я еще жив, мне хочется от нее избавиться.

Сталин продолжает сохранять свое влияние в сегодняшнем советском обществе благодаря достаточно запутанному стечению обстоятельств. Друзья рассказали нам, что в советских поездах теперь бродят торгаши, которые продают самодельные изображения Сталина, Девы Марии и Владимира Высоцкого — все вместе. Песни Высоцкого о сталинских концентрационных лагерях поет вся страна. Но, кажется, есть нечто общее между поклонниками Высоцкого и шоферами грузовиков, которые выставляют портреты Сталина в ветровых стеклах своих машин. Это общее — недовольство тех и других современными условиями советской жизни. Обожатели Высоцкого мечтают о ее смягчении. Почитатели Сталина, наоборот, уверены, что нужна крепкая рука для того, чтобы пресечь пьянство и очистить улицы советских городов от малолетних преступников, чтобы заставить вновь работать советскую экономику.

Здесь-то как раз и таится фундаментальное противоречие. Вы хотите перемен, Ваш народ тоже хочет перемен. Вы говорите народу, что единственный способ этого достичь — быть

открытыми, самокритичными, признавать ошибки и провалы, когда их кто-то допускает, не бояться обличать начальство. Но способ, который Вами избран, чтобы этого достичь, — тот же самый, сталинский: вести перестройку насильственно, опираясь на партию и ее аппарат, не допуская даже в ограниченных пределах свободы и стихийности.

Но осуществимо ли это? Ваши призывы к "гласности" звучат как антитеза сталинским методам. "Гласность", если она сочетается с личной инициативой, могла бы действительно быстро оздоровить застойную экономику страны, поднять производительность сельского хозяйства, фабрик и заводов. И Вы, по всей видимости, это прекрасно понимаете. Но взамен возлагаете надежду на приказы и жесткие, сверху спускаемые административные меры. По-видимому, поступая иначе, Вы в конце-концов подрывали бы самые основы собственной власти. Один мой друг высказался об этих основах так: "Мы существуем в системе, созданной Сталиным, в системе, которая поставила всю страну под жесткий контроль партии. Сегодня у нас есть партийные секретари, которые ведают теоретической математикой, и другие партийные секретари, которые ведают прикладной математикой. Какое отношение все это имеет к политике?"

Рядовые люди видят тут противоречие. Оно их тревожит. "Между этими двумя тенденциями — либерализацией и насаждением сверху трудовой дисциплины — явная несовместимость, — говорил мне один молодой писатель. — Горбачев, быть может, самый большой либерал среди нынешнего руководства. Но все же обе тенденции легко просматриваются повсюду. Вы наталкиваетесь на них даже на улице (на любом углу пара милиционеров!) А как тут найти точку равновесия, никто не знает".

То же можно сказать и о советской политике в области контроля над вооружением. Проявляется много инициативы, но вопрос в том, какова ее действительная цель? Действительно ли Вы намерены сократить расходы на вооружение, чтобы направить средства на оздоровление экономики, или все это делается для того, чтобы усыпить нашу бдительность, еще бо-

льше укрепляя КГБ и наращивая военно-промышленный потенциал?

Что касается Ваших планов в области внутренней политики, то здесь Ваши собственные граждане не знают, то ли верить тому, что Вы говорите в своих речах, то ли тому, что они видят вокруг себя. А разница тут есть — и значительная.

В начале года, на XXVII съезде партии, Вы провозгласили реорганизацию сельскохозяйственного сектора. Вы говорили о том, что индивидуальным хозяйствам будут предоставлены земля и ресурсы. И все это для того, чтобы они более успешно продолжали то, что уже делают (гораздо эффективнее колхозов и совхозов), т.е. для того, чтобы производить продукты питания. Вслед за этим последовала внушительная бюрократическая перетряска. Но новых правил для личных приусадебных участков так и не появилось.. Напротив, появился указ о "нетрудовых доходах". Его целью было воспрепятствовать расхищению государственной собственности, а также ее использованию для извлечения личных доходов. А милиция, пользуясь этим указом, во многих случаях стала преследовать честных труженников, которые торговали тем, что собственным трудом вырастили на своих законных участках. Об этом много писалось в "Правде" в дни нашего пребывания в Москве.

Московские колхозные рынки и без того были этим летом дезорганизованы из-за ядерной катастрофы в Чернобыле. Многие люди, напуганные тем, что им недостаточно быстро сказали правду о Чернобыле, попросту не верят официальным заверениям, что подмосковная морковь и огурцы не заражены радиоактивностью.

"Целую неделю правительство не сообщало о происшедшем даже тем, кто жил в ближайших районах, — рассказывал мне один мой московский друг. — Так почему же мы должны им верить?" Затем, подумав, добавил: "А что же нам делать? Не есть?"

Молодой отец двоих детей, который с известным скепсисом следит за политикой правительства и пытается понять, как она отразится на его семье, испытывает все-таки симпа-

тию к Вам, Михаил Сергеевич. "Мне кажется, — говорит он, — что Горбачев одинок. Горбачев хочет все исправить, но сверху донизу ему приходится иметь дело с людьми, которых "Правда" однажды назвала "липкими бюрократами" — и в итоге ничего не получается. Многие думали, что Горбачев сам сможет обеспечить эффективность, процветание и лучшую жизнь для всех. Но теперь и они понимают, что все не так просто".

А вот что сказал другой москвич, который работает в сфере обслуживания: "Если что и переменялось, то к худшему. Горбачев хочет улучшений, но действует приказами, делая условия жизни более жесткими, запретительными".

Этот человек — непьющий, но и он жалуется на сокращение в Москве числа винных магазинов и часов их работы. Именно этот факт он привел в качестве иллюстрации своих слов.

"Слыхали анекдот? — спросил меня еще один знакомый, советский служащий. — Возвращается с того света Брежнев и отправляется гулять по центру Москвы. Увидев перед винным магазином невероятную очередь — тысячу человек, он замечает, качая укоризненно головой: "При мне пили меньше". В другом анекдоте говорится про то, как набитый людьми автобус подъехал к винному магазину и, когда все устремились к выходу, водитель объявил: "Граждане, не толкайтесь. Следующая остановка — конец очереди".

Очереди — это реальная, очевидная перемена в жизни людей, вызванная антиалкогольными мероприятиями правительства. Привела ли эта мера к результатам, на которые была рассчитана? Можно определенно сказать, что меньше алкоголя льется на официальных приемах; председатель горсовета Астрахани, с которым несколько лет назад мы могли пить водку стаканами, сейчас, вероятнее всего, приветствует гостей вином, а, может быть, и минеральной водой. И на улице тоже меньше пьяных — по крайней мере, до двух часов дня, когда открываются винные магазины и в ресторанах начинают подавать водку. (На иностранцев, которые расплачиваются валютой, эти ограничения не распространяются; иностранцы, очевидно, могут напиваться сколько им угодно). А вот что сказал один из моих друзей: "Кто всегда пил, тот пьет и сейчас, но

дома. Зато люди, которым надо купить бутылку вина, чтобы отпраздновать какое-нибудь событие, должны выстаивать в бесконечных очередях. Горбачев о нас не думает. Он заботится лишь о том, чтобы выглядеть хорошим. Некоторые граждане, которые не считают, что минеральная вода — это подходящая замена для водки, стали Вас называть "Минеральным секретарем".

Впрочем, в других отношениях жизнь моего московского друга за шесть лет, которые мы не виделись, несколько улучшилась. Благодаря своим связям он смог достать квартиру. В ней большая кухня, которую он обставил чешской мебелью, японский цветной телевизор с огромным экраном, видеопроигрыватель, стереосистема.

Новые многоквартирные дома из готовых бетонных блоков, выкрашенные в белый цвет, с пастельными балконами, как бы шагают от центра Москвы во всех направлениях, вытесняя былые сельские пейзажи с деревянными домами и уличными колодцами. Но хотя это и свидетельствует о намерении правительства выполнить, наконец, давние обещания и обеспечить каждого сносным жильем (пусть даже с оговоркой, что улучшенные квартиры люди должны покупать, а не арендовать у государства по сниженным ценам), некоторые советские граждане даже в строительном буме усматривают опасность.

Именно так изобразил эти здания художник Илья Глазунов — как безликие колоссы, наступающие на ностальгический сельский пейзаж. "Прощание" — так называется одна из огромных картин этого невероятно популярного художника, показанная на его недавней выставке в Манеже. "Ничего не переменялось, — подумал я, — такая же выставка Глазунова, в том же Манеже, была и в 1978-м году". Мои друзья-интеллигенты так же ненавидят его сейчас, как ненавидели тогда; его считают антисемитом и русским шовинистом, который мечтает о возврате к царским или, на худой конец, к сталинским временам. В 1978-м году ходили слухи, что покровителем Глазунова был Михаил Сулов, этот аскетический идеолог, который сместил Хрущева за его антисталинские шаги. Те-

перь, говорят, Глазунов — в фаворе у Вашей жены Раисы. Ей тоже нравится его стиль.

Вероятно, интеллигенция ненавидит Глазунова именно потому, что он так популярен. Каждый день, пока я был в Москве, тысячи людей выстаивали часами под солнцем или дождем, чтобы попасть на эту выставку — явление, которое Вы не увидите на Западе. Но, насколько я мог судить, в этой толпе невозможно было встретить, например, азербайджанцев или узбеков. В залах, просторных, как три футбольных поля, под торжественно исполняемую музыку Бетховена и Брамса, тихая, благоговейная толпа двигалась вдоль сотен и сотен холстов.

В картинах Глазунова воспеваются Православие или, говоря точнее, русская православная традиция. Одна из его самых популярных работ "Блудный сын" изображает молодого человека в джинсах, коленопреклоненного перед Спасителем. И мне кажется, именно православие — конечно, не с большой, а с маленькой буквы, — привлекает к Глазунову русских людей. И не то же ли самое православие мешает Вам приступить к настоящим, фундаментальным реформам?

Некоторые Ваши поклонники на Западе полагают, что если Вы преуспеете в модернизации советской экономики, то однообразный, ограниченный, навевающий тоску ассортимент уступит место изобилию товаров, которые и на самом деле захотели бы купить потребители. И тогда отпадает нужда выстаивать в очередях, по 50 человек, за абрикосами, как приходилось выстаивать москвичам в июле. Горбачев, думаю некоторые, в конце-концов последует примеру Ден Сяопина, разрешив частным предпринимателям с большей эффективностью производить продукты питания и потребительские товары. Но у меня нет в этом уверенности. Я не знаю, что именно Вы предпочтете. Одно для меня очевидно: Вы управляете одной из самых консервативных стран современного мира, и не так уж у Вас много простора для выбора.

Приведу один пример. Фирма "Максим" открыла отделения своего фешенебельного парижского ресторана повсюду, даже в Пекине. После того как с конца 70-х годов Китай на-

чал превращаться в открытую страну, завсегдатаями пекинского отделения "Максима" стали иностранные бизнесмены и туристы. И вот в последнем издании московской телефонной книги (предназначенной для иностранцев), появилось сообщение, что предполагается открыть ресторан "Максим" в Международном торговом центре. В ответ на что один мой знакомый писатель сказал, что этого никогда не случится. Коммунисты того района, где помещается торговый центр, узнав об этом проекте, пришли в негодование — они вспомнили, что в парижском ресторане "Максим" когда-то собирались русские эмигранты, противники большевистской революции.

Но это, быть может, как раз хорошая иллюстрация того сопротивления, которое Вы хотите преодолеть, призывая народ высказываться открыто, говорить правительству все, что о нем думают, и, если что-нибудь не так, добиваться перемен. Такие критические высказывания действительно поражают сейчас в Москве. Мой знакомый журналист из "Известий", который прежде избегал любой критики советской жизни, теперь говорит о чем-угодно: о проблеме наркотиков, о коррупции, о недомыслии бюрократов. "Советская культура" даже провела кампанию против возведения в Москве гигантского мемориала из красного гранита, посвященного поражению нацизма, запланированного бывшим боссом Москвы Виктором Гришиным. Интересно знать, как повела бы себя та же "Советская культура", если бы этот проект благословил преемник Гришина — Борис Ельцин.

Другой знакомый журналист, к которому я зашел в редакцию, всегда отличался едким и дерзким остроумием. Тем не менее я был поражен, когда он при мне, отвечая на телефонные звонки, говорил не "я слушаю", а "вас слушают". Наверное, он шутил. Но все-таки трудно не заметить, что ни в одной из газетных кампаний, посвященных "гласности", ни разу не было упомянуто о нарушениях прав граждан со стороны КГБ. Как по-Вашему, включают ли Ваши призывы к "гласности" критику и этого, до сих пор нетленного призрака сталинского полицейского государства? Или он и сегодня остается фундаментом советской политической системы?

Я должен откровенно сказать о своих сомнениях на этот счет. Они еще больше усилились, когда к концу нашего пребывания в Москве Хейди, Серж и я отправились на служебной "Волво" на Юго-Запад столицы, где в одном из новых домов у нас должна была состояться встреча с московскими писателями. Не успели мы сесть в машину, как Серж заметил следовавшую за нами бежевую "Волгу" — и она не отставала от нас ни на шаг. Переодетых агентов в машине было столько же, сколько нас: двое мужчин и одна женщина. Когда мы прибыли на пыльную автомобильную стоянку, и Серж отправился на поиски нужного нам дома, один из агентов тоже вышел из машины и последовал за ним. Серж вернулся, чтобы провести меня и Хейди через строительную площадку и небольшой парк к зданию, которое мы разыскивали. Вскоре мы заметили, что мужчина и женщина из машины тоже прогуливаются по тому же парку — правда, метрах в пятидесяти от нас. Я успел привыкнуть к подобным вещам еще прежде, в 70-е годы, но не забуду, как был напуган один московский музыкант (которого я тогда знал), когда увидел такую машину в зеркале своего автомобиля. Я надеялся, что при Вас подобного рода приемы грубого запугивания отойдут в прошлое, станут старомодны.

Ну, почему же нет, Михаил Сергеевич? Мы ведь не делали секрета из того, какой именно дом собирались посетить. Пригласившие нас гостеприимные хозяева были лояльными советскими гражданами и находились на хорошем счету у властей. Могучему Советскому Союзу, казалось бы, нечего страшиться людей, подобных нам, — если, конечно, он не боится заразительного примера свободомыслящих людей.

Я бы не сказал, что все сказанное выше помешало мне заметить реальные перемены в интеллектуальной и повседневной жизни Москвы. Самая существенная из них — брожение, которое охватило творческие круги. Члены Союза кинематографистов недавно избрали нового председателя, Элема Климова, который занял место человека, подвергнутого Вами критике на съезде партии за чрезмерную угодливость. Элем Климов знает, что такое цензура; ему довелось видеть, как в

борьбе с цензорами множество метров отснятой пленки отправляется в архив. Я надеюсь, что оправдается сказанное мне одним московским кинокритиком: "Они оглянулись и поняли, что именно всему миру нравится в кино, и теперь захотели выпускать такие же фильмы".

Союз писателей так далеко пока что не пошел, хотя некоторые из писателей, — включая Андрея Вознесенского и Евгения Евтушенко — произнесли смелые речи. Они призвали покончить с теневым цензурным кабинетом, известным под названием Главлита, который, в отличие от Союза писателей, до сих пор решал, какие книги можно публиковать, а какие нельзя.

Когда мы были в Москве, состоялось еще одно собрание писателей, где Вознесенский предложил создать специальный комитет для выработки рекомендаций относительно издания Пастернака. Если это произойдет, то можно надеяться, что таможенные чиновники, с которыми мы столкнулись в аэропорту, несколько поубавят свой пыл.

"Наша страна нуждается в том, чтобы начать мыслить по-новому, — сказал Вознесенский. — Она погибнет, если не модернизируется вовремя. Теперь у нас происходит нечто очень интересное. Так было в 20-е годы, когда появилось много хорошей поэзии, отражавшей духовные настроения страны сразу после революции. Так было и в хрущевское время, когда появились мы с Женей.* И вот теперь — такое же настроение".

Да, что-то в Вашей стране происходит. Но, чтобы взрастить нечто действительно новое, Вам придется хотя бы частично отказаться от своего контроля. Чтобы писатели могли начать публикацию книг, которые хранятся в их столах, нужны такие мужественные редакторы, как Александр Твардовский, которые не появлялись с тех пор, как он ушел из "Нового мира". Но даже если они появятся, Вам предстоит позаботиться, чтоб им не помешал гигантский аппарат цензоров и блюстителей общественного порядка, работающий рука об руку с КГБ.

А пока этого не случится, мои друзья-москвичи не возлага-

* Евтушенко.

ют особых надежд на Союз писателей. И об этом стоит задуматься, — если вспомнить, что его нынешнее Правление было выбрано в июне, на подъеме энтузиазма, рожденного Вашими призывами к гласности. Нынешнего положения все еще недостаточно, чтобы Анатолий Рыбаков мог опубликовать свой роман; оно не успокоит и тех почитателей Бориса Пастернака (а в СССР мало таких, кто его не читит), — которые хотели бы увидеть напечатанным "Доктора Живаго". Мои друзья преисполнены надежд, но отнюдь не уверены, что эти надежды сбудутся. Я хотел бы напомнить Ваши собственные слова, сказанные на партийном съезде, чтобы объяснить и мой скептицизм. "Общество ждет от писателя художественного новаторства и правды жизни", — сказали Вы, но добавили: "Правда — это не абстрактное понятие... только такая литература, которая идейно выдержана, которая посвящает себя тому, чтобы воспитывать народ честным, духовно-сильным и способным нести бремя нашего времени, может считаться правдивой".

Итак, я должен сказать "нет": я не нашел в Москве перемен, которые надеялся увидеть после шести лет отсутствия. Ваша Москва, и на самом деле, — все такая же, какой была при Брежневле. А брежневская Москва мало чем отличалась от хрущевской. Хрущев был среди всех вас действительным революционером: ведь он, по крайней мере, искренне пытался избавиться от сталинской репрессивной машины и ввести реформы, которые шли дальше увещаний и проповедей. Но и Хрущев не пошел достаточно далеко.

Впоследствии он сам объяснил, почему столь коротка оказалась послесталинская "оттепель". "Мы были напуганы, всерьез напуганы, — писал Хрущев. — Мы боялись, что "оттепель" повлечет за собою разлив, который уже нельзя будет остановить. Он мог перехлестнуть через русло советской жизни, смести все барьеры и запруды". Эти "барьеры и запруды" все так же стояли на прежних местах, когда я покидал Москву после десятидневного визита. Но слишком много времени провел я в Вашей стране в прошлом, чтобы не проникнуться к ней симпатией и не тревожиться за судьбу друзей, которых я там оставил. Ради них я хочу Вам пожелать, чтобы одолели Вы страх и на сей раз открыли дорогу вешним водам.

Перевел с английского Борис Шрагин

ВЫЗОВ СОВЕТСКОМУ ЛИДЕРУ

Перед публикацией этого материала мы соединились по телефону с его автором Крэйгом Уитни, который выразил надежду, что Горбачев прочтает его "Письмо", опубликованное в "Нью-Йорк Таймс Мэгазин". Что ж, весьма возможно, что новый советский лидер, чувствительный к общественному мнению Запада, захочет лично познакомиться с этим документом. И уж во всяком случае "Письмо Горбачеву" не останется незамеченным в руководящих кругах СССР. Ведь перед нами не просто статья или обзор политического обозревателя, которые во множестве появляются на страницах американских газет. "Письмо Горбачеву" — это, по существу, "челендж", вызов советскому руководителю, если хотите, приглашение к диалогу, исходящее от человека, озабоченного судьбами России. Человек этот — один из наиболее влиятельных журналистов Америки, который выносит горбачевскую политику "либерализации" на суд читателя. Он предлагает оценить ее не как очередное решение "ленинского ЦК", а с точки зрения незыблемых демократических ценностей и принципов.

Но имеет ли право на такой вызов автор "Письма Горбачеву"? Вот некоторые факты его биографии. В 1965 году заканчивает Гарвард и поступает на работу в "Нью-Йорк таймс"; с 66-го по 69-й год — военно-морской офицер седьмого американского флота в Сайгоне; 1971 год: Крэйгу Уитни 28 лет, он корреспондент (а затем заведующий бюро) "Нью-Йорк таймса" в воюющем Вьетнаме, ведет репортажи с места боев; в 1973 году назначается заведующим бюро "Нью-Йорк таймса" в Бонне, а спустя три года получает ту же должность в Москве, где открывается, может быть, самый значительный период в его журналистской биографии. Уитни завязывает дружбу со многими московскими диссидентами, и власти СССР "не остаются в долгу", — они пытаются сфабриковать против него дело о клевете против советского радио и телевидения.

В 1980 году он возвращается в Нью-Йорк, занимает разные руководящие посты в газете "Нью-Йорк таймс", а с 1986 года — редактор "Нью-Йорк таймса" в Вашингтоне.

Крэйг Уитни в совершенстве владеет русским языком, он знаток русской литературы, поклонник Пастернака, Набокова, Бродского. В СССР у него и по сей день много друзей, с которыми он встречался во время своей последней поездки в Москву.

С тех пор прошло почти полгода, из СССР приходят вести о происходящих там переменах. Сахарову разрешили вернуться из ссылки в Москву. На выборах будут выдвигаться не один, а два кандидата. Выходят в свет романы Рыбакова и Дудинцева. Но значит ли это, что режим меняет свою сущность, что Горбачев избавился от страха и открыл дорогу вешним водам? Этот вопрос мы также обсуждали с редактором "Нью-Йорк таймса" по телефону и пришли к заключению, что и сегодня "Письмо к Горбачеву" вряд ли можно считать устаревшим. Вызов советскому лидеру звучит по-прежнему. Свободный мир ждет настоящих перемен, и потому приглашение к диалогу остается в силе.

Борис СЕГАЛ

СИНДРОМ ХАМА, ИЛИ КОНЕЦ НАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

4. УПАДОК ДУХА КАПИТАЛИЗМА

Вопреки утверждению Маркса, капитализм был периодом расцвета, а не упадка нашей культуры. В своей широко известной работе "Протестантская этика и дух капитализма" Макс Вебер развил концепцию о том, что протестантская этика была исторически связана с зарождением и развитием капитализма. Да и сам он, по Веберу, являлся не столько продуктом развития экономических отношений, сколько результатом воплощения религиозных идей протестантизма.

Что же составляло суть протестантской капиталистической этики? Как известно, реформаторское движение направлено против разложившейся к тому времени католической церкви. Девизом и целью протестантизма было очищение от того порочного и греховного, что протестанты видели в католической религии.

Процесс реформации, как известно, охватил значительную часть западного мира и во многом повлиял на американскую философию жизни. Одно из лучших описаний старой амери-

канской этики дал Бенджамин Франклин, который характеризовал ее следующим образом: человек должен обладать здравым смыслом, быть честным, аккуратным, настойчивым, трудолюбивым, он должен быть полностью вовлечен в свое дело, в свой бизнес, вести его согласно законам; он не должен быть ленивым, он обязан добиться, чтобы его признавали порядочным, всегда вовремя платить долги и т.д.

Эрик Фром в своей книге "Бегство от свободы" охарактеризовал протестантизм примерно таким же образом.

"Капитализм, — писал он, — освободил человека от власти корпоративной системы (он имел в виду касты и гильдии), позволил ему стоять на собственных ногах и попытаться собственное счастье. Человек стал господином своей судьбы, он стал ответственным за риск и за успех в своей жизни. Вместе с тем, человек стал одиноким и воспринимал мир уже не как мир, исполненный любви, гармонии и божественного порядка, но как мир угрожающий, как мир, способный разрушить его жизнь. Бог перестал восприниматься как любящий и понимающий отец, он стал грозным богом мщения, который наказывает человека за его грехи и отступления от веры".

Усваивая протестантскую этику, человек переставал быть самоуверенным, тщеславным и довольным собой. Чувство вечного сомнения и стремление к моральному очищению стало главным качеством его личности. Он должен не наслаждаться, а работать в поте лица, должен страдать и добиваться праведным трудом прощения у Бога за свои грехи.

Похоже, что наша эпоха движется в прямо противоположном направлении. На смену старой протестантской философии (составлявшей основу мировоззрения американских пилигримов), пришла философия индивидуалистическая, философия нарциссизма и вседозволенности. Ее девиз — жить в свое удовольствие, получать от жизни максимум наслаждений.

Вокруг нас происходит нечто напоминающее Рим периода упадка. Если в эпоху Римской республики господствовала философия долга и чистоты нравов, то в период позднего Рима верх одерживает философия гедонизма, смешанная с культурами восточных богов. Распад империи сопровождается отка-

зом от традиционных римских добродетелей. Никто более не стремится к чистоте и сексуальной воздержанности. Повсюду господствует разврат, пьянство и распущенность.

А что же происходит в наши дни? Как мы знаем, капитализм в России возник сравнительно поздно: в конце XIX и начале XX века. Однако его развитие сопровождалось прогрессом во всех областях жизни: экономической, социальной и политической. В годы, предшествовавшие революции, Россия была свободной страной: практически без цензуры, со свободой партий, политических движений, со свободой эмиграции, с социальным законодательством, свободой демонстраций и так далее.

С другой стороны, известно, что в России протестантской реформации не существовало. Именно ее отсутствие обусловило специфические черты русского национального характера и в значительной мере повлияло на характер большевистского восстания. Русский человек оказался не в состоянии построить будущее своей страны на основе здравого смысла, труда и совести, а последовал демагогическим призывам экстремистских фракций, призывавших "грабить награбленное", жечь имения, разорять церкви. Но, несмотря на отсутствие в России реформации, какие-то элементы протестантской этики существовали и здесь. В первую очередь в среде зажиточного русского крестьянства (которому в эпоху сталинизма был приклеен ярлык "кулачества"). Это были активные трудоспособные люди, стремившиеся улучшить экономическое положение своих семей и много сделавшие для развития сельского хозяйства. То же можно сказать и о русском купечестве, среди которого была масса талантливых людей, создавших великолепные производства и сумевших приблизить экономику России к уровню развитых стран Запада. И, наконец, старообрядцы, которых насчитывалось 13 миллионов, психологически также напоминали протестантов Запада. Это были люди, по существу, с теми же моральными ценностями, с аскетическими традициями, отрицающими распутство, пьянство, погоню за наслаждениями.

Последующее развитие общества (и на Западе, и в России)

привело к тому, что протестантская этика и дух аскетизма были разрушены. В России это произошло под ударом большевистской революции, а на Западе происходило постепенно. Результаты этого процесса отражаются прежде всего на трудовой морали людей. Мы видим это повседневно, встречаясь с водопроводчиками, продавцами, плотниками, работниками сервиса. Почти повсюду встречаем мы недобросовестность, скверное качество труда и обслуживания, — то, что мы привыкли видеть в СССР, но никак не ожидали встретить на Западе.

Почему это происходит? Существует много причин. По-видимому, этот процесс связан не только с исчезновением протестантской этики, но также с разрушением семьи и падением религиозной морали (о чем мы говорили выше), превращением индивидуализма и гедонизма в главные факторы поведения людей. Способствует этому и сама эволюция общества. Дело в том, что не только СССР стал страной "победившего социализма", но его элементы все больше внедряются на Западе. Примером могут служить гигантские западные концерны. Хотя по традиции они и называются капиталистическими, но взаимоотношения людей здесь приобретают все более выраженный социалистический характер. Производитель настолько отчужден от продуктов своего труда, что уже не заинтересован в его качестве. У него исчезает трудовая этика, чувство гордости своей работой. Ему важно только одно: сбыть, продать, получить за свой товар или сервис деньги.

Один крупный финансовый брокер (избранный, кстати, недавно председателем этической комиссии Уолл Стрита) рассказывал мне, что еще тридцать лет назад, когда он только пришел на Уолл Стрит, все было не так. "Чтобы добиться успеха, требовалось двадцать-тридцать лет тяжелого труда. Нужно было быть очень трудолюбивым, очень честным, очень хорошим работником, чтобы в конце концов заработать достаточное количество денег, получить хорошее место, заслужить уважение своих коллег. Теперь же, — говорит он, — на Уолл Стрит нахлынуло огромное количество молодых людей, которые приходят к нам с единственной целью — разбогатеть.

Причем не вообще разбогатеть, а сейчас, немедленно и любой ценой. Они берутся за любые дела — хорошие и нехорошие; они делают деньги любым путем — законным и незаконным. В это трудно поверить, но бизнес в Америке каких-нибудь тридцать-пятьдесят лет назад был совершенно другим".

Тот же контраст с прошлым и в сегодняшней России. По рассказам Волкова-Муромцева старые русские подрядчики (которые брались за строительство домов, мостов, разного рода сооружений), отличались исключительной честностью. В те времена каждый мог явиться к такому подрядчику и нанять его. Подрядчик имел артель, которая выполняла работу без всякой документации. Письменные договоры не заключались. Все основывалось на честном слове. Заказчик говорил, например, что ему нужно построить дом, и подрядчик строил, согласно лучшим стандартам. Артель выполняла свою работу самым тщательнейшим образом. Случаев надувательства, очковтирательства практически не существовало. Нельзя было представить, чтобы подрядчик получил деньги, не выполнив работу или, выполнив ее плохо, отказался исправить. Так было в дореволюционной России. А как это выглядит сегодня в СССР, не стоит даже упоминать.

5. ВЫХОД МАСС НА АВАНСЦЕНУ ИСТОРИИ

Приход к власти народа отражал вековую мечту революционеров и просветителей. Этот процесс обсуждался ими с огромным энтузиазмом как начало новой эры в истории человечества. Он и в самом деле отражал всеобщую демократизацию жизни и потому в свое время был прогрессивен. Однако, анализируя его последствия, нельзя не почувствовать, что история снова сыграла с человечеством злую шутку.

И снова напрашивается параллель с Римом, который перед окончательным крушением под натиском варваров, долгое время подтачивался изнутри. Одним из проявлений его внутреннего распада была миграция крестьянства в города. В результате образовалась значительная прослойка деклассированного урбанизированного населения. Оно утратило старые кре-

стьянские добродетели и требовало от государства помощи и развлечений ("хлеба и зрелищ"). Нечто подобное происходит и сейчас. В России остатки разоренного крестьянства переселяются в города, где они составляют, по выражению Померанца, гомогенную урбанизированную массу.

В Америке города все больше заполняются населением провинций. Эта масса делает города опасными, как джунгли. В них процветает преступность, наркомания и проституция.

Заполнивший Рим плебс оказывал влияние на всю его социальную и политическую жизнь. Все более "плебейскими" становились нравы римской аристократии. Близкую картину мы наблюдаем и сегодня, когда государство берет на содержание массы бедных. Политики стремятся угождать им, чтобы получить на выборах голоса. Популярным становится то, что близко вкусам низов, что выражает стремление людей к опрощению и сближению с трудящимися. Этот процесс (который Ортега и Гассет назвал "восстанием масс"), происходит и в социалистическом мире, и на Западе, хотя и в разных формах, мах.

Октябрьская революция была, в прямом смысле, бунтом черни, организованным горсткой большевистских экстремистов. Кухарки пришли к управлению государством. И это не было лишь метафорой. У кормила государства, действительно оказались кухарки, хотя и тщательно отобранные. И не только в смысле образа мышления, в смысле образования и поведения.

Выход масс на авансцену проявлялся в разных формах и сферах. Возьмем, для примера, туризм: пятьдесят лет назад разъезжать по миру было доступно только богатым людям. Приехать в Венецию, Рим, Париж даже для человека среднего достатка было не просто. Ныне туристский сервис стал в полном смысле массовой продукцией; театры, концертные залы, места развлечений забиты толпами людей. А это неизбежно привело к тому, что интеллектуальный, эстетический, культурный уровень общества значительно снизился. Простой человек, или как его еще называют "человеком с улицы", — с его моралью, вкусами и пристрастиями стал господином нашего времени. Он во многом определяет поведение политиче-

ских деятелей и средств массовой информации, которые все время оглядываются на избирателей. Даже внешнеполитические решения американского руководства прежде всего зависят от того, что думают низы. Массы определяют характер американской кинематографии, телевидения. Эта психология толпы проникла всюду. Достаточно, например, посмотреть на направление мод: они прежде всего имитируют простоту, так сказать, народность, народные мотивы, фольклор, то-есть, идет как бы бурный процесс демократизации мод — свидетельство того, что само общество становится настроенным все более "эгалитарно", то-есть против истеблишмента.

В наши дни считается даже как бы неприличным быть хорошо, в старом смысле слова, одетым. Почему в Америке университетские профессора стали ходить в джинсах? Не думаю, что это случайность или прихоть горстки леваков. В этом "капризе моды" много скрытого смысла. Мы видим все ту же тенденцию ко всеобщей демократизации: быть простым парнем, пить пиво, носить шорты, говорить простым языком, называться по первому имени. Сейчас даже президенты стараются играть роль простых ребят от сохи, у которых нет интеллигентских завихрений, которых зовут просто по имени (а то и по кличке), которые хлопают друг друга по плечу.

Кто сегодня выступает в качестве моделей для подражания? Аристократы? Герои? Святые? Короли? Великие писатели? Да нет же, — все те же простые ребята! Скажем, если это актеры, то актеры с физиономиями мясников и лесорубов, это певцы с хриплыми голосами, которых можно услышать в любом пабе, спортсмены с грубыми, простецкими физиономиями, — именно они и есть идола современного мира.

Характерно, что рост эгалитаризма сопровождается разрастанием неэффективного бюрократического аппарата. Чем больше проблем возникает в обществе — экономических, социальных, нравственных, — тем больше бюрократических систем предлагает государство. И тем труднее человеку получить от государства помощь. Бюрократия работает не для граждан страны, а лишь выполняет команды начальства. Последнее

подчиняется своему начальству и т.д. Эта система, не устающая заявлять о своей демократичности, продуцирует растущий поток резолюций, приказов, вопросников, указаний, которые выполняются все хуже или не выполняются вообще. Бюрократические системы повсеместно подвергаются коррупции. Растет взяточничество и протекционизм, которые, в свою очередь, оказывают пагубное влияние на общественную мораль.

С другой стороны, эгалитаризм сопровождается триумфом левой идеологии, которая в прошлом увлекала лишь сравнительно немногочисленные кружки интеллектуалов в больших городах Европы и Америки. Причем, если когда-то она уравновешивала господство консерваторов из средних и высших классов, то, став доминирующей, левая идеология оказывает самое отрицательное влияние на общество и вносит свой вклад в кризис современной культуры.

Чтобы убедиться в силе и влиянии американских левых, достаточно посидеть у экрана телевизора, почитать американскую периодику, которая издается огромными тиражами, послушать выступления университетских профессоров, телекомментаторов, интеллектуалов. Эта идеология в какой-то степени заменила собой увядающую религию. И так же, как в религию, люди верят в нее слепо. Они совершенно нетерпимы к ее критике и становятся глубоко агрессивными, когда на нее нападают. Что же представляет собой, в двух словах, левая идеология? Ее поклонники стоят за неограниченное расширение прав индивидуума, в частности, прав меньшинств, за уменьшение роли любых традиционных институтов или агенств, которые будут контролировать такого рода права. С одной стороны, они против государства в области политической, но, с другой стороны, они — за расширение его обязанностей в отношении "трудящихся". Они неизменно ратуют за расширение всяких программ вэлфера, социальной и медицинской помощи, за права всякого рода бедных и эксплуатируемых, в числе которых почему-то всякий раз оказываются женщины (хотя последние составляют большинство, а не меньшинство населения). В число защищаемых ими жертв вклю-

чаются дети и молодежь, киты, дельфины, гомосексуалисты, алкоголики, преступники, желтые ...

Но почему можно считать, что триумф левых — это один из компонентов кризиса нашей культуры? Дело в том, что острие левой идеологии как раз направлено против тех институтов, которые играют фундаментальную роль в сохранении традиционных общественных устоев. Как мы знаем, левые выступают против укрепления семьи, против религии, ратуют за освобождение детей от "тирании" родителей, оправдывают внесемейные сексуальные связи — добрачные и внебрачные. Они оправдывают разного рода извращения, (и в первую очередь, гомосексуализм), которые разрушают этические основы общества. Они призывают быть терпимыми к такого рода извращениям, называя их формами сексуального предпочтения, а не патологией.

6. СЕКУЛЯРНЫЙ ГУМАНИЗМ И ГЕДОНИЗМ

Известно, что гуманизм уходит своими истоками в эпоху Возрождения. Вспомним, чем характеризовался Ренессанс? Прежде всего, раскрепощением личности, которое сопровождалось мощным расцветом искусства. Человек пытался вырваться из "прокрустова ложа" средневековья, из тяжких пут, в которые был закован, следуя традиции и предписанным религией нормам. Очевидно, что Ренессанс знаменовал собой прогресс. Но и здесь мы становимся свидетелями коварного психо-исторического парадокса — одним из тех, что ставит общество перед лицом непредсказуемых результатов исторического прогресса.

Секулярный гуманизм был основан на индивидуальной, личностной свободе эпохи Возрождения. Его адепты утверждали, что не Бог — а сам человек есть мерило всех ценностей, альфа и омега всего существующего на земле. Но во что же обратился индивидуализм сегодня? Его сущность предельно проста; по сути, это гипертрофически понятая концепция личностной свободы. В одной из американских реклам мне недавно довелось прочесть следующее: "Ты живешь только

один раз и потому должен получить максимум удовольствий от этой жизни". Вот так уходящая корнями в Ренессанс концепция индивидуализма оказывается тесно связанной с другой концепцией — гедонизма. Ее смысл как раз лучше всего и выражает упомянутая мной реклама: жизнь — это, собственно говоря, источник удовольствий, отсюда и делать надо только то, что доставляет наслаждение. Следовательно, не надо тяжело работать и выполнять обязанности, которые нам неприятны, надо просто избегать их. Человек, который исповедует эти гедонистические принципы, обладает определенными характеристиками и чертами характера, он буквально на каждом шагу демонстрирует жажду удовольствий и свое нежелание их откладывать на завтра, на "потом".

И опять же разительный контраст с прошлым. К чему сводилась жизнь крестьянина в старой России или фермера в Америке прошлого, или, возьмем, российского или американского рабочего, да, вообще, человека среднего класса? Все наши предки работали тяжело, это был принцип их жизни: честно и упорно работать до конца своих дней, достойно заработать деньги и под старость получить заслуженный отдых. Так вот, этот принцип почти исчез в современном обществе, где удовольствие ставится превыше всего, где главное — получить деньги, неважно, каким путем. Возьмите это сумасшедшее увлечение лотереями. Для массы американцев оно стало своего рода болезнью: люди рвутся немедленно выиграть миллион. И это еще одно из проявлений гедонизма.

Человечество впадает в детство. Ребенок, если вы ему предложите одну конфету сейчас или десять завтра, без раздумий потребует конфету сейчас. Он не в состоянии отложить удовольствие. Не случайно в Америке столь распространено выражение "to have fun, to have a good time". Если вы спросите у человека, как он провел время, то как раз и можно услышать в ответ эту фразу.

Для молодежи погоня за удовольствиями стала своего рода религией, которая сменила традиционную веру отцов. Как психиатру мне часто приходится разговаривать с молодыми наркоманами и почти всякий раз на мой вопрос, зачем он упо-

требляет наркотики (несмотря на угрозу здоровью, социальному и финансовому положению), как правило, следует тот же ответ: "To have fun".

Казалось бы, в Советском Союзе с его официальным пуританизмом эта тенденция должна быть выражена слабее, но, оказывается, там сегодня мы наблюдаем те же проявления гедонизма. Тот же процветающий среди молодежи принцип: "Мне плевать на то, что думает общественность и родители — живем один раз!" Естественно, это не может не беспокоить советское руководство — газеты полны статей о процветающих среди подростков распущенности, безразличии к общественным проблемам, отсутствию у них патриотизма, уважения к законам, — но никакому правительству, ни на Западе, ни на Востоке, не под силу справиться с этими симптомами распада.

Но если индивидуализм и гедонизм находятся в сфере социологии и "нормальной психологии", то сейчас я остановлюсь на другом симптоме кризиса, требующем специальной психиатрической интерпретации.

7. НАРЦИССИЗМ

Это явление, которому американская психиатрия уделяет сейчас столько внимания, для многих и по сей день остается неизвестным, хотя оно тесно связано с распадом современной культуры и, в частности, с такими его признаками, как индивидуализм и гедонизм. Начнем с того, что и то, и другое представляют собой определенные формы поведения, которые нельзя оторвать от человеческой личности. Что же это за личность? Это определенный тип человека, который существовал всегда, но получил особое распространение в наше время и именуется нарцисстической личностью. Само слово "нарциссизм" пришло к нам из широко известного древнегреческого мифа о Нарциссе, который, увидев свое отражение в воде, влюбился в себя, прыгнул в воду и утонул — так он был наказан за свой "нарциссизм".

Нарциссизм, — если попытаться определить суть явления по его названию, — это любовь к самому себе. Практически дело

обстоит сложнее. Нарциссизм — это особая структура личности, которая проявляет чрезмерную, патологическую потребность в признании, восхищении, восторге и любви. Вместе с тем — и это очень важно — такой человек не способен воспринимать любовь, как и не способен давать ее, то-есть, — это особая, качественная характеристика личности.

Нарциссист ищет восхищения и признания, но не получает удовлетворения от проявления того и другого. Вся его жизнь посвящена тому, что он ищет признания. Например, он может прекрасно работать, но, в отличие от людей, у которых существует внутреннее стремление к труду, нарциссист будет трудиться только для того, чтобы услышать слова восхищения. Он весь ориентирован на аудиторию, на окружающих: как его воспримут? Он ищет любовь и часто пускается в любовные приключения: мужчина может производить впечатление очаровательного человека, от которого женщина способна потерять голову. Но если она, например, выйдет за него замуж, то получается интересная ситуация: оба остаются неудовлетворенными; она чувствует, что в ответ на свою любовь ничего не получает взамен; он тоже несчастлив, потому что не в состоянии воспринимать любовь.

Нарциссист — человек, который живет в искусственном мире. Этот мир он создает себе сам. Он окружает себя людьми, которые восхищаются им, но не терпит тех, кто его критикует или хотя бы не интересуется им. Он не просто к ним безразличен, они вызывают в нем возмущение, и он стремится от них избавиться. Только он — центр вселенной. И потому не хочет слушать никого другого. Нарциссист не в состоянии обмениваться идеями, только его идеи важны и даже не сами идеи, а тот восторг, который они вызывают.

Нарциссист всегда эксплуатирует окружающих, использует их для своих личных целей и ничего не дает взамен. Когда он встречает отпор, — что, естественно, случается часто, — это вызывает у него гнев, недоумение; он просто не понимает, каким это образом кто-то не хочет признать его блеск, красоту, славу, ум. Это так и называется "гневом нарциссиста".

Многие из великих людей относились к этому типу лично-

сти. Недавно я перечитывал биографию Оскара Уальда, — классический нарциссист! Карл Маркс — тоже нарциссист. Я бы мог привести и другие имена. Думаю, что большинство великих писателей были нарциссистами. Оскар Уальд, например, творил до тех пор пока мог вызывать восхищение, а когда оказался в изгнании, во Франции, постаревший и непривлекательный, то быстро дошел до глубочайшего падения, стал алкоголиком, опустился, — в нем не осталось стержня, исчез тот мощный стимул, который заставлял его творить, и он как бы превратился в пустой баллон.

Характерно, что нарциссист склонен к депрессии. Когда вокруг ему не воскуривают фимиам, нет восхищения, он ощущает пустоту и как бы теряет смысл жизни. У него появляются мысли о самоубийстве. Чаще всего это происходит в возрасте 40-45 лет.

Один из американских писателей Кристофор Лаш утверждал, что именно культура Америки порождает подобного рода патологию. Но это, конечно, не так. В СССР мы сталкиваемся с этим же типом личности не реже, а может быть, даже чаще. Как я уже говорил, здесь также родилось поколение, которое уходит от ответственности, исполнено эгоистических желаний, ищет поклонения и лелеет всякого рода амбиции.

Не оттого ли в СССР так много выпускников школ рвутся стать артистами, музыкантами, киноактерами. Я как-то провел небольшое обследование в Щепкинском училище в Москве. Это был психологический тест, цель которого была определить творческие способности студентов. Так вот, я был потрясен количеством девочек и мальчиков, которые рвутся стать актерами, — что-то конкурс составлял пятьсот на место, а может быть, и тысяча. Казалось бы в наше материалистическое время люди должны стремиться к деньгам, а ведь профессия актера не дает почти ничего. Я знаю, что провинциальные советские актеры зарабатывали всего по 50-60 рублей. К тому же велико ли удовольствие играть пошлые советские пьесы? И несмотря на это, такая массовая жажда попасть на сцену!

Так было в СССР, но, приехав в Америку, я увидел то же

самое. Хотя артистическую карьеру здесь практически сделать невозможно, — безработные актеры бродят в Манхэттене табунами, театры закрываются, — все равно поток молодых людей рвется на сцену, в кино, — почему? Мы снова сталкиваемся с тем же нарциссизмом. Ведь только в театре и кино они могут немедленно добиться славы, окружить себя поклонниками. О том же говорит стремление стать членами разных "мюзиков", пусть даже играющими в дешевых ресторанах, но все равно это какое-никакое поклонение, какой-никакой восторг присутствующих. Все это и есть поколение, которое американцы часто называют "ми-дженерейшен" (поколение эгоистов).

Помню одну из телепередач, в которой священник выступал с проповедью против абортотворцев перед большой молодежной аудиторией. Он говорил, что аборты противоречат религиозным принципам, потому что таким образом убивается живое существо. И, вообще, сексуальная жизнь — это средство для того, чтобы осуществлять Божий завет "Плодитесь и размножайтесь", а не для того, чтобы получать только чувственное удовольствие. Его выступление было встречено гиканьем и криками протеста, в которых наиболее часто повторялось восклицание "This is my body" — "Это мое тело, я им распоряжаюсь!.. Что хочу, то и делаю!"

8. ПОТЕРЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Симптом распада, о котором пойдет речь ниже, явился прямым следствием индустриализации и урбанизации современного мира. Изменилась сама структура общества, а это, в свою очередь, привело к резкому ослаблению его контроля над поведением индивидуума. Когда-то такой контроль осуществлялся маленькой общественной ячейкой, в которой жил человек. И это опять же в равной степени относилось и к Западу, и к Востоку. Человек и его поведение полностью контролировалось его соседями, его семьей, той маленькой общиной, в среде которой он проводил всю жизнь. В этих условиях антисоциальное поведение было почти невозможно.

Хочу снова обратиться к воспоминаниям Волкова-Муромцева, изданным солженицынской библиотекой. Он рассказывает, что в его уезде да и во всей губернии, где он вырос, преступность была почти неизвестна: не было убийств, не было изнасилований, грабежей. За всю его жизнь у них был лишь один случай насильственной смерти и один случай воровства: как-то мужики напились пьяные и решили по дороге напиться воды, они легли на землю, чтобы достать до лужи, и один в шутку стал толкать другого, а поскольку этот другой был мертвецки пьян, то он ткнулся физиономией в лужу и захлебнулся. Еще раз один из мужиков, опять же пьяный, пытался увести к себе помещичьего быка. Это была совершенно нелепая затея, потому что быка тут же обнаружили. Мужик был страшно смущен, его отправили в тюрьму, и из тюрьмы он вернулся к тому же самому помещику и попросил работу, чтобы как-то искупить вину. Вот это и были два "преступления", которые за все годы помнил Волков-Муромцев. И весь порядок в таком провинциальном уезде "полицейской России" поддерживался одним-единственным урядником. Эта стабильность была разрушена урбанизацией и массовой миграцией населения в города.

К чему привела потеря социального контроля, я хотел бы проиллюстрировать на примере преступности цветного населения. Известно, что негры, которые жили после освобождения на Юге, отличались удивительно хорошим, пристойным поведением. И до сих пор, кто бывает в южных штатах и заезжает в негритянские поселки, свидетельствует, что это в общем дружелюбные, тихие, религиозные люди. Но как часто мы видим совершенно других, одичавших представителей этого же населения в больших городах — в джунглях Нью-Йорка, Чикаго, Лос-Анджелеса, Детройта... На этот счет американской публике преподносится множество разных объяснений, но, думаю, что в большинстве своем они несостоятельны, ибо продиктованы лицемерным желанием показать, что вина лежит на так называемом "обществе", в частности, на белом населении, которое якобы не представляет цветным равных прав. Истоки создавшейся ситуации надо искать в печальном опыте рабства, за которое мы все (включая даже недавно прибыв-

ших в США еврейских эмигрантов) несем прямую ответственность. Иначе говоря, белая раса виновата перед черной расой, — своего рода расистская теория навыворот. Если идти по этому пути, то следует сказать, что все христиане виноваты до сих пор перед евреями, татары перед русскими, японцы перед американцами и т.д. Но что же произошло с черным населением? Живя на юге в условиях хорошо структурированного окружения и контроля общины над индивидуумом, родители этих же негров неукоснительно соблюдали нормы, предписанные обществом, религией и традицией. Когда же в процессе индустриализации и массовой миграции черные двинулись на север и оказались в больших городах, ситуация полностью изменилась. Никто и ничто более не контролировал индивидуум: ни соседи, ни община, ни церковь, ни семья. В результате и произошло то, что мы сейчас видим, — человек оказался полностью лишен сдерживающих его норм.

Что ему, собственно, мешает совершать антисоциальные акты? Разве лишь страх перед полицией? Но это далеко недостаточно для пристойного поведения. Социальное поведение остается в определенных рамках не только тогда, когда преступность наказывается судом, но и когда такое поведение тормозится тем, что мы называем этическими нормами. А что в сущности представляют собой этические нормы? Как я уже говорил, это интернализированные принципы, т. е. усвоенные индивидуумом с самого раннего детства. Когда такие принципы не развиваются или исчезают, индивид оказывается рабом своих инстинктов. Он становится циничным и грубым хамом. Он ворует, грабит, насилует... Утратив чувство единства с Богом и природой, с обществом и человечеством, он испытывает ужас одиночества, тоску и страх смерти. Спасаясь от страха смерти, он обращается к алкоголю и наркотикам или пробует забыться в разврате, или создает себе новые кумиры: деньги, успех, долголетие. Таков человек в критическую эпоху, предшествующую распаду цивилизации.

Я не хотел бы закончить на столь пессимистической ноте. В прошлом закату одной культуры следовало возрождение новой, нередко более совершенной и могучей. Будем надеяться, что это же произойдет в наступающем третьем тысячелетии нашей эры.

Ефим ЭТКИНД

"МОЛЮСЬ ЗА ТЕХ И ЗА ДРУГИХ"

К 110-летию М.Волошина

О Максимилиане Волошине, человеке, — о гостеприимном хозяине, балагуре, выдумщике, неутомимом ходоке, феноменальном собеседнике, — написаны сотни страниц. О Волошине-поэте — очень мало. И то, и другое объяснимо. Волошин был создан для мемуаристов: его колоритную фигуру описывать весело. Массивный, даже тучный, со львиной шевелюрой, курчавой бородой, гудящим басом и стремительной легкой походкой, — таким вспоминают его все, кому довелось встречаться с этим человеком, необычайным по безоглядной щедрости, деятельной доброте, быстрому уму и блестящей многосторонней образованности. Встречались же с ним многие. Уже за несколько лет до революции М.Волошин устроил в своем доме, на восточном берегу Крыма, рядом с Феодосией, открытый для писателей, художников, артистов, музыкантов творческий центр: сюда, в местечко со звучным названием Коктебель, съезжались гости со всей России, жили иногда и подолгу, а потом с изумлением рассказывали про хозяина, который,

находя доброе слово и одобрительную улыбку для каждого, успевал писать акварельные пейзажи (по два-три каждый день); сочинять стихи, размышлять над философией истории и над судьбой мироздания; продолжать свои излюбленные искусствоведческие штудии — о русской живописи XIX века, о готической архитектуре Европы, о художниках-современниках; переводить любимых французских и бельгийских поэтов, прежде всего — Эмиля Верхарна, а также Эредиа, Анри де Ренье, Малларме; и, наконец, опираясь на суковатый посох, предпринимать опасные горные экскурсии в сопровождении стонущих от страха и усталости столичных дам.

Понятно, что о таком Волошине есть что рассказать — тем более, что он и в самом деле поражал воображение кабинетных интеллигентов близостью к крымской природе, знанием рыб, птиц и камней, бесстрашием и в хождении по горам, и в общении с властями — в ту пору часто не знавшими пощады. Таких людей в литературных и художественных кругах не было: преобладал избалованный горожанин — к этому типу принадлежали все символисты, акмеисты и даже озорники-футуристы; редким крестьянским поэтам, знавшим жизнь деревни и земли, было далеко до рафинированной европейской культуры, да и вели они себя в литературных салонах, как оперные пейзажи.

Волошин не изображал из себя Зевса — он и в самом деле был богом Восточного Крыма, края, который он назвал поэтическим именем Киммерия. Он все понимал про море и морские ветры, про виноградники и нужную им погоду, знал тропы, ведущие через перевалы, но в то же время был тончайшим ценителем французских парнасцев и символистов, живописи Одилона Редона и японских художников, был глубоким знатоком российской истории от древности до советского режима, истории французской революции и готического искусства, не говоря уже о далеком прошлом своей Киммерии. Собратьям М.Волошин казался выходцем из другой эпохи; так они представляли себе деятелей Ренессанса: всесторонне развитыми красавцами и богатырями.

А ведь Волошин казался еще и весельчаком. Сотрудники

журнала "Аполлон" запомнили загадочную поэтессу с изысканным именем Черубина де Габриак, чьи стихи журнал систематически получал в 1909 году в надушенных конвертах; стихи нравились "аполлоновцам" — все они заочно влюбились в несчастную и, несомненно, гениальную иноземку, первое же стихотворение которой поразило их какой-то элегантно обреченностью:

**И я умру в степях чужбины,
Не разомкну заклятый круг,
К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины?**

Среди сотрудников "Аполлона" были читатели многоопытные и проницательные: Гумилев, Мих. Кузмин, Инн. Анненский, Вяч. Иванов, Сергей Маковский, Последний в своих мемуарах признается, что "влюбились в нее все "аполлоновцы" поголовно, никто не сомневался в том, что она несказанно прекрасна... Убежденный в своей непобедимости Гумилев... уже предчувствовал день, когда он покорит эту бронзовокудрую колдунью; Вяч. Иванов восторгался ее искушенностью в "мистическом зресе"; о Волошине и говорить нечего".*

Понятно, что больше всех восхищался Черубиной де Габриак Волошин: он-то ее и придумал. Роль таинственной Черубины исполняла приятельница Волошина Елизавета Димитриева (Васильева), которая сама же писала пародии на мистические стихи Черубины и, принимая у себя аполлоновцев, издевалась над их увлечением. "Аполлоновцы", узнав о мистификации, притворно смеялись; на самом деле были оскорблены. Ведь М. Волошин издевался над их склонностью к декаденству, эстетству и тайне. Он даже имя дал придуманной поэтессе демонстративно эстетское и, если разобраться, комическое, однако комизма не уловил никто. Никто — кроме некоторых заядлых врагов декадентства. Так злюка Виктор Буренин, памфлетист консервативного "Нового времени", сам печатавшийся под псевдонимом "граф Алексис Жасминов", называл Черубину де Габриак не иначе, как "Акулина де Писсаньяк".

Шутка остроумного Волошина? Конечно, шутка — как всякая мистификация. Но не только: Волошин создал удивитель-

*Сергей Маковский. Портреты современников. Нью-Йорк, Изд-во им.Чехова, 1955, стр. 340.

ную по эффективности пародию. Ведь каждое стихотворение Черубины было издевкой над декадентской поэзией начала века. С.Маковский был прав, когда напоминал о том, что "от зававших в сердце стихов Блока, обращенных к "Прекрасной Даме", отделяло Черубину всего каких-нибудь три-четыре года: время было насквозь провеяно романтикой".* В стихах Черубины де Габриак появляются все символистские штампы, к тому времени уже сформировавшиеся. В стансах с характерным латинским эпиграфом "Ego vox ejus" (Я — тот голос!) возникает полный набор декадентских привычек: луна, колдунья, свечи, зеркала, страх призраков, двойник... Это стихотворение опубликовано в "Аполлоне" № 2 за 1909 год, и рядом с ним другие, столь же болезненно упадочные, утонченно-эстетские и пикантно-эротические:

**Люби меня! Я всем тебе близка.
О, уступи моей любовной порче,
Я, как миндаль, смертельна и горька,
Нежней, чем смерть, обманчивей и горче.**

В сущности, перед нами полная бессмыслица — что это за "любовная порча"? Почему смерть — нежна? Однако "аполлоновцам" нравилось и это стихотворение, и "Твои руки", где Черубина твердила, обращаясь к рукам возлюбленного:

**Как отраднo, как сладко-преступно
Оббивать их гирляндами роз.**

Кто автор этих стихов? Возможно, Е.В.Димитриева, но скорее всего М.Волошин, который с известным сладострастием доводил декадентскую поэтику до края. Впрочем, он не просто стоял в стороне и наблюдал за делом своего воображения; он всемерно возвышал в печати свое детище. В "Аполлоне" — в том же номере, где была подборка ее стихов, — Волошин опубликовал в разделе "Хроника" статью "Гороскоп Черубины де Габриак". Восторги его неумеренны: "Сейчас мы стоим над колыбелью нового поэта, — восклицает Волошин. — Это подкидыш в русской поэзии. Ивовая корзина была неизвестно кем оставлена в портике Аполлона (Ну, мы-то знаем, кем!.. — Е.Э.)... На записке с черным обрезом написаны остро-конечным и быстрым женским почерком слова:

* Ibid., стр. 340.

** "Аполлон", 1909/2, стр. 3-10.

Cherubina de Gabriak. Née 1887. Catholique.

Аполлон усыновляет нового поэта". *

Каждое слово Волошина двусмысленно: "подкидыш в русской поэзии" (в самом деле, подкидыш), "Аполлон" (имеется в виду и античный бог, и русский журнал). А уж то, что Волошин говорит дальше, звучит прямой издевкой — в свете будущего неминуемого разоблачения его мистификации: над колыбелью Черубины склоняются французские модернисты Вилье де Лиль Адан и Барбе д'Оревильи, она рождена под созвездием Сна, — а люди, рожденные под ним, "похожи на черные бриллианты: они скорбны, темны и ослепительны. В них живет любовь к смерти..."

Цветаева, вспоминая о Волошине, ее давнем и близком друге, рассказывает, как он ее уговаривал предпринять мистификацию. Цветаева называет эту склонность Волошина — "страсть к мифотворчеству". Волошин предлагал ей стихи о России писать от имени Петухова ("Брюсов напишет статью, Яблоновский напишет статью. А я напишу предисловие".) Или другой проект: поэтические близнецы. ("Мы создадим то, чего еще не было, то есть гениальных близнецов. Они будут писать твои романтические стихи".) **

Волошин мог торжествовать: он подорвал символизм, да и вообще декаденство, нанеся ему чувствительный удар. Двойная пародия — случай редчайший. Двойная, потому что уже стихи мнимой Черубины де Габриак, равно как весь ее облик "улыбающейся мученицы", были пародийны; а ведь Елизавета Дмитриева еще и пародировала эти пародии, издеваясь над легковерием "аполлоновцев". В 1909 году символизм близился к концу; годом позже он вступил в тяжелый кризис. Понятно, что символисты отвергли Волошина и обрекли его на одиночество. Как раз в 1909 году вышел в свет его первый сборник "Стихотворения", который символисты встретили лукавыми похвалами, значившими осуждение; они писали о формальном блеске и внутренней пустоте.

Сборник 1910 года был для Волошина итогом первого

*Ibid., стр. 1 (Хроника),

**Марина Цветаева, Живое о живом (Волошин). В кн.: Проза. Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1953, стр.154.

десятилетия его творчества. Он начал писать около 1900 года, студентом юридического факультета Московского университета, куда поступил в 1897 году и откуда несколько раз изгнан за участие в забастовках или иных студенческих акциях; так, в 1898 году он подтолкнул группу товарищей на коллективное письмо в поддержку Золя, осужденного из-за дела Дрейфуса, а годом позже проявил солидарность с петербургскими студентами-забастовщиками. Уволенный из университета, Волошин начал свои бесчисленные пешие путешествия: по Крыму (1899), по Италии, Швейцарии, Франции, Германии (1899), по Австро-Венгрии, Греции, Италии (1900). С 1901 года он поселился в Париже — слушал лекции в Сорбонне и Ecole des Beaux-Arts, занимался живописью, дружил с Одилоном Редоном и русской художницей Е.Кругликовой; вместе с последней он летом 1901 года предпринял пеший поход по Андорре, Испании, острову Майорке. Волошин пропитан французской культурой: переводит Леконта де Лилля, Эредиа, Готье, позднее Верхарна, пишет из Парижа корреспонденции в символистский журнал "Весы" и газету "Русь". В России его называют "парижанином". "Насквозь "пропариженный" до... до цилиндра", — писал Андрей Белый. *

Марина Цветаева не менее категорична: "Ясным источником его творчества в первые годы нашей встречи, бывшие последними до войны, была, бесспорно и явно, Франция (...) Ссылка его всегда была на Францию. Оборот головы всегда на Францию. Он так и жил, головой обернутый на Париж, Париж XIII века и нашего нынешнего, Париж улиц и Париж времени был им равно исхожен. В каждом Париже он был дома и нигде, кроме Парижа, в тот час своей жизни и той частью своего существа, дома не был (...) . Париж прошлого, Париж нынешний, Париж писателей, Париж бродяг, Париж музеев, Париж рынков, Париж парижан, Париж — калужан (был тогда и такой!), Париж первой о нем письменности и Париж последней песенки Мистингетт, — весь Париж, со всей его, Парижа, вместимостью, был в него вмещен".** Ненавидел он

* Андрей Белый. Начало века. М.—Л., 1933, стр. 225.

** Марина Цветаева, цит. соч., стр. 189—190.

в Париже Эйфелеву башню, которую называл Тейфелева (чертова), — вероятно, за то, что она Парижу чужеродна и возвышается над ним, олицетворяя неприемлемую для Волошина идею прогресса.

От Франции у Волошина — отчетливость художественной формы (когда-то, в 1901 году, он, бродяжничая по Крыму, посетил в Ялте Чехова; тот сказал ему: "Учиться писать можно только у французов".)*, и пристрастие к сложной классической строфике (66 его стихотворений — одна треть — сонеты). От Франции — страсть к живописи и даже стремление переносить живописные принципы и открытия в поэзию. От Франции — пристальный интерес к истории, к историческим корням современности и, в частности, к истории и проблематике революций.

Чего у Волошина нет совсем, это следов символизма, — как французского, так, впрочем, и современного ему русского. С самого начала Волошин был чужд мистического мироотношения. Его мир — сверкающий, переливающийся бесконечными оттенками цветов, причудливо излучающий и отражающий свет, но лишенный столь характерной для символизма загадочности двоемирия. Такова важнейшая причина, по которой Волошин не сошелся ни с одним из символистов.

В 1903 году он познакомился с Маргаритой Сабашниковой (1882-1973), художницей, ученицей Врубеля, в которую без памяти и на всю жизнь влюбился. Они поженились, но брак продержался всего год: с весны 1906 до мая 1907 года. По-видимому, Волошин не мог вытерпеть атмосферы антропософской мистики, окружавшей Сабашникову, которая, кстати сказать, в первые же месяцы их союза увлеклась Вяч. Ивановым — его метафизические туманы были ей ближе, чем земная эстетика Волошина.

М.Сабашникова согласилась на опасную эротическую игру, предложенную ей Вяч. Ивановым и его женой Лидией Зиновьевой Аннибал. После смерти последней, в 1907 году, Вяч. Иванов отразил этот эпизод в темном цикле сонетов "Золотые завесы". Волошин же писал Вяч. Иванову (18 авг. 1907),

приглашая его с женой в Коктебель: "Мы должны прожить все вместе здесь на этой земле, где подобает жить поэтам, где есть настоящее солнце, настоящая нагая земля и настоящее одиссеево море. Все, что было неясно и смутно между нами, мне кажется просто и радостно".*

Стихотворение "Тамах", адресованное Сабашниковой, (1905), объясняет будущий неизбежный разрыв Волошина с женщиной, которую он долго и серьезно любил: "Час настал. Прощай, царевна! Я устал от лунных снов (...) Я устал от лунной сказки, Я устал не видеть дня..."

Царевна Тамах, мать фараона Эхнатона и свекровь Нефертити, до конца жизни сопровождала Волошина: ее гипсовый слепок стоял в мастерской в Коктебеле: по мнению Волошина, на нее была похожа М.Сабашникова. И, несмотря на преданную к ней любовь, Волошин отдалился от лунных снов и сказок; превыше всего он ценил материальную определенность мира. В краткой автобиографии "О самом себе" он в 1930 году написал: "Я горжусь тем, что первыми ценителями моих акварелей явились геологи и планеристы, точно так же, как и тем фактом, что мой сонет "Полдень" был в свое время перепечатан в Крымском журнале виноградарства. Это указывает на их точность".**

Волошин был, как сказано, далек от символистского двоемирия. Это, однако, не означает, что его поэзия была плоской, одномерной. За образами Волошина открывается перспектива, уходящая в даль времени. Одна из идей, одушевлявших уже его раннее творчество, — это противоположность между двумя аспектами времени: Мгновением и Вечностью. Человек не создан для того, чтобы постоянно дышать воздухом Вечности: его привилегия —

**Быть заключенным в темнице мгновенья,
Мчаться в потоке струящихся дней.**

(Когда время останавливается, 11, 1905)

* Вяч.Иванов. Собрание сочинений, т. II. Брюссель. 1974. стр. 808, (Комментарии О.Дешарт).

** Пейзажи Максимилиана Волошина. Л. 1970. Цит. по кн.: М.Волошин. Стихотворения и поэмы в двух томах, т. II; Paris, YMCA-press, 1984, стр. 19.

*И.Т. Куприянов. Судьба поэта. Киев, "Наукова думка", 1978, стр.43,

Вечность иногда просвечивает сквозь мелькающие Мгновения ("Вечность лишь изредка блещет зарницами"), и тогда человек испытывает ужас. Обращаясь к В.Брюсову в том же цикле, Волошин высказывает свою антисимволистскую приверженность к Мгновению — в противоположность адресату, стремящемуся к Вечности:

**Вечность с жгучей пустотою
Неразгаданных чудес
Скрыта близкой синевою
Примирающих небес.
Мне так радостно и ново
Все обычное для вас —
Я люблю обманность слова
И прозрачность ваших глаз.**

Обманность — иначе говоря, ограниченную материальность, веселую парадность слова. Для Волошина метафизическая Вечность отождествляется с небытием, со смертью:

**Когда ж уйду я в вечность снова?
И мне раскроется она,
Так ослепительно ясна,
Так беспощадна, так сурова
И звездным ужасом полна!**

(тот же цикл, IV, 1903)

Мы видели, как Волошин ценил точность рисунка и слова. Это качество достигло наивысшего уровня в стихах, посвященных любимому краю, восточному Крыму: "Киммерийские сумерки" (цикл 1906-1908) и "Киммерийская весна" (сборник 1910-1926). В первом цикле — поэтическое открытие этой земли, далекой от привычных классических или романтических пейзажей:

О мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне.

(Полынь, 1906)

Пейзаж Киммерии суров и едва ли не антипоэтичен. Волошина в нем привлекает не условная красота, а первобытная мощь, стихийная дикость, не знающая уродства, ибо жизнь для Волошина прекрасна в любой ипостаси; уродлива только смерть. Вот он шагает из Феодосии — "дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель", и все, что он видит вокруг, не радует глаз:

**Припаду я к острым щебням, к серым срывам
размытых гор,
Причащусь я горькой соли задыхающейся волны,
Обовью я чобром, мятой и полынью седое чело,
Здравствуй, ты, в весне распятый, мой торжественный
Коктебель!**

(“Я иду дорогой скорбной...”, 1907)

Волошин был далек от абстрактной философичности, но все же поэзия его — философская или, точнее, историософская. Волошину была чужда мистика символизма, метафизичность теософии и даже спиритуализм религии, и он в истории обрел необходимую для искусства многоплановость. Можно сказать, что Волошин — первый в России исторический поэт или, если угодно, поэт истории.

К открытию истории Волошин шел медленно: через стихи о Киммерии, стихи о Париже и французской революции к тем поэтическим произведениям, которые обеспечили ему прочное место в истории русской литературы: это созданные в революционные годы стихотворения и поэмы о России. Цветаева писала об этом: "В другой свой дом, Россию, Макс явно вернулся. Этот французский, нерусский поэт начала — стал и останется русским поэтом. Этим мы обязаны русской революции".*

Новый Волошин начинается, пожалуй, в 1919 году, когда создан цикл "Личины" (июнь-август). В него входят стихотворения, озаглавленные "Красноармеец", "Матрос", "Большевик", "Буржуй", "Спекулянт", "Феодосия". Это отнюдь не индивидуальности, а социальные типы, в совокупности даю-

* Марина Цветаева, цит. соч., стр. 194.

щие облик революционной России. Впрочем, и типизация здесь особая, характерная для эпохи: она ближе всего к искусству плаката, — эта техника приближает цикл "Личины" к столь ценимой Волошиным поэме Блока "Двенадцать", а в живописи — к Б.М.Кустодиеву, автору картины-плаката "Большевик" (1919-1920).

В цикле "Личины" обнаружилось главные идеи волошинской историософии России; они содержатся преимущественно в стихотворении "Буржуй". Согласно Волошину, капитализма в России не было, а значит, не было ни буржуа, ни пролетариев: марксистская схема России навязана. В стихотворении "Буржуй" это сказано определенно:

**Буржуя не было, но в нем была потребность,
Для революции необходим капиталист,
Чтоб одолеть его во имя пролетариата.
Его слепили наскоро: из лавочников, из купцов,
Помещиков, кадет и акушерок.
Его смешали с кровью офицеров,
Прожгли и сплавляли в застенках чрезвычайек,
Гражданская войнадохнула
В его уста:
Тогда он сам поверил
В свое существованье
И начал быть.**

Этот социальный тип вызывает у Волошина отвращение; он сохранил лишь три чувства: "Страх, жадность, ненависть". Он с негодованием видит "предателей, что не бежали за границу", те же, кто якобы любят русское искусство, добавляют,

**... что, взяв Москву, они повесят сами
Максима Горького
И расстреляют Блока.**

Анархическую удаль Волошин видит во всех стихийно-революционных движениях России: в пугачевщине, в Степане Разине и его окружении ("Стенькин суд"), в Лжедимитрии (Dmetrius-Imperator).

Понимая эту особенность российской истории, нужно, однако, видеть и реальную Россию; для Волошина она не абст-

рация, не мистическая "Дева Радужных Ворот", а неповторимая историческая "личность". Россия — главная героиня его послереволюционной поэзии; ей посвящены циклы "Усобица", "Возношение" и поэма "Россия".

Цикл "Усобица" — одно из высших достижений не только М.Волошина, но и русской поэзии XX века. Он открывается стихотворением "Гражданская война" (ноябрь 1920), характерным для Волошина: с обеих сторон в бой вступают фанатики и безумцы; одни — наследники кровавой разинской вольницы, другие несут в себе "гниль империй". Убийственный лозунг "Кто не с нами, тот против нас!" звучит в обоих станах. Поэту остается быть человеком, возвышающимся над ними. Стихотворение "Гражданская война" завершается четверостишием:

**А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме,
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.**

Волошин придавал своему "нейтрализму" важнейшее значение. В одном из писем 1919 года он писал: "Пишу стихи исключительно на современные темы — о России и революции. Как всегда, все, что бывает со мной, оказывается парадоксально: мои стихи одинаково нравятся и большевикам, и добровольцам (...) я стою действительно над партиями (...), относясь ко всем партиям с глубоким снисхождением, как к отдельным видам коллективного безумия, ни к одной из них не питаю враждебности: человек мне важнее его убеждений. Поэтому единственная форма активной деятельности, которую я себе позволял, — это мешать людям расстреливать друг друга. И пока довольно удачно".*

В конце 1923 года на Волошина обрушился с грубыми обвинениями журнал "На посту". В начале 1924-го Волошин ответил своему критику Б.Талю, посылая одновременно копию в "Правду" и "Известия". По поводу обвинения в нейтральности Волошин писал: "Я не нейтрален, а гораздо хуже: я рассматривал буржуазию и пролетариат, белых и красных, как

* Письма Волошина. Журнал "Время и мы", 1978, 1 28, стр.197.

антиномические выявления единой сущности... Гражданскую войну — как дружное сотрудничество в едином деле. Между противниками всегда провожу знак равенства". Так "защитил" себя Волошин по поводу нейтрализма. Что же касается его отношения к коммунистическим идеям, то и здесь он категоричен: "Коммунизм в его некомпромиссной форме мне очень близок, и моя личная жизнь всегда строилась в этом порядке, государственный же враждебен, как все, что идет под знаком Государства, Политики и Партийности".*

Письмо Б.Талю датировано 12-м января 1924 года. Через несколько дней умер Ленин, против идей которого направлено и это письмо, и все творчество Волошина послереволюционных лет.

Почему Волошин уцелел? Расстреливали за куда меньшие "преступления". Вероятно, немалую роль сыграло покровительство Луначарского, Горького, многих писателей и общественных деятелей, видевших в Волошине чудака и даже юродивого.

Историософия Волошина, являющаяся поэтическим вариантом теории исторического круговорота, опирается, видимо, на учение Джамбаттиста Вико (1668-1744). Вико утверждал, что история человечества подчиняется законам не менее определенным и вечным, нежели естественно-научные; что все народы проходят одни и те же стадии развития; что тремя неизменными историческими стадиями являются: Век богов, Век героев и Век человеческий; что, пройдя эти три стадии, всякое общество возвращается к началу (правда, на ином, более высоком уровне) и повторяет цикл.

В известном смысле Вико подхватывал античную теорию циклизма, хоть и вносил в историю фактор прогресса; в XX веке пессимистические варианты той же теории разрабатывали Ницше и Шпенглер.

М.Волошин был сыном своего времени; материалистический историзм был для него немислим хотя бы уже потому, что он, Волошин, принадлежал к Серебряному веку, — эпохе не социальных, а метафизических концепций, эпохе не прозы,

* Письмо Волошина Б.Талю. "Время и мы", № 28, стр.208.

а поэзии, когда человек воспринимался не как член общества, а как внесоциальное существо, стоящее лицом к лицу с Вечностью, Смертью, Богом. М.Волошин — единственный поэт своего времени, поставивший в центр своих интересов историю, которую он — вслед за Вико, Ницше и Шпенглером — понимал метафизически.

М.Волошин неоднократно заявлял о своей аполитичности. В стихотворении "Дом поэта" (декабрь 1926) он настаивает на том, что его жилище служило убежищем всем, кому грозила опасность, независимо от лагеря, к которому принадлежал беглец:

**В те дни мой дом, слепой и запустелый,
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Спасавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер,
Фанатики непримиримых вер,
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал все, чтоб братьям помешать
Себя губить, друг друга истреблять.**

Такая позиция единственна в то время, когда и меньшего греха было достаточно, чтобы погибнуть. Но Волошин выстоял самые опасные годы, спасая и тех, и других, — дом его уцелел; как он писал в том же стихотворении:

**Ни власть не отняла, ни враг не сжег,
Не предал друг, грабитель не ограбил.**

Аполитичность Волошина крепко связывает его с Серебряным веком. В то же время он, при всей своей нейтральности, сформулировал историко-политическую теорию, выраженную и в прозе, и в поэтических произведениях 1917-1925 годов, которая удивляет глубиной и пророческой силой. Вот основные ее положения:*

Может ли Россия быть республикой? Едва ли. Она пройдет через "ряд социальных экспериментов" и "впоследствии вернется на свои старые пути, то есть монархии: видоизмененной

*Россия распятая (Автокомментарий к стихам, написанным во время революции). 1920. В кн: Максимилиан Волошин. Стихотворения и поэмы, в двух томах, т. 1, Paris, YMCA-Press, 1982, стр. 361-379.

и усовершенствованной, но едва ли в сторону парламентаризма".

Русское самодержавие было нередко революционным: при Грозном, при Петре, которые старались "административным путем перекинуть Россию на несколько столетий вперед, согласно идеалам прогресса своего времени, прибегая для этого к самым сильным насильственным мерам".

При Александре I самодержавие поссорилось с дворянством, При Александре II — с интеллигенцией. "Таким образом, правительство века, перестав следовать исконным традициям русского самодержавия, выделило из себя революционные элементы и вынудило их идти против себя".

После революции 1917 года интеллигенция убедилась, что она "плоть от плоти, кость от костей русской монархии, и что, свергнув ее, она подписала этим самым свой собственный приговор".

"В русской революции прежде всего поражает ее нелепость (...) в стране, где нет ни капитализма, ни рабочего класса (...) на наших глазах совершается великий исторический абсурд". Однако опыт России спасает Европу: он сыграет для европейских стран роль иммунитета.

Своеобразие русского развития: с одной стороны — анархическая свобода совести (Толстой, Кропоткин, Бакунин), с другой — имперская необходимость, железный обруч государственности (Грозный, Петр, Аракчеев). "Равнодействующей этих двух сил для России было самодержавие". Отсюда — успех большевиков, ибо: "Внутреннее сродство теперешнего большевизма с революционным русским самодержавием разительно".

Общий вывод Волошина:

"... Россия будет единой и останется монархической, несмотря на теперешнюю "социалистическую революцию". Им ничего, по существу, не мешает ужиться вместе (...). Социализм сгущенно государственен по своему существу. Он неизбежной логикой вещей будет приведен к тому, что станет искать ее (точки опоры) в диктатуре, а после — в цезаризме".

Можно лишь изумляться тому, как Максимилиан Волошин в 1920 году, живя в отрезанном от мира, далеком от всех центров Коктебеле, сумел предвидеть наступление сталинизма.

АМЕРИКАНСКАЯ МЕДИЦИНА

Беседа Виктора Перельмана с профессором хирургии Стони Брук госпиталя Зеликом Фришером

— Разрешите начать с общего вопроса. Считается, что хирургия — самая агрессивная область медицины. Хирург агрессивен, по определению. В сущности, это его специальность — оперировать, резать, хоть и во имя спасения человека. Так вот, какой удельный вес хирургии в современной медицине? Или, скажем, соотношение хирургии и терапии.

— Сегодня в медицине очень трудно провести грань между хирургией и терапией. Правильно: хирург работает в операционной, но это только одна небольшая часть его деятельности. Основная его область — диагностика или, скажем, послеоперационное и неоперационное лечение. Все это занимает куда больше времени, нежели работа в операционной. Агрессивность хирургии определяется природой вещей. Терапевт может быть агрессивен в своем подходе к лечению, хирург агрессивен, в том смысле, что он чаще всего сталкивается с ситуациями, когда терапевт обычно не в состоянии помочь, как то: кровотечение, шоки, травмы, онкологические забо-

левания, — существует масса болезней, которые невозможно лечить терапевтическим путем. И в этих областях хирургия ушла далеко вперед. Прежде, всего, благодаря новейшим достижениям биохимии, молекулярной физиологии, оптики, электроники, которые сфокусировались на различных областях диагностики и дали возможность проникать в абсолютно не известные еще недавно уголки человеческого организма. То, что вчера было областью догадок, предположений, интересных гипотез, сегодня открылось глазу врача и стало поддаваться эффективному лечению.

Вот один только пример, с так называемым оптическим волокном, благодаря которому созданы такие зонды, которые могут быть введены в сосуды, идущие к сердцу или головному мозгу. Врач получил возможность рассмотреть то, что делается внутри сосуда, увидеть тромб или сужение, вызванное атеросклеротической бляшкой, которые, в свою очередь, могут быть убраны с помощью лазерной техники. Появилась масса новейших инструментов, которые позволяют лечить неоперативным путем или поднимают оперативную технику на качественно новую ступень. Возникла масса биохимических тестов, при помощи которых можно с абсолютной достоверностью проверить состояние больного до и после операции, включая тесты, которые диагностируют первые признаки опухоли. Я имею в виду различную окраску клеток, показывающую процесс превращения нормальной клетки в опухолевую. Он диагностируется, например, в мочевом пузыре или в легком, или в желудке. Все это и предопределило огромный скачок в хирургии, создавший возможность раньше выявлять, лучше оперировать, эффективнее лечить и лучше выхаживать больного. Масса тяжелых больных, которых еще недавно мы не могли оперировать: пожилых, новорожденных с тяжелыми пороками сердца, больных, чье состояние осложнено заболеваниями сосудов и сердца, — сегодня все они хорошо переносят тяжелые операции. Я уже не говорю о том, что пересадка сердца стала более или менее рутинной операцией. Средняя выживаемость при пересадках почек достигла пяти лет, особенно с введением новых препаратов, которые улучшают совместимость тканей.

— Какую область хирургии и медицины, в целом, вы бы назвали наиболее дерзкой? И какую область можно было бы считать пограничной между реальностью и фантастикой?

— Передовой фланг хирургии — это, безусловно, область пересадок. Я говорю о пересадках, которые способны коренным образом изменить состояние человека. Ну, скажем, новорожденному с тяжелым пороком или уродством сердца пересаживается новое сердце и создается возможность для его нормального развития. Или появление аппарата "механического сердца", которое способно держать больного на искусственном кровообращении, приблизительно так же, как его поддерживают с помощью диализа,* то есть искусственной почки. Таким образом, создается возможность подготовить больного к пересадке сердца или, в случае неудачной пересадки сердца, избежать смерти, подключив такой аппарат искусственного кровообращения. Человек с искусственным сердцем, как мы знаем, прожил почти год — у него была масса осложнений. Тем не менее, это реальность. И разговор идет о том, как эту реальность улучшить.

Сегодня становится реальностью пересадка печени и поджелудочной железы. В Питсбурге пересадка печени осуществляется каждый третий день — приблизительно сто пересадок за год... После пересадки почки восемьдесят человек из ста живут сегодня полноценной жизнью: рожают детей, занимаются спортом, у мужчин восстанавливается половая потенция. То же ожидается в области пересадки печени и поджелудочной железы. И это уже сегодня. Завтра мы, по-видимому, вплотную подойдем к проблеме пересадки мозга, хотя пока что это звучит фантастически. Но уже начинается пересадка отдельных участков головного мозга, в том числе пересадка клеток, замещающих больные клетки при паркинсоновой болезни, называемой в простонародье "старческой трясучкой". Как вы, видимо, знаете, именно это заболевание привело к самоубийству Артура Кестлера. Так вот, человеку подсаживаются здоровые клетки мозга, которые выделяют определенного рода ферменты, недостающие в его организме. Правда, излечение — пока лишь временное. К сожалению, подсаженные клетки

* Искусственное очищение организма от шлаков.

плохо приживаются, они рассасываются в организме, исчезают и функция их прекращается. Но ведь это только начало...

— А каковы существующие прогнозы? Я имею в виду трансплантации, вообще, и, в особенности, пересадку головного мозга.

— Это опять-таки вопрос не прогнозов, а реальности. Но нужно иметь в виду, что пересадки порождают в современном мире целую серию различных проблем, в первую очередь, проблем этических. По этому поводу состоялись специальные конгрессы, например, в Израиле. Причем, кроме врачей, на нем присутствовали раввины и философы из многих стран мира. Что же это за проблемы? Возьмем в качестве примера, трансплантацию почек. Раньше всего встает вопрос — у кого можно взять почку или печень для трансплантации? Какого донора можно считать умершим? Здесь существует ряд тестов. Один из них, наиболее важный — это смерть мозга, когда на электроэнцефалограмме кривая, записывающая биотоки мозга, превращается в прямую линию. В отличие от остановившегося сердца, функция умершего мозга не восстановима. Так вот, человек с прекратившейся мозговой деятельностью, но с работающим сердцем и может стать донором при пересадках внутренних органов. Впрочем, вопрос о критериях смерти до конца так и не решен. Критерий врачей — это смерть мозга. Но, скажем, для еврейской религии решающей является смерть сердца, ибо, согласно еврейской философии, душа человека живет не в мозгу, а в сердце. Отсюда в Израиле возможна трансплантация самых различных органов, за исключением сердца. Раввинат эту операцию не разрешает. Но особенно сложно с трансплантациями на Арабском Востоке. Наиболее развитой страной, в этом отношении, является Кувейт, хотя и он не пользуется своими собственными донорами, а покупает внутренние органы для пересадки в развитых европейских странах. Мусульманская религия воспрещает передачу их от одного человека к другому. Но операции по пересадке продвигаются все дальше на Восток. В таких странах, как Индия, дело дошло до того, что органы, предназначенные для пересадки, стали предметом бизнеса. В той же Индии сто-

имость почки от трех до пяти тысяч долларов. Вы можете ее купить у нищего, который готов пожертвовать одной почкой, чтобы получить эту большую, по индийским понятиям, сумму.

Если же мы вернемся к еврейской философии, то, с ее точки зрения, продление жизни любого органа — это благодеяние, мицва. Ибо человеческое тело и его органы — это творение Бога, и, продлевая их жизнь, мы как бы помогаем Богу в его деяниях.

— Но во что, с медицинской точки зрения, упирается проблема трансплантаций, где их пределы?

— Главное тут — совместимость тканей. Скажем, сегодня мы знаем, что существуют четыре основных группы крови. Имеется, конечно, масса подгрупп, но почти каждую мы в состоянии хорошо выделить, оттитровать, найти подходящих доноров для переливания крови. Если бы мы владели такой же информацией о тканях, скажем, тканях головного мозга или почки, или сердца, то вся проблема пересадок шагнула бы семимильными шагами вперед. Однако мы опять же сталкиваемся со сложными этическими проблемами.

Я занимаюсь трансплантацией почек, которая в Стони Брук госпитале превратилась в более или менее рутинную операцию. И мне приходится наблюдать, как у пациентов с пересаженными почками возникает целый ряд требований к обществу. Я уже говорил, что из операционной они выходят практически полноценными людьми. Восстанавливаются их половые и другие жизненные функции. И вот они требуют от общества, чтобы при определенных ограничениях их здоровья оно дало им возможность иметь семью, рожать детей, предоставило им работу. Человек, имея почечную недостаточность и находясь на диализе, хочет продолжать путешествовать, переезжать из страны в страну. Сегодня, например, он хочет сделать диализ в Нью-Йорке, перелететь завтра в Англию, погулять по Лондону, посидеть в баре, побывать на концерте, а вечером в одном из лондонских госпиталей подключиться к искусственной почке.

— А как все-таки с пересадкой головного мозга?

— Как раз тут и встает главный этический барьер — не ме-

дицинский, а именно социальный, этический. Представим себе ситуацию, что появилась группа врачей, осуществляющих пересадку коры головного мозга. Ведь, по идее, они могут изменить лик всего общества: создать новую психологию и психику человека, смодулировать определенным образом настроенных и функционирующих людей. Но общество не готово к решению этих проблем. Оно, вообще, становится более чем осторожным, когда заходит речь о генетике человека. Сегодня, к примеру, мы уже имеем технические возможности для того, чтобы заранее, с достоверностью на 70-80 процентов сказать, в каком случае родится мальчик, а в каком — девочка. Однако опять же общество не готово к подобного рода селекции.

— К генетике мы еще вернемся, но, раз зашла речь о деторождении, то — что можно сказать о вмешательстве в жизнь плода?

— Это чрезвычайно интересная область. На основании исследований, которыми отмечено последнее десятилетие, сегодня мы можем диагностировать различные пороки еще на уровне внутриутробного развития. И диагностировать, и лечить — например, сужение почечной артерии или мочеточника. Производится вскрытие матки беременной. Плод помещается в специальную камеру, которая соответствует условиям его жизни в матке. И в камере осуществляется операция — скажем, коррекция того или иного сосуда. Затем плод снова переносится в естественные условия матки. К сожалению, пока этому сопутствует масса осложнений, в основном, преждевременные роды, которые неблагоприятны для развития ребенка. Поэтому такие операции делаются нечасто.

— Коль скоро мы идем по столь широкому спектру, давайте остановимся на онкологических заболеваниях. Создается ощущение, что рак, подобно шрапнельному огню, косит людей вокруг нас. Ваше мнение: почему медицина остановилась перед раком?

— Я думаю, что основная причина в следующем: мы не знаем, какие причины вызывают изменения в клетке, при которых она начинает развиваться по своим канонам и выходит из

подчинения организма. Почему клетка становится злокачественной и начинает безудержно расти? Почему начинает поглощать все резервы организма, пока не уничтожает и организм, и саму себя? Даже в тех случаях, когда статистически мы можем проследить влияние на рак тех или иных факторов, скажем, асбеста — на рак легкого, красителей — на рак мочевого пузыря, солнечной энергии — на рак кожи, — даже в этих случаях мы не знаем, как лечить эту болезнь, как ее предупредить; почему в одних случаях люди восприимчивы к солнечной энергии, а в других — нет; почему асбестоз вызывает не у всех раковые заболевания, а красители вызывают не стопроцентное появление рака мочевого пузыря. Мы не знаем причин и поэтому не можем влиять на следствия. До сих пор основным методом лечения рака является хирургический метод, хотя все более возрастает роль радиоактивного лечения, химиотерапии. Сегодня она более или менее успешно лечит лейкозы, лимфомы, некоторые раки яичка, раки мочевого пузыря. Однако эти успехи минимальны, мы находимся только в начале пути

— Мы не знаем о происхождении рака, но какие гипотезы существуют? И какой вы отдали бы предпочтение?

— Для каждого онкологического заболевания имеется много гипотез. Не думаю, что мы вправе доверяться только одной и отбросить остальные. Например, рак кожи. Я предполагаю, что существует определенная генетическая предрасположенность плюс какой-то стимул, который в тот или иной момент приводит ее в действие. Приблизительно то же происходит и с раковыми опухолями легкого. Причины их надо искать в определенных генетических отклонениях, возбуждаемых, скажем, никотином, или, как я уже говорил, асбестом. Итак, в каждом случае не одна, а группа причин, но генетическая предрасположенность, вероятно, предопределяющая. Мы прослеживаем семьи, в которых раковые заболевания переходят из поколения в поколение, и таким образом возникает предрасположенность. Но существует и другая точка зрения, которая в сумме факторов генетическим отводит лишь пять-десять процентов.

— Верно ли, что процент онкологических заболеваний увеличивается? Или более общий вопрос: какие заболевания более всего угрожают человеку?

— Ну, это, я полагаю, известно: на первом месте — болезни сердца, которые называются атеросклерозом, болезни сосудов сердца. На втором месте — различные онкологические заболевания, а среди них на первом месте в США — рак легкого, который, в основном, обусловлен курением и загрязненностью атмосферы. (Вы знаете, что на каждой пачке сигарет написано, что курение может привести к раку легкого). Далее идут опухоли желудочно-кишечного тракта, на третьем и четвертом месте — рак матки и урологические раки.

— Если мы делаем такой акцент на наследственности, то остается ли, вообще, место для оптимизма? Тем более при такой настороженности общества к вмешательству генетиков?

— Я хочу уточнить свою мысль, применительно к онкологии. По-видимому, недалек час, когда будут найдены генетические отклонения, свидетельствующие, что данный генотип несет в себе предрасположение к раку. Генетики довольно ясно это показывают. Правда, они не получили еще возможности вмешаться в его природу.

— Значит, мы снова возвращаемся к конфликту между генетикой и обществом. Как проявляется этот конфликт?

— Несколько лет тому назад состоялось совещание различных религиозных групп, на котором были ортодоксальные христиане, католики, представители иудаизма. Вот они-то и сформулировали этот запрет, а именно, что наше общество не готово к получению результатов, предлагаемых генетиками, то есть, по существу, было подписано заключение, налагающее запрет на дальнейшие исследования.

— Вообще? В свободном мире? Как это понимать?

— Существует промышленная, инженерная генетика, получившая огромное развитие. На ее основе производятся совершенно новые виды животных и растений. Например, выведены сорта рыбы, имеющие вкус мяса. Появились такие виды растений, которые, вообще раньше не существовали на земле. Тем же генетическим путем получены микробы, неизвестные

человеку. Проблема в том, что мы не знаем, как строить взаимоотношения с этими новыми жильцами на нашей планете, как они поведут себя в разных условиях и как будут развиваться в дальнейшем. Но это не все. В медицинской генетике получены результаты, на основании которых можно создать человекоподобное существо с заданными параметрами: определенного роста, с определенным строением и функциями головного мозга, с определенными чертами характера. Вот на этой черте перед генетиками и был зажжен красный свет. Общество согласно предоставить им право создавать помидоры или огурцы любого размера, формы и вкуса. Но не согласно облечь их правом производить человека, похожего на карлика или на помидор. Мы не готовы сегодня принять отряд лилипутов, подобных тем, о которых пишет Свифт.

— Но, вероятно, они обещают вырастить отряд великанов или, может быть, отряд спиноз?

— Для нас одинако опасны и те, и другие. Между прочим, несколько лет назад была создана специальная комиссия конгресса, названная этической комиссией, перед которой была поставлена задача рассмотреть с нравственной, социальной точки зрения достижения современной медицины. Так вот, признав огромные заслуги инженерной генетики, комиссия в своем докладе высказала серьезные предостережения по поводу генетических скрещиваний и манипуляций, способных оказать влияние на изменение облика современного общества. Было высказано мнение, что, с нравственной точки зрения, недопустимо даже обсуждать вопрос о скрещивании человеческих генов с генами человекообразных обезьян (в частности, с шимпанзе), которое могло бы привести к рождению человекоподобных рабов и вызвать непредсказуемые последствия в развитии общества. По мнению газеты "Нью-Йорк Таймс", в выводах этической комиссии сквозила не только глубокая озабоченность по поводу использований генетических достижений, но ощущались даже элементы паники...

— Заводят ли генетики разговор о расах, точнее, пытаются ли объяснить различия между ними?

— Более того, — в случае предоставления им свободы,

они смогут показать, что является изначальной природой рас и национальностей и, может быть, договорятся до того, что не существует разницы между евреями и католиками, между русскими и итальянцами — все они представители одной-двух или трех изначальных популяций, которые каким-то образом возникли на этой земле.

— Вы упоминали о научно-техническом развитии американской медицины. Нет ли у этого процесса подводных рифов? Если все больший круг задач перекладывается на плечи электронной и компьютерной техники, не возникает ли опасность дегуманизации медицины? Не исчезает ли сам доктор с его сочувствием к больному, а его место занимает блестяще образованный технократ, человек-компьютер, способный анализировать, но не жалеть, думать, но не чувствовать?

— Вообще-то, конфликт "человек — машина" уходит своими корнями чуть ли не в средневековье. вспомните, например, луддитов. Сегодня люди не без опаски наблюдают за развитием компьютерной техники. Говорят о бунте компьютеров и вытеснении человека. Жизнь показывает, что роль человека в обществе ничуть не снижается. Но я вижу ваш вопрос в несколько ином свете. Действительно, в тот момент, когда появляется огромное количество лабораторных данных, возрастает роль машин — человек, и впрямь, как-будто исчезает из поля зрения врача. Это довольно часто происходит при оценке различных состояний и функций больного. Но думающий врач всегда будет базироваться на простой истине, что перед ним только тест, только часть целого, которое представляет собой человек. Один из моих учителей, знаменитый латышский хирург Павел Страдынь говорил просто: "Я готов перед рентгеном снять шляпу, я только не хочу терять голову".

— Но ведь согласитесь, что сегодняшней врач почти не общается с больным, он видит информацию о больном. А если этот процесс пойдет дальше?

— Вы правы: происходит биологизация медицины, ее математизация, если хотите, схематизация методов лечения. Все верно. Но я не представляю ситуации, когда бы эти данные оценивались вне связи с больным в целом. Так, с помощью

специального теста мы можем получить подробнейшие данные о состоянии сердечной мышцы больного. Но если речь идет, например, о человеке семидесятилетнего возраста, то вряд ли возможно даже обсуждение вопроса о пересадке сердца. В этом возрасте наверняка имеются нарушения во многих других органах, и пересаженное сердце вряд ли сыграет решающую роль в его жизнедеятельности.

— Что вы можете сказать о врачебной интуиции?

— Вопрос этот очень сложен. Существует мнение, что интуиция — неотъемлемое качество хорошего врача. Другие высмеивают эту точку зрения и утверждают, что информация является матерью интуиции. Я думаю, что истина посередине. Может быть хорошо информированный врач или, как я таких называю, хорошо обученный дурак, который просто не способен воспользоваться всей имеющейся в его распоряжении информацией и приложить ее к конкретному больному. Лично я не представляю себе настоящего врача, не обладающего строгим медицинским и логическим мышлением, не способного быстро и целенаправленно обработать в своей голове массу данных, фактов и предположений. Лишите врача этого качества — и исчезнет медицина, останется ремесло, выхолощенные формулы, которые будут прикладываться как прокрустово ложе к тем или иным больным или тем или иным состояниям.

— А что такое талантливый врач? Есть ли для него место в технократической медицине? И еще о врачебном риске, пожалуйста.

— Снова вопрос, на который невозможно ответить одним словом. Что такое талантливый хирург? Тот, кто хорошо оперирует? Но знаменитый русский хирург Владимир Андреевич Оппель говорил, что хирург оценивается не по тому, сколько он сделал, а по тому, сколько он не сделал операций. В любом случае талантливый врач — это не только специалист, но и человек с хорошими душевными качествами, способный понять больного, установить с ним чисто человеческие отношения... Что касается риска, то для меня это, наверное, самая привлекательная сторона врачебной деятельности. Примеров масса. Тяжелая дорожная травма. Человек потерял огромное коли-

чество крови. Его доставили без пульса. Без артериального давления. Первое заключение врача: безнадежен. Хирург быстро осматривает пострадавшего и, несмотря на заключение коллег, рискует его взять в операционную. Он вскрывает грудную клетку и устанавливает, что у человека разрыв крупного сосуда со сжатием легкого. Он останавливает кровотечение, расправляет легкое и возвращает больного к жизни...

— Вам часто приходилось рисковать?

— Думаю, что я рисковал всю жизнь. Особенно последнее время, поскольку очень много занимаюсь больными пожилого возраста.

— А что такое дух больного? Вероятно, он крайне важен для успешного лечения? Но не подрывает ли этот дух сам врач, сообщая, например, больному его диагноз. Онкологическому больному врач открыто говорит: "У вас рак... да еще с метастазами, — да еще, — жить вам осталось, максимум, несколько месяцев..." Как это согласуется с этикой врача?

— Дело в том, что по американскому закону врач обязан информировать больного о его заболевании. Это, конечно, очень непросто. Но что важно? Когда перед нами больной с онкологическим заболеванием, первостепенное значение имеет вопрос, как информировать больного. Если врач подходит к нему и говорит: "Мистер Джексон, у вас обнаружен рак пищевода, который уже послал свои метастазы в легкое, его невозможно оперировать и вы погибнете через три-шесть месяцев", — это ужасная информация. С моей точки зрения, в таком виде врач не вправе ее передавать больному. Но о том же заболевании больному можно сообщить: "У вас имеется рак, или опухоль пищевода, злокачественная, которую мы будем лечить. Для этого необходима операция. Чтобы лечение было более эффективным, мы начнем вас облучать и применим химиотерапевтические методы. Будем надеяться, что вы выздоровеете." Когда больной меня спрашивает, есть ли у него метастазы, я отвечаю: "Да, у вас есть метастазы, но мы постараемся во время операции их ликвидировать, убрать. — Или, — если это не удастся, сделаем это с помощью химиотерапии и других средств". Идея заключается в том, чтобы вместе с ин-

формацией дать больному надежду. В том случае, если ему сообщается лишь голая отрицательная информация, он просто не может ее адаптировать.

— Я хотел бы затронуть тему "Американский врач и бизнес". При этом давайте исходить из реальности, которая существует, а не из моральных императивов. Ясное дело, что врач не должен продаваться за деньги или только и думать о деньгах.

— Нет, я совсем не считаю, что врач не должен думать о деньгах.

— Мой вопрос: как сочетается лечение и бизнес, нет ли тут противоречия? Если врач постоянно думает о деньгах, не возникают ли ситуации, когда интересы больного приносятся на алтарь бизнеса? Конечно, не жизнь больного, а, скажем, ход лечения, который намеренно удлиняется, удорожается? И нет ли тут преимуществ у бесплатной медицины?

— Что можно сказать? Советский врач воспитан под тенью чеховского Ионыча. Ионыч был той остерегающей фигурой, которая должна была постоянно останавливать врача от мыслений о хлебе насущном и, тем более, о хлебе с маслом. Но в той же самой России знаменитый ортопед лейб-хирург Николая II доктор Вреден однажды произнес совершенно циничную для российского уха фразу (вы ее, возможно, слышали): "Лечиться даром — даром лечиться!"

Итак, я думаю, что в Америке врач может быть бизнесменом и зачастую должен им быть. Труд врача здесь хорошо оплачивается. Разумеется, и у него могут быть заработки, которые, с моральной точки зрения, не приемлемы. Но хороший американский врач, по определению, не будет заниматься грязным бизнесом, просто за отсутствием необходимости. Обычно он имеет достаточное количество больных, у него прекрасный заработок. Зачем ему делать ненужные операции или удлинять срок лечения, или диагностировать несуществующие заболевания? Если и существуют подобные явления, то они не имеют места в хорошей медицине и относятся, как правило, к плохим врачам, не имеющим достаточного количества больных. К тому же подобного рода явления очень сурово пресекаются.

— Но как определить, хорош или плох врач, и гарантировать себя против плохой медицины?

— Во-первых, большинство медицинских страховок предусматривает получение больным второй точки зрения (секонд опиньен), то-есть, после установления диагноза у больного есть право посетить второго врача, который подтверждает или не подтверждает диагноз. В случае, если требуется операция, то вопрос гораздо сложнее, и у меня нет рецепта, как найти хорошего хирурга американскому обывателю.

— По вашему мнению, хорошая медицина доступна всем? Не роскошь ли она для большей части населения в Америке? Скажем, человек нуждается в очень знающем и дорогом враче, но у него нет денег. Как быть тогда?

— Я не думаю, что хорошая медицина в этой стране — роскошь. Так же, как она не роскошь в таких странах, как Израиль, Западная Германия, Голландия, Англия. Но в крупных странах существует большой разрыв между очень хорошим и очень плохим врачом. Тогда как в маленьких странах — Израиле, Голландии — эта разница минимальная, то-есть, средний уровень довольно высок. Понятно, что в Америке разница очень велика, то-есть, велика вероятность, что человек попадет к негодному врачу.

— И что же, лучше врач — дороже лечение?

— Совсем не обязательно. В этой стране большинство населения имеет медицинские страховки, которые более или менее хорошо оплачивают работу врачей, причем врачей разных по своему уровню.

— Чем объясняется эта пропасть — очень хорошие и очень плохие врачи?

— Объясняется просто. Один, закончив медицинскую школу, длительное время работал в крупных медицинских центрах. Через него проходят все новейшие достижения медицины. Другой, окончив ту же школу, сразу открывает собственную практику. Он ничем не интересуется, он, может быть, даже медицинской книги ни разу в руки не брал.

— Но разве первый не будет дороже?

— Как правило, будет дороже. Но разница в оплате очень незначительна.

— Вы сказали, что медицина в этой стране — бизнес, и что она должна быть бизнесом. Хорошо ли это влияет на здравоохранение? Опять же, не имеет ли преимуществ социальная медицина, когда государство берет на себя расходы по лечению?

— С моей точки зрения, психология этого общества лучше подготовлена к частной медицине, и Соединенные Штаты являются классическим примером ее развития. Сегодня Америка — это мекка медицинской науки для врачей всего мира. А стало это возможным потому, что медицина здесь всегда была частной и зависела от личной инициативы и личной предприимчивости врачей.

— Верно ли, что в американской медицине преобладают евреи, еврейские врачи, — или это относится только к крупным центрам, или, вообще, такая статистика отсутствует?

— В Америке есть статистика по любому вопросу. Процент врачей, исповедующих иудейскую религию, действительно велик. Дело в том, что поступить в медицинскую школу в этой стране довольно тяжело, сюда принимают выпускников колледжей только с высокими оценками, да еще по наиболее трудным предметам. Этим, пожалуй, и объясняется, что евреев много в медицине. Их много в юриспруденции, в торговле, в науке. Это активная группа, для которой в этой стране нет никаких преград.

— Но нет ли тут обратной, отрицательной реакции со стороны населения? Поскольку все-таки это чрезвычайно дорогая сфера обслуживания, не создается ли у населения чувства, что евреи их грабят, и не рождает ли подобная ситуация антисемитизма у больных? Куда бы они ни пришли, их ждут евреи.

— Антисемитизм, как и любая национальная нетерпимость, в этой стране пресекается. Я лично никогда не сталкивался с такой нетерпимостью. Что касается моих пациентов, то, когда человек болен, его меньше всего интересует, кто его будет лечить. К тому же больной может найти себе любого доктора — католика, протестанта, черного, белого, желтого, говорящего на любом языке, и любого из них оплатит медицинская страховка.

— Давайте вернемся к профессии хирурга. Как она влияет

на его характер, манеры, психику, наконец, на продолжительность его жизни?

— Самая короткая продолжительность жизни — у акушеров-гинекологов. У них часто случаются инфаркты миокарда. Объясняются они массой стрессов во время родов и после них. Общие хирурги идут на втором месте. Любая профессия накладывает отпечаток на психику человека, на его поведение и, если хотите, даже на внешность. Например, когда я прихожу в общество, где двадцать-тридцать человек, через пятьдесят минут я могу безошибочно определить, кто из них врач-психиатр, если таковой, конечно, присутствует. Может быть, это гипербола, но я действительно узнаю врачей-психиатров по их иногда довольно странному поведению.

Думаю, что хирурга узнать не так просто, но и у них есть отличительные черты. Большинство активных хирургов находятся в хорошей физической форме. Несмотря на свой уровень, современная хирургия требует очень тяжелого физического напряжения, работы при повышенной температуре, повышенной влажности, ярком свете и т.д. Хирурги, как правило, очень следят за своими руками — их руки не имеют никаких царапин, никаких заусениц или мозолей, никаких расстройств кожи. Большинство хирургов в разговоре не размахивают руками — они очень редко жестикулируют. Никто не знает, почему так, но это так. Чаще всего хирурги плохие ораторы. Если они выступают и хорошо говорят, то они много и серьезно готовятся, вымучивая свою речь. Они плохо говорят экспромтом.

— За собой вы замечали что-то отличительное?

— Да, замечал. С тех пор как я активно начал заниматься хирургией, мне пришлось отказаться от многого. К примеру, я не пью кофе и, вообще, напитков, содержащих кофеин, потому что, если оперируешь под микроскопом, трясутся руки. В течение недели иду рано спать, так как очень рано встаю. Не ем на ночь, особенно, если на следующий день операция. И масса-масса вещей, которые у меня выработались за двадцать пять лет хирургической деятельности.

— Самая тяжелая ваша операция...

— Самая тяжелая операция, которая мне запомнилась, была описана в хирургическом журнале. Она была сделана в израильской больнице "Бейлинсон" у девочки, которая имела злокачественные опухоли в обеих почках. Ей была пересажена почка, которую мы подключили к почечной системе кровообращения. Операция продолжалась около шести часов. Девочка и по сей день здорова и хорошо развивается. В Америке наиболее технически трудной была операция, когда опухоль развилась в единственной почке. Нам пришлось удалить почку из организма, подключить ее к аппарату искусственного кровообращения. Вне организма удалить опухоль, снова, фигурально выражаясь, собрать почку. Пересадить ее в другое место организма и подсоединить к искусственно созданному мочевому пузырю, так как вся остальная мочевыводящая система была поражена опухолевыми клетками. Пациентке было пятьдесят пять лет, она живет второй год, ее почка функционирует достаточно нормально и даже не требует диализа.

— Вы религиозный человек?

— Я воспитывался в семье ортодоксального еврея и по своему мироощущению я религиозный человек. С моей точки зрения, врач, как никто другой, очень часто сталкивается в своей практике со сверхестественным, божественным. Вера во многих случаях помогает и мне, и моим пациентам. Религиозным людям, вообще, легче живется в этом мире. Не хочу вторгаться в эту сложную тему, но думаю, что религиозный человек в меньшей степени ощущает одиночество, он как бы делит бремя своих тягот с кем-то другим. По сути дела, так и возникла религия — перед лицом тягот и опасностей, нависших над человеком. Но повторяю, это уже другая тема.

— И последний вопрос. О чем мечтает современная медицина?

— Естественно, мечта медицины — начать лечить смертоносные заболевания, о которых мы говорили. Не исключено, что медицина научится лечить на уровне ген, получив разрешение от общества. В конце концов генетики пробьют свое право. Я

думаю, что следующая революция будет в области генетической биологии — когда мы научимся определять совместимость тканей. Мы научимся влиять на наследственные заболевания и специальным образом модулировать гены. В войне общества с генетиками — сколь бы неравной она ни была — будущее все-таки за генетиками.

ОТ РЕДАКЦИИ

ПАРАДОКС АМЕРИКАНСКОЙ МЕДИЦИНЫ

На наш взгляд, интервью профессора Фришера безусловно привлечет внимание многочисленных читателей журнала. Прежде всего, благодаря широкой достоверной информации о современном развитии медицины, о ее достижениях и проблемах, наконец, о трудностях, с которыми сталкивается медицинская наука. Отдавая, однако, должное широте приводимых в интервью сведений, редакция хотела бы выразить собственную точку зрения на некоторые проблемы, отличные от взглядов автора.

Трудно не согласиться с ним, когда он говорит об огромных достижениях американской медицины. Верно, Америка — это мекка современных врачей. Но в интервью затрагиваются и другие вопросы, например, связанные с американской системой здравоохранения — в какой степени медицина США отвечает нуждам населения. Речь идет не о качестве медицины — но о ее демократичности, ее доступности для каждого, кто нуждается в помощи врача. Мы не думаем, что положение столь радужно, как его рисует профессор Фришер, заявляя, что абсолютное большинство жителей этой страны имеет достаточные медицинские страховки, чтобы покрыть потребности во врачебной помощи.

Некоторое время назад, по телевидению (кажется, по каналу Эй-би-си) транслировалось слушание этой проблемы в одной из подкомиссий Конгресса, возглавляемой сенатором Эдвардом Кеннеди. Перед комиссией выступали десятки людей, которым предстояло выплатить едва ли не стотысячные долги госпиталям за перенесенные ими операции (или операции их детей). Страховки не покрывали их долгов, и они оказывались в безвыходном положении. Предъявляемые врачами счета на 400-500 долларов за одно посещение сегодня выглядят обычными в американской медицинской практике.

Профессор Фришер утверждает, что медицина в Америке — не роскошь. Для всех ли не роскошь? Каждый ли в состоянии обратиться к специалисту, который необходим при его заболевании? Довольно часто

мы наблюдаем картину, когда госпитальные врачи бомбардируют по телефону своих перенесших операции пациентов, требуя уплаты непеносимо высоких долгов. Малоприглядная картина, не достойная демократической Америки! Похоже, дороговизна лечения становится национальной проблемой США. Трудно сказать, проистекает ли это из частного характера американской медицины — медицина как бизнес, или ее мафиозности в американском обществе, когда существует как бы молчаливое соглашение врачей относительно непомерно высоких цен. Однако государство — да еще такое развитое демократическое государство, как США, — не может равнодушно относиться к этой ситуации.

Трудно говорить о каких-то определенных рецептах. Но если американское общество на государственном уровне проявляет заботу о жилье своих граждан, строит дома для людей с малым и средним достатком, устанавливает рентконтроль и т.д., то не пришло ли время проявить такую же заботу и о здоровье населения. Нам возразят, что и сегодня существуют медицинские страховки и муниципальные госпитали для неимущих. Ну а что делать людям среднего достатка? Не принимать же нам формулу — что в Америке хорошо живут только миллионеры и бедняки, людям же среднего достатка не приходится завидовать.

Мы знаем цену коммунистической уравниловке и совсем не говорим о равном праве каждого на ценности и блага жизни. Но медицинская помощь — не просто благо, но печальная необходимость, перед лицом которой судьба нещадно ставит каждого из нас. Право на такую помощь должно быть у всех, подобно тому, как в демократическом обществе есть право жить достойной человека жизнью.

Алла КТОРОВА

ЧЕРНОЕ И СЕРОЕ

(Вклад в хрущевяну)

В Союзе выходит сейчас масса книг с воспоминаниями о выдающихся деятелях России. В основном, они посвящены судьбам русских писателей. Но очень редко удается набрести на отзывы современников о политических деятелях — тех, кто в разные периоды истории стоял во главе огромной державы. Кое-что можно отыскать за рубежом, но в СССР государственные деятели в художественной литературе пока правдиво не затрагиваются. Нет собранных воедино воспоминаний о личности русских царей и их сподвижниках, — известна лишь сплошь осанная, лицеприятная лениниана; начисто отсутствует советская сталиниана, а что касается государственных деятелей, наследовавших Сталину, Хрущева, например, то даже среди близко их знавших, нет ни одного (исключая Светлану Аллилуеву), чьим воспоминаниям можно было бы верить или хотя бы читать их с интересом.

Не могу сказать, что сладость прошедшего терзает мою ду-

шу. Мемуары мне писать пока рановато, но недавно я вспомнила фразу Горького о том, что каждый человек должен описать свою жизнь и подумала, что время, пожалуй, понемножку начинать.

На то, чтобы зафиксировать какие-то выдающиеся события нашей эпохи, никаких притязаний у меня нет, но что касается всяких бытовых мелочей, то тут часто я бываю и примечательной, и памятной. А если вспомнить утверждение ученых о том, что мозг отдельных индивидуумов иногда удерживает разную информацию об одном и том же событии, то, сложив все, можно заняться интересным психологическим исследованием личности выдающихся деятелей современного мира.

Мне выпала доля начать вторую половину своей жизни в США в 58-м году, — задолго до того, как первый из третьей волны начал задумываться о поиске счастья в чужих краях.

Как ни странно, но жгучий интерес к иноземщине вначале был полностью перекрыт в моем сознании ярким желанием узнать прежде всего то, что было скрыто от моих глаз в России. Поэтому в первые годы жизни в Штатах все свое время я посвящала самому интересному занятию — запойному чтению всякого рода антисоветской литературы. А в шестидесятых годах стала свидетелем необычного шоу — телевизионных передач с подробностями почти бесперебойного паломничества в Америку советских государственных деятелей. (Живи в Союзе, я не могла бы и помыслить об этом зрелище).

Впечатления были настолько сумбурны, что надо было выждать, дать им остыть, осесть, разложить по полочкам и проверить, действительно ли ни одна писательская рука еще не касалась всего увиденного мною. Теперь же, более чем двадцать пять лет спустя, мне стало ясно, что удержанное моим глазом и памятью содержит многое из того, чего в спешке не заметили или чему не придали значения журналисты.

Последнее весьма удивительно, так как люди, давно отрезанные от места своего рождения, почти все, без исключения, настроены были к Хрущеву, например, враждебно и старались ставить ему каждое лыко в строку. И, вообще, внимание всех жителей Нового Света фиксировалось лишь на выпук-

лом, очень необычном, и поэтому в памяти большинства, в основном, остался ботинок, которым Никита Сергеевич ожесточенно колотил на сессии ООН по спинке кресла впереди сидящего.

Итак, именно в начале шестидесятых годов, в Соединенных Штатах, увидела я впервые Хрущева с супругой, затем Микояна, а потом Косыгина, Брежнева и других, менее важных лиц, вплоть до Горбачева с Раисой Максимовной и Шеварднадзе — продолжение той же цепочки.

Можно легко представить, с какой пользой будет в будущем использована та масса информации, которая хранится сейчас на полках кино- и фонотек. Через десятки лет, когда эти архивы поднимут, наши внуки, вероятно, будут смотреть на экран с таким же любопытством, с каким мы теперь по старым кинолентам знакомимся с агонией России перед революцией и судьбой несчастного Николая Второго и его семьи.

Так вот, среди всех советских полпредов, представших перед глазами американцев, начиная с начала шестидесятых годов и по сегодняшний день, самое яркое место занимает красочный Никита Сергеевич Хрущев.

Памятник на его могиле, выполненный Э.Неизвестным, представляет собой бюст, где одна половина черного, а другая — серовато-беловатого цвета. О том, сколько темных, неприятных моментов сопряжено с годами правления Хрущева знают все, жившие тогда в СССР: тут и Венгрия, и убийство валютчиков, когда по воле левой ноги Никиты Сергеевича закону была придана обратная сила; и развал сельского хозяйства, и Пастернак, и дело Синявского-Даниэля.* И еще много, о чем были написаны тонны. Но всем ли известно, что и американским президентам были не чужды и черные стороны характера, и несправедливые действия? И книг об этом написано тоже немало. Так, Линкольна, освободителя негров от рабства, обвиняют в... расизме, о Франклине Делано Рузвельте толкуют как о благодушном дураке, много резко отрицательного приходится на долю Джона Кеннеди, а о Джонсоне, преемнике Кеннеди, пишут, что он пришел в Белый Дом с грошом в кармане, а вышел оттуда — миллионером. И это в

США, где каждый шаг главы государства контролируется, а пресса только и ждет промаха президента или членов его администрации, чтоб сладострастно вцепиться в пустяк и раздуть из него "дело"

Чего же ожидать от правителя-самодержца, да к тому ж неинтеллигентного и малограмотного, в прямом смысле этого слова, который вознесся по воле судьбы в диктаторы самой большой страны мира? Страны униженной, запуганной и голодной, которая после двадцати девяти лет покорности воле шизофреника Сталина, представляла себе очередного "вождя" не иначе как злобного тирана? Итак, об отрицательном в эпоху Хрущева знают все, но несправедливо мазать годы "оттепели" только черной краской. Никита Сергеевич заслуживает того, чтобы показать его, если не совсем с "белой", то хотя бы с "серой" стороны.

Если до 1954 года Хрущев для рядовых граждан (как и все в окружении "гениальнейшего из гениальных") был загадочным сфинксом, о котором почти ничего не было известно, то после того как "великий кормчий" отошел в мир иной, этого сфинкса словно живой водой опоили. В период своего властвования Никита Сергеевич, без сомнения, развернул во всю свою богатырскую мощь, но то, чем он обогатил свою страну, понемногу начинает забываться.

Однажды, собравшись тесным дружеским кружком, разговорились мы об СССР периода хрущевской оттепели и вскоре поняли, как много ушло из памяти. Даже наиболее интересные детали теперь надо собирать по крохам. Один из нас оживил в памяти содержание киноленты о пребывании Хрущева и Булганина в Индии, когда Никиту Сергеевича и Николая Александровича венчали гирляндами роз, а зрители московской "Хроники" на Сретенке умирали со смеху и одновременно ledenели от ужаса, воображая, что стало бы со всеми ними, хохотунчиками, если бы вместо Никиты на полотне было изображение Сталина.

Подруга вспомнила, как оба деятеля, разувшись, карабкались там же, в Индии, на слонов, а третий собеседник вынул из мозговой копилки эпизод о поучении Никитой Сергееви-

*Синявского и Даниэля арестовали в сентябре 1965 г., а Хрущева сняли в октябре 1964 г.— Д.Т.

чем советских поэтов искусству "большой литературы", когда он ставил им в пример творчество своего друга, поэта-шахтера, по фамилии Махоня, декламируя перед аудиторией стихи последнего. Самого произведения поэта Махони не мог воспроизвести никто (а еще несколько лет назад многие — помнили!) . Единственно, на что оказались способны, — это соотнести махонины вирши с поэмами Вергелиса, типа "В Магадане и в стужу — золотая пора, во Флоренции хуже — донимает жара".

Скандал на выставке в Манеже, "пидираса" помнят практически все, кому в то время было хотя бы за двадцать. Тем более, что эпизоды эти описаны очень выразительно умным Эрнстом Неизвестным, а вот какими награждался Никита Сергеевич прозвищами, на это мало кто обращал внимание. Правда, такие, как "Никитка", "Хрущ", "Кукурузник", "Колорадский жук", "Волюнтарист", "Васька", еще держатся кое у кого в памяти, а вот ласкательные, уменьшительные, такие, как "Никитушка", "Поросеночек", "Колобок" и даже.. "Пупсик" — напрочь забыты.

Профессиональное внимание на клички бывшего российского правителя обращаю потому, что с ранних лет интересуюсь ономастикой, то есть именоведением, и состою теперь в американском обществе "Names" ("Имена"), где изучаются вопросы, так или иначе связанные с возникновением, историей, развитием имен собственных, фамилий, названий и всего к этому относящегося. (Тщательно штудирую все, что на эту тему появляется в русскоязычной прессе, и потому не могу не указать журналисту Владимиру Козловскому, что в интересном списке "кликух" Сталина он упустил одно из самых смешных, непереводаемых ни на один язык. Это прозвище — "мухтамалай", как дразнили мальчишки чистильщиков сапог в Москве. Оно было изобретено нашей полуграмотной соседкой-уборщицей, родилось в квартире, где я выросла, и сначала было сугубо локальным, а потом перешло в Банковский переулок, вырвалось на Покровку и пошло гулять по всему Бауманскому району, центральному району Москвы.

Пытаясь внести свой вклад в воспоминания о Хрущеве, замечу, что если все коники, которые выбрыкивал в Союзе

бывший пастух из села Калиновка, добившийся "высшей власти", можно как-то восстановить, то уж многое из того, что творил он в США, ни в сказке сказать, ни пером описать.

Броскую физиономию Никиты Сергеевича обсуждать — не в пример нашим российским кумушкам и кумовьям — не буду. Отучил муж. В Америке это среди приличных людей и не принято. "Люди на планете "Земля" рождаются всякие: высокого и низкого росту, красивые и некрасивые, умные и глупые, с носами длинными и короткими, с глазами голубыми и карими, и т.д" — вот формула. То, что дал Бог, не исправь, и внешность об истинной сущности человеческого существа никак не свидетельствует. А вот манера поведения — дело другое. Дружеское указание на ошибки ближнего ведут, по философии Дж.Неру, к стремлению нравственного самосовершенствования, к чему, как оказалось, был весьма расположен и Никита Сергеевич Хрущев.

Прежде всего он ошеломил Америку своими сногшибательными речами, но кроме выступлений, пересыпанных, к месту и не к месту, пословицами и поговорками, сопровождаемыми жестикующей, смешками, подмаргиваниями и подмигиваниями, — было и еще много чего незабываемого. В окружении свиты представителей страны-хозяйки и телохранителей, весело переваливаясь на не очень стройных, но крепких ножках, Хрущев не ходил, а буквально бегал по тем местам, куда его водили, и никогда после — ни среди советских, ни среди американских важных особ — я не видела никого, кто бы так искренне хотел узнать и понять чужую страну. И, вообще, Никитушка наш так разудало пер на американцев, так хоробро покрикивал, что и мы, русские, не лаптем, мол, щи хлебаем, что граждане США, с изумлением глядя на этот веселый цирк, не знали: верить или нет, что страна, руководимая столь странным человеком, может, как грозился Никита Сергеевич, показать им некую "кузькину мать", (не входящую ни в один переводческий запас идиом). Кроме того, неумная лихость Никиты плохо вязалась с тем, что и он, и иже с ним когда-то сами не были чужды чувства глубокого раболепия перед "вождем всех времен и народов" и даже с

готовностью отчебучивали по заказу тирана гопака, пускались по-русски в присядку и, заложив большие пальцы подмышку, откалывали фрейлехс. Но перехожу к фактам.

В Калифорнии главу СССР повезли развлекаться в Дисней Лэнд. Хрущев, размахивая руками, шествовал впереди вместе с губернатором, мэром города и другими хозяевами солнечного штата, а лучшая его половина (дарю самой себе двадцать пять центов — каламбур не плох!), Нина Петровна, широкоскуленькая, с милым, простым лицом, вышагивала сзади, эскортируемая женами тех, кто окружал Хрущева. Надо сказать, что Нина Петровна, вообще, вела себя не только скромно, а даже застенчиво. Носила шляпку, была при сумочке, но... в руках ее отсутствовала очень модная, необходимая в те годы для дамы "света" деталь наряда, и я, хоть и начинающая (но уже много понявшая из того, что нужно в США), американка, разозлилась на одного из русских журналистов за то, что тот в ежедневной отечественной газете злобно указал на отсутствие перчаток в руках "мадам" Хрущевой.

А в Дисней Лэнде Никита Сергеевич обегал, словно колобок, аттракционы для дошкольников и хохотал, как дитя, влезши на карусель и устроившись на стульчике, задекорированном под жирафа. Когда же подошел час ланча, главе советской державы и его супруге преподнесли огромную сосиску размером с великана (джайент сайз), вложенную в длинную, под фасон сосиски, булочку, и предложили отведать "горячую собаку". Когда-то, в конце пятидесятых, преподавательница фонетики в Инязе на Остоженке (да, да, уже несколько месяцев, как опять Остоженка, а не Метростроевская!) на полном серьезе уверяла своих студенток, что в Америке едят сосиски из собачьего мяса, по причине дефицита говядины.

Итак, Никита Сергеевич и Нина Петровна стояли с сосисками в руках. "Самое" ела нормально, кусала аккуратно, салфеткой пользовалась со знанием дела, пальчика-мизинчика не отставляла. Усердно старалась не закапать платья горчицей и кетчупом. "Сам" же уплетал угощение с восторгом, кусая булку всем ртом (мой дед, последний московский извозчик, считал такую манеру есть неприличной!), покачивал от

удовольствия головой, гудел "mmm", облизывал булочку со всех сторон, чтоб не выронить ни кусочка маринованного лука и других овощей, закрывал глаза и, вообще, в данной ситуации вел себя так же раскованно-прелестно, как и американские президенты в других странах. А когда к главе СССР подлетел корреспондент с вопросом, как ему нравится сосиска, — типичное американское блюдо, Никитушка крикнул: "Прошу министерство пищевой промышленности СэШэА ни под каким видом не менять технологии производства, — вкус "во!" — выставил прямо в нос газетчику большой палец, жест тридцатых-сороковых годов и присыпал его пальцами другой руки, — сосиска была "на большой!"

Второй эпизод следующий: где-то подписывали что-то. Чуть ли не какое-то соглашение. Референт-переводчик подал Хрущеву шариковую ручку. Тот скреб да скреб этим шариком бумагу, но в конце концов на глазах у всех отбросил ее и в сердцах произнес: "Не пишет. Наша ручка, что ли? Ну, конечно, наша. А вы американскую мне дайте, та-то уж запи-и-шет!"

Вряд ли кто будет оспаривать, что по натуре Хрущев был и умен, и талантлив (о чем свидетельствуют его оттопыренные уши. Замечаю без малейшей иронии, ибо это установлено антропологами). Не знаю, довелось ли бы ему, родись он в Америке, вырасти в могучего политического деятеля, но выдающимся бизнесменом или иной фигурой крупного калибра наверняка бы стал.

Нежное чувство к Никите Сергеевичу зародилось у меня в 58-м году, когда по его личному распоряжению я, отважно, но безуспешно боровшаяся с властью за право выйти замуж за американца и уехать с ним в США, получила-таки при очень интересных обстоятельствах это разрешение из уст самого Ники (так называл Хрущева мой муж при их личной встрече). Как же мне не любить Никиту Сергеевича? Люблю. Кто кашу мне на стол поставил — того и почитаю. Когда читала, что уже после низвержения, в последние годы жизни Хрущева, внук его говорил в школе учительнице, что дедушка все время плачет, — и я смаргивала слезу, а услышав, что Никита опочил — целый тот день мокла...

Многие, в том числе уже упомянутый Эрнст Неизвестный, одинаково талантливый как к резцу, так и к перу, пишут о том, насколько яркой личностью был Н.С.Хрущев. Здесь, в Штатах, мне самой "из первых рук" пришлось убедиться в этом.

Во время визита Хрущева русские зарубежные газеты не уставали напоминать читателям о низкой культуре Никиты Сергеевича. Не скрою, что и мне он представлялся человеком, не блиставшим ни изяществом манер, ни истинным умом. В доказательство полной невежественности Хрущева русская пресса приводила то, что окончание "изм" в словах иностранного происхождения Никита С. произносит, подобно всем малокультурным россиянам, — как *"изьм"*. (В Москве и сейчас не менее семидесяти процентов лиц, включая партийных работников, произносят *"коммунизм"*, *"социализм"* и т.п.) Не могу забыть, как однажды в 50-х по столичной радиосети дикторша призывала москвичей покупать "московские сосиски". Негодуя, я тут же позвонила в радиокомитет и в ответ услышала несколько извиняющееся: "Китайгородова — диктор третьей категории, этим и объясняется ошибка в произношении".

Итак, в первые несколько дней своего пребывания в США, в своих дерзких и сумбурных выступлениях, грозя в самом скором будущем "похоронить Америку", а сельскохозяйственный уровень СССР поднять на уровень США, — ("Держись, корова из штата Айова"), наш державный действительно произнес *"коммунизм"* несколько раз. Но уже через несколько дней, вероятно, после соответствующего разъяснения относительно такого важного для марксиста слова, как "коммунизм", Н.С. уже произносил это и другие подобного рода слова правильно, без смягчения "з".

Вот еще случай, свидетельствующий о желании Хрущева неуклонно повышать свой культурный уровень. (Здесь нет никакой насмешки. Кажется, сам он рассказывал, что уже взрослым брал у Нины Петровны уроки игры на пианино, но за недостатком времени освоить фортепианное искусство не смог).

Выступая как-то в Вашингтоне с речью, в которой упоми-

нались телята, то есть, как он выразился "маленькие коровы", которых он пас в детстве, Никита Сергеевич молвил, что у них, в родном селе Калиновка, была церковь, и "паства" там была велика и обильна. Референт, или кто-то из русской публики, тихо поправил советского босса, и тот тут же, громко, без тени смущения, заявил: "Надо говорить "пáства"? В первый раз слышу. У нас все говорили "паствá". Необходимо учесть".

А вот третий, может быть, самый красочный момент из американского путешествия Никиты, суть которого как-то пропустили и американские, и русские журналисты. Никто просто не понял "соли". Дело в следующем. Как-то Хрущева окружила группа американских евреев, рядовых граждан, а не госдеятелей, и начала допытывать, есть ли в Советском Союзе антисемитизм. Теперь тема антисемитизма дискутируется на государственном уровне, стала частью политики США в отношении СССР, но в то время она звучала подобно изжеванному в наши дни вопросу, "сколько теперь русских литератур, одна или две?" (Вопросом этим околелитературные писатели насилуют всех без исключения приезжающих в Америку советских писателей, не осознавая, вероятно, что это дешевое клише на уровне начальной школы.) А Никита Сергеевич между тем нисколько не растерялся, приосанился, развел руками и заявил, чуть откашлявшись: "Ну что ж. Отвечу. Есть у нас и русские, и, понимаешь, украинцы, татары и узбеки и..., — тут он замялся, как бы подыскивая подходящее слово, — и... иудейцы! Все мы живем дружно". И гордо на всех спрашивающих посмотрел.

Каждый, для кого русский язык родной, понимает, как комичны были эти "иудейцы". Просто Хрущев хорошо знал, что слово "еврей" после войны начало входить в лексикон "простых" советских людей как слово бранное. В пятидесятые годы слово "еврей" было синонимично "гаду", "паразит", "сволочи" и пр. У меня в средней школе Железнодорожного района, кошмарного района Москвы, "у трех вокзалов", для мальчишек это слово служило чем-то вроде нематерного мата, и "у... еврей!" я слышала даже от еврейских подростков, сцепившихся в драке или ссоре с инонациональными. Вот

Никита Сергеевич и замялся, не зная, сможет ли он отважиться произнести такое, почти непечатное слово в Соединенных Штатах. Как все малообразованные люди, он, по-видимому, думал, что и в США слово "еврей" не очень-то в ходу, и постеснялся оскорбить уши своих хозяев такой грубостью.

Можно оживить еще для истории то, как бесстрашно овладел Никита Хрущев чуждым для советских руководителей выражением "дамы и господа" и как, хоть грубовато, но довольно естественно он произносил "благодарю за внимание", обращаясь с полупоклоном к аудитории. На каком-то банкете Никита Сергеевич, чуть подвыпив, выкрикнул: "Ну а теперь трущобы показывайте!", и его повезли абсолютно честно в вашингтонский Юго-Запад, который, в противоположность Черемушкам, московскому Юго-Западу, был самой в то время неприглядной частью американской столицы. Хрущев, посмотрев на дома там, приуныл, недоверчиво покачал головой... Показалось, что он готов был заметить, что здешние трущобы выглядят гораздо лучше, чем лабутенковские "хрущобы", — но смолчал.

Очень смешным был ответ на вопрос одного из корреспондентов о том, почему в Союзе мясо-самый труднодоставаемый продукт. Хозяин Кремля, нисколько не смутившись, хмыкнул: "А зачем нам мясо-то? Мы русские, русским бы картошечки да с селедочкой..." И бодро махнул рукой.

Ну а как же реагировали рядовые американцы на спектакли разудалого московского "медведя"? Не могу сказать, что граждане этой страны ожидали прибытия монарха со скипетром в руках, как не собираюсь фальсифицировать историю, заявляя, что граждане этой страны лишились сна и аппетита во время визита русского гостя. Для них это было только экзотикой. Русская братия волновалась куда больше: кто издевательски ржал, кто тихо ухмылялся, а кто, как покойный редактор одного из крупнейших зарубежных журналов, все повторял, что Хрущев — клоун, и даже Сталин, и тот был лучше. А взрослые в моей американской семье лишь снисходительно улыбались, и только муж время от времени произносил загадочное "велл...". И странно, но факт, — после конца гастролей

нашего генсека и главы правительства, его в США очень редко вспоминали. А мне очень часто приходит на ум этот талантливый, умный и никак не злодей по натуре, но очень уж неполированный человек. Просто он ярчайший пример того, что может сделать с человеком обладание единоличной властью.

Что же касается роли Хрущева при Сталине, то вспомним слова одного мудрого человека о том, что во времена нацизма у Гитлера было двадцать миллионов союзников — весь немецкий народ. И все российские народы в этом смысле от немецкого не отличаются.

Рассказ о пребывании Никиты Сергеевича Хрущева я кончаю и надеюсь, что все вышеизложенное послужит моим скромным вкладом в будущую хрущевяну.

"МЕЛКИЙ ЖЕМЧУГ"

"Мелкий жемчуг", новая книга Аллы Кторовой, разнопланова и многотемна. Это литературно-исторический коллаж, где описание пращуров и предков прошиваются картинками жизни современной Москвы, а воспоминания о детстве и юности во время Второй мировой войны идут параллельно с рассуждениями о современной литературе, взглядами автора на нового человека эпохи НТР и т.д.

"Мелкий жемчуг" продается во всех магазинах русской книги США и Европы. В книге 303 страницы, с портретом автора и фотоиллюстрациями. Обложка выполнена Вагричем Бахчаняном, Цена книги — 20 долларов. За пересылку — 1 доллар. Заказы на книгу также принимаются по адресу:

Victoria Sandor,
5838 Edson Lane,
Rockville, MD, 20852
USA

ЭССЕ О МОРАЛИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Эссе Владислава Ходасевича "Черепанов" впервые было напечатано 19 марта 1936 года в парижской газете "Возрождение", литературный отдел которой Ходасевич вел в течение многих лет. Формально это эссе может впитаться откликом на серию статей известного эмигрантского писателя и публициста Марка Алданова, напечатанных в феврале-марте того же года в другой парижской газете "Последние новости" и посвященных разбору "Красной книги ВЧК".

На самом деле отклик на алдановские статьи послужил для Ходасевича лишь поводом для написания очерка о его гимназическом друге — Черепанове. Тема очерка — становление революционера или можно назвать его и так: "Становление революционной морали". Эта вещь Ходасевича в некотором смысле является дополнением к его трогательной повести "Младенчество", также впервые появившейся на страницах "Возрождения", однако публикация ее не была закончена. Вот что об этом пишет Н.Н.Берберова ("Курсив мой"): "Когда он начал писать свою повесть "Младенчество", "левая" часть эмигрантской общественности была возмущена: кому интересны его воспоминания детства? что он Лев Толстой, что ли? Давление было столь сильным, что ему пришлось бросить начатую книгу".

Григорий ПОЛЯК

ЧЕРЕПАНОВ

История одного революционера

Недавно М.А.Алданов посвятил несколько статей важному событию из эпохи раннего большевистского господства — взрыву в Леонтьевском переулке, в особняке, некогда принадлежавшем графине Уваровой. После октябрьского переворота этот особняк был предоставлен левым эсерам, а затем, после убийства графа Мирбаха и т.н. восстания левых эсеров, отошел к большевистской партии. 25 сентября 1919 г. в нем должно было состояться собрание виднейших большевистских деятелей, в том числе Ленина и Троцкого, которые, однако, по случайности не присутствовали. Во время заседания в зале была брошена бомба; было довольно много убитых и раненых. На другой день Чрезвычайная Комиссия начала расправу с предполагаемыми и воображаемыми организаторами взрыва. Истинные виновники были ею обнаружены значительно позже, когда выяснилось, что покушение было организовано террористической группой, состоявшей из нескольких лиц, именовавших себя "анархистами подполья", и не-

скольких левых эсеров. Во главе последних стоял некий Черепанов, игравший в террористической группе важную роль: впоследствии он показал на допросе, что подготовка взрыва, выработка плана и руководство были возложены на него. (В самом метании бомбы он, однако, не принимал участия по постановлению "штаба", хотя и находился поблизости от того места, где произошел взрыв).

Естественно, что в своих статьях М.А.Алданов уделяет немало места личности Черепанова. Со вдумчивостью и тщательностью, присущими всем его работам подобного рода, М.А.Алдановым использован обильный печатный материал: "Красная книга ВЧК", содержащая очень подробное изложение событий и показания обвиняемых, ряд статей и заметок в советских газетах того времени и т.д. Не ограничившись этими данными, М.А. Алданов лично опрашивал многих лиц, которые могли и должны были знать Черепанова (нужно думать, что этими лицами были члены эсеровской партии, к которой он принадлежал). Тем не менее, собранные сведения оказались невелики по объему: М.А.Алданов прямо говорит, что о Черепанове знает "очень мало". Ему удалось только выяснить, что это был "образованный человек": окончил юридический факультет и даже был оставлен при университете — не то по кафедре уголовного права, не то по кафедре уголовного процесса; что революция застала его молодым и "очень его увлекла"; что в 1917 г. он стал членом эсеровской партии, а затем "все левел: из с.-ров стал левым с.-ром, потом главой левого крыла левых с.-ров". К этому надо прибавить, что, как мы видели, он потом еще полевел: примкнул (хотя бы тактически) к одной из анархических групп.

Эти весьма ограниченные данные заключают в себе то неприятное свойство, что, отмечая быстрые этапы эволюции, проделанной Черепановым, в то же время не содержат в себе ничего, чем можно было бы эту эволюцию объяснить. Мы видим, что человек, которому предстояло стать профессором университета, вдруг, очертя голову, бросается в революцию и в безостановочном скольжении налево стремительно доходит до прямого сотрудничества с ее самыми темными элементами.

Скольжения вправо обычно нас не смущают: мы их легко объясняем корыстью. Скольжения влево привыкли мы объяснять побуждениями более или менее возвышенными, идейными или хоть психологическими, на худой конец, эмоциональными. В данном случае никакого материала для подобной мотивировки у нас нет. Говоря об "анархистах подполья", М.А.Алданов решается слегка усомниться в их "идейности". Черепанов же был эсером — значит сомневаться в идейности не приходится. Правда, политические идеи Черепанова М.А.Алданов называет "странными", видимо, не желая назвать их менее почтительно. Но сама наличность этих идей для него несомненна. К тому же, Черепанов, в его глазах, окружен ореолом, как человек, погибший в борьбе с большевиками, и при том проявивший мужество, в самом деле, замечательное. В результате, не имея данных для суждения о внутренних двигателях Черепанова, М.А.Алданов, как и следовало ожидать для столь добросовестного исследователя, оставляет их под знаком вопроса. Поскольку он не сомневается в их возвышенной природе, личность Черепанова выходит у него таинственной.

Уже в эпоху Временного правительства имя эсера Черепанова стало нередко появляться в газетах — чаще всего в паре с Марией Спиридоновой. Читая о выступлениях Черепанова, без труда можно было проследить его историю — вплоть до взрыва в Леонтьевском переулке. Его принадлежность к партии эсеров с самого начала создала и для меня привычную иллюзию. Совершенно так же, как теперь М.А.Алданов, за действиями Черепанова я предполагал идейные мотивы, в точности мне неизвестные, но несомненно существующие. При этой иллюзии я оставался вплоть до весны 1920 года, когда появилась та самая "Красная книга ВЧК", которая и Алданову послужила одним из главных источников. Читая в ней главу о взрыве в Леонтьевском переулке, я, однако же, был воистину потрясен внезапным открытием: оказалось, что таинственный эсер Черепанов и просто Черепанов Донька, бывший товарищ мой по гимназии, — одно и то же лицо. До тех пор подобное предположение настолько не приходило мне в голову,

что, читая в газетах о Черепанове, я ни разу даже не вспомнил о человеке, с которым восемь лет просидел, если не на одной скамье, то в одном классе. Изумление мое было так велико, эти два образа до такой степени не сливались, что, несмотря на редкое имя (Черепанова звали Донат Андреевич), — я поверил не сразу. Лишь небольшая овальная фотография, приложенная к статье, меня убедила. С этой минуты история Черепанова представилась мне совершенно по-иному, чем я себе представлял ее до тех пор и чем ныне она представляется М.А. Алданову.

В Московскую 3-ю гимназию, ту, что помещалась на Большой Лубянке, на том самом месте, где некогда находилась усадьба князя Михаила Пожарского, поступили мы с Черепановым в 1896 году. Учился он средне, скорее плохо, чем хорошо, хотя на два года в одном классе ни разу не оставался. Оттого что я был слаб здоровьем и надо мною, что называется, тряслись, я в младших классах был паинькой, очень хорошо учился и дружбу водил с такими же благовоспитанными мальчиками, читателями книг и собирателями библиотек. Черепанов принадлежал к той части класса, которая книг не читала, библиотек не собирала, ходила в сапогах с голенищами (я носил башмаки на пуговицах), ругалась крепкими словами и, вообще, удивляла меня бытовыми навыками, о которых раньше я не имел понятия. Как сейчас помню я день, когда Черепанов (это было уже в классе четвертом) явился в гимназию с огромным классическим синяком вокруг запухшего левого глаза, со щеками, по которым шли сверху донизу ярко-красные царапины и с такими же царапинами на руках. Наш классный наставник, Митрофан Дмитриевич Языков, ахнул, его увидя. На вопрос, что случилось, Черепанов ответил:

— Опять с кухаркой подрался, Митрофан Дмитриевич.

Чувствовалось, что бой был не первый и не последний, притом — всерьез и на основах внутреннего равенства.

Отец Черепанова был антрепренером. Некогда он держал в Москве театр "Скоморох" — народный театр, в котором были места по пятаку и по гривеннику. Между прочим, в "Скоморохе", если мне память не изменяет, впервые были поставле-

ны "Первый винокур" и "Власть тьмы". Театр прогорел, кажется, еще до нашего поступления в гимназию. Отца Черепанова видел я раза два — он приходил зачем-то в гимназию. Это был человек среднего роста, с серым лицом, с сильной проседью, похожий манерами и одеждой не то на мастерового, не то на опустившегося купца. Носил он долгополый сюртук и картуз. Начиная говорить, встряхивал головой и вытягивал руки по швам. Матери у Черепанова не было — то ли она рано умерла, то ли была с мужем в разъезде. Была маленькая сестра, учившаяся в балетном отделении Императорского театрального училища на Софийке. Впоследствии я с Черепановым раза два ходил туда за ней — брать ее в отпуск.

Приблизительно класса с пятого произошла в Черепанове перемена: из замарашки и драчуна он сделался франтом, а затем очень скоро очутился в кругу молодых людей, к которым я прямо не принадлежал, но которых наблюдал очень близко и за которыми (чего греха таить) в некотором роде тянулся. Дело в том, что с самого раннего детства балет был моей страстью. Подумывали отдать меня в театральное училище, но по болезни я очутился гимназистом, отчего первое время немало страдал. Утешение находил в том, что сделался усерднейшим посетителем дачных танцулек и всевозможных балов — в Благородном Собрании, в Охотничьем клубе и т.д. Разумеется, был у меня обширный круг бальных знакомств, в первые годы совершенно невинных, но затем, именно когда был я классе в пятом, получивших иную окраску. Я подошел вплотную к довольно обширной группе юношей, уже начинавших карьеру прожигателей жизни. Некоторые из них даже вообще не танцевали, являясь на балы с какими-то особыми целями, а главное — чтобы поразить человечество и друг друга тем же, чем поражали на Кузнецком мосту, на Петровке, в театрах: фантастическим щегольством и фантастическими повадками. Гимназисты, реалисты, креймановцы, комиссаровцы — иной раз умели они перещеголять самих лицеистов. Ездить на трамвае или на конке (тогда еще конки существовали), или на простых извозчиках считалось позором: надо было брать лихачей. Парадные мундиры считались дурным тоном и пере-

житком. Зато шили себе поразительные куртки с высокими воротниками, в талию, с боковой застежкой на крючках. Стягивались они широченными ремнями непременно с кожаной пряжкой, а не с форменной бляхой. Брюки делались до того узкие, что длинноносые лакированные штилеты в них не проходили: надобно было сперва натянуть брюки, потом надевать башмаки. Натягивались они до такой степени, что суконные штрипки не выдерживали: некие братья В-ны ввели в моду штрипки из металлических цепочек. (От тугой натяжки брюки суконные вытягивались в коленях — мы старались их шить, как студенты, из диагонали.

Черепанов ввел новшество, о котором тотчас заговорили и которое тотчас же переняли: он стал и куртки шить из такой же диагонали. Фуражки делались такие тесные, что могли держаться только на боку, но зато с огромнейшими полями. Малейший ветер уносил их с голов — приходилось пришивать резинку, которая пропусклась по подбородку. Подкладка к фуражке полагалась черная, муаровая, с большой золотой буквой на левой стороне. Делались, впрочем, подкладки и красные, и голубые, но это уже куда ниже сортом. Вечерами по нашим шинелям городские нас принимали за офицеров и вытягивались козыряя, — а потом, поняв ошибку, отплевывались. Ходить в галошах было неприлично. Зимой носили мы серые боты, но лучше было иметь ботинки на байке и ходить без галош. При ходьбе надо было особым образом подшаркивать и волочить ноги меланхолично. В походе никто не мог превзойти Григория Исааковича Ярхо, моего приятеля, немножко поэта (это его сын недавно покончил с собой здесь, в Париже, вместе с Борисом Поплавским). Гимназическое начальство на все эти повадки смотрело косо и по мере сил пыталось их преследовать, но мы обретали право свое в борьбе, которую вели даже с некоторым спортивным азартом и соревнованием.

Не приходится удивляться, что жизненная судьба многих московских энкруаяблей оказалась прискорбна, а иногда и вовсе трагична. Чтобы не быть голословным и ради характеристики, я позволю себе рассказать три истории.

Непревзойденной главой и арбитром московских элеган-

тов долгие годы считался Сергей Николаевич Дурасович. Его младший брат был со мной в одном классе. Сам же был старше нас года на три, на четыре, учился в той же третьей гимназии, но проходил курс наук не спеша, а затем и вовсе был исключен. Его отдали в частную гимназию Креймана, которую он окончил тоже не из первых. Был он красив собой, и еще в креймановскую пору пользовался большим успехом у женского пола, в котором предпочитал особ, бывших значительно старше и богаче его. Потом, в студенческой форме (он поступил на юридический факультет), катался он по Москве в высоком английском кабриолете, которым правила купчиха С-на. Из кабриолета он пересел в парную коляску, принадлежавшую небезызвестной кокотке Зое П., которая жила на углу Тверской и Пименовского переулка, в доме Коровиной, где случайно жили и мы с Ярхо. Это была женщина далеко уже не первой молодости, очень некрасивая, бывшая на содержании у старенького генерала А., которого лошади бегали на бегах. После Зои П. водил Дурасович и другие того же рода знакомства, которые привели к тому, что когда он кончил университет и пожелал сделаться помощником присяжного поверенного, это оказалось для него затруднительно — среди адвокатов никак он не мог отыскать патрона, который согласился бы его к себе "приписать". Наконец после долгих стараний патрон нашелся — то был известный Шмаков. Несколько лет спустя, выступая гражданским истцом и добровольным обвинителем в деле Бейлиса, Шмаков посадил рядом с собой своего помощника — и Сергей Николаевич Дурасович очутился в роли защитника устоев, веры и прочего. Однако и на сем поприще не суждено ему было сделать карьеру, потому что он сам со стороны матери был происхождения иудейского. У его бабушки, которой фамилия была Зальцфиш, был небольшой оптический магазин на углу Тверской и Камергерского переулка, в доме Толмачева. Он умер довольно рано, в безвестности и болезнях, которые были следствием рассеянного образа жизни.

Это история просто печальная и скорее жалкая. Две другие вышли трагическими, как нельзя более.

У нас был учитель: Александр Петрович Ланговой, человек лет тридцати, со средствами, элегантный, не в пример большинству педагогов, державшийся вполне светски. Преподавал он греческий язык. Его несчастьем было то, что и нравы у него были слишком уже греческие. Возможно, что незаметное и скучное поприще гимназического учителя избрал он именно по этой причине. Осенью 1901 года, когда мы были в шестом классе, мать восьмиклассника Ж. подала на него жалобу, обвиняя его в деяниях, предусмотренных 996 статьей тогдашнего уложения о наказаниях. Ланговому грозила каторга, но, говорят, и он, в свою очередь, пригрозил, что на суде сделает разоблачения касательно одной особы из высших московских сфер. Дела до суда не довели, а сослали Лангового в административном порядке в Семипалатинск, откуда впоследствии он вернулся и занимал даже какую-то должность в Государственной Думе.

На уроках была у него манера подсаживаться на парты к ученикам, обнимать их, что-то нашептывать. Значение всего этого понял я лишь тогда, когда скандал разразился. Обнаружилось, что в нашем классе у Лангового были любимцы, которых он приглашал к себе на дом. В их числе оказался П., один из бальных моих приятелей, красивый и умный мальчик, из хорошей, но небогатой семьи, которая все ждала какого-то наследства. Ланговой толкнул П. на прискорбный путь. Вскоре П. стал гулять по Кузнецкому мосту в обществе хромоногого толстяка Х-ва, пожилого господина, постоянно окруженного смазливymi гимназистами, которых он баловал. За Х-вым последовали другие поклонники. В университетскую пору П. сделался одним из виднейших представителей золотой молодежи. Порой затмевал он и самого Дурасовича.

В 1908 году, после каких-то потрясений (он даже покушался на самоубийство), П. захотел изменить образ жизни. Он женился на очень красивой девушке, дочери некоего Д., мелкого дельца и в некотором роде домовладельца: ему принадлежал публичный дом в одном из переулков, сбегавших от Сретенки к Цветному бульвару. Тем не менее, первое время все шло хорошо, но потом все как-то вдруг соскочило с

рельс. И П., и его жена уж очень любили веселую, а главное, — шикарную жизнь, на которую средств не было. Появились на сцене разные персонажи: с одной стороны, — модный тенор, с другой, — стареющая кафешантанная дива, с громким титулом королевы бриллиантов, и отвратительный, грязный старик восточного типа, с лысиной, покрытой волосатыми шишками.

Наконец супруги разъехались. Однажды в "Стрельне" они очутились за соседними столиками: она — с богатым меховщиком, он — в другой компании. Событьи П., который был уже пьян, стал подтрунивать, указывая ему на жену. П. подошел к ней, вынул револьвер и выстрелил. Она умерла в автомобиле по дороге в больницу. Это было в конце 1911 г.

П-ва судили, процесс был громкий — на всю Россию. Перед судом прошла гнусная вереница свидетелей — представителей веселящейся Москвы. Тут были фланеры с Петровки, эстетствующие купчики, сомнительные игроки. Один на вопрос председателя: "Чем занимаетесь?" — ответил: "Бываю". — То есть, что это значит? Где бываете?" — "А везде: на скачках, на бегах, в скэтинг-ринге". П-ва защищал прис. пов. Измайлов. Со стороны гражданского иска согласился выступить мой брат, хотя я и советовал не делать этого, говоря, что тут настоящее место на скамье подсудимых — свидетелям, а не обвиняемому, выбитому из колеи в слишком ранней юности.

Надо отдать справедливость присяжным заседателям: они это почувствовали и оправдали П. Сенат дважды кассировал дело, — и П. еще дважды вышел из зала суда оправданным, но не счастливым.

Третья история разыгралась как раз тогда, когда эта лишь началась.

В Хамовниках, неподалеку от дома, где жил Лев Толстой, был пивоваренный завод. Им управлял некий Алонзий Кара, по происхождению чех. Получил он хорошее жалованье, к тому же имел собственный небольшой пивоваренный завод в Самаре. Семья его состояла из жены, трех сыновей и двух дочерей. Старший сын жил в Самаре, управляя отцовским заводом. Другой служил, кажется, на том же заводе, где и отец.

Младший, Александр, учился в коммерческом училище. Девочки получали т. наз. домашнее образование. Семья занимала казенную квартиру при заводе. Жили скупно, копили деньги, знакомств не водили, не держали даже прислуги. Заводской дворник приходил топить печи.

Около 1901 года Александр Кара вздумал брать уроки танцев у неких братьев Царман, устраивавших еженедельные вечеринки при своей школе и ежегодно два бала в Благородном собрании. По этим балам я и знал Кару, который, впрочем, был старше меня года на четыре. Собою он был невзрачен. На очень обыкновенном, неумном, невыразительном лице пробились усики. Держался он скромно, был одет небогато. У Царманов он познакомился с девицей Клавдией Смирновой. Влюбился, стал у нее бывать. Клавденька вела себя пристойно, была сирота, жила с тетенькой. И все-таки этот роман оказался Каре не по средствам. Приходилось платить за посещение вечеринок, иметь белые перчатки, без которых в те времена танцевать никак было невозможно, покупать фиксатуар, чтобы держался "ежик" на голове, иной раз отвозить Клавдию домой на извозчике и дарить ей конфеты, до которых она была охотница. Меж тем, от родителей полагался Александру Каре на карманные расходы один рубль в месяц.

От этого рубля все и случилось. В доме стали пропадать вещи. Однажды Александр тайком заложил велосипед старшей сестры. Это открылось. Отец, перед которым все в доме дрожало, Александра побил. Александр раздобыл стрихнину и испробовал его действие на собаке. Собака умерла в сильных мучениях — мысль о стрихнине была оставлена. Через несколько времени Александр украл у матери какие-то мелкие драгоценности. Мать его уличила и обещала обо всем рассказать отцу, когда тот вернется со службы. Часов в семь вечера Александр подошел к маленькой девочке, дочери соседней, приходившей играть с его младшей сестрой, и велел ей идти домой. Затем он дал денег дворнику, возившемуся на кухне, послал его в кондитерскую, а сам взял колун (быть может, заранее припасенный) и отправился в столовую, где была мать. Подойдя к ней сзади, ударом топора раскроил он ей череп.

Сестры, игравшие в соседней комнате на пианино в четыре руки, услышали шум. Кара быстро подошел к ним и двумя ударами колуна прикончил обеих. Затем оделся и ушел из дому. Отец, пришедший домой несколько минут спустя, застал три трупа. Поднялась тревога, во время которой Александр вернулся и еще имел присутствие духа кричать, что своими руками растерзает убийцу. Вскоре, однако же, он размяк и к полуночи признался во всем.

Его защищал мой брат. Присяжные возбудили ходатайство о направлении дела к доследованию на предмет освидетельствования умственных способностей Кары. При вторичном разбирательстве его защищали два адвоката: мой брат и В.А. Маклаков. Кара был приговорен к десяти годам каторги, с которой года через три бежал — по глупости, в Самару, где многие его знали. Все-таки он там прожил неузнанным около года — нанялся воспитателем к детям какого-то купца. Будучи опознан, вернулся на каторгу, где вскоре и умер от чихотки.

* * *

Конечно, не все наши (т.е. Черепанова и мои) балные приятели разделили участь Дурасовича, П. или Кары. Но читатель, я думаю, согласится, что если из сравнительно весьма ограниченного круга этих молодых людей целых трое столь горестно "выдвинулись", то это процент огромный, и что, следственно, подобные истории, при всей их исключительности, для данной среды были не случайны. И в самом деле к уже изложенным биографиям мог бы я присоединить еще несколько, не столь разительных, но, быть может, не менее характерных. Недаром уже тогда я все это угадывал инстинктивно и, боясь, что мне запретят посещать балы, скрывал от домашних свое знакомство с Карой.

Роковою, предопределяющей чертой в истории Дурасовича, П. и Кары было то, что в основе их лежало отсутствие денег для той жизни, которую хотелось вести. Черта эта была характерна и для подавляющего большинства той "золотой", но как раз золотом не располагавшей молодежи, о которой идет речь. Жгучая жажда денег была ей свойственна всей поголов-

но. Порою сюда присоединялась воспаленная зависть. И вот, вспоминая Черепанова-гимназиста, вынужден я сказать, что он в этом смысле терзался даже сильнее многих, потому что был многих самолюбивей и вместе с Карой едва ли не всех бедней.

Классе в седьмом начал я отставать от танцев — меня увлекли другие интересы. Вместе с тем я отстал и от прежнего круга, надолго, однако же, сохранив привычку к франтовству. Черепанов в круге остался и наше приятельство ослабело. В ту же пору на один из гимназических литературно-музыкальных вечеров (на котором я — греха таить нечего — читал "Саккья-Муни"), Черепанов с кем-то еще принесли водки и привели двух уличных девиц, с которыми были застигнуты в темном классе надзирателем Д.П.Дельсалем.

В университетскую пору мы почти не встречались, тем более, что с юридического факультета я через год перешел на филологический. Примерно с 1906 г. я на несколько лет совсем потерял Черепанова из виду. Охотно верю, что он был оставлен при университете, но это несколько не меняет того впечатления, которое у меня сохранилось от нескольких позднейших встреч с ним.

Мы встречались во время войны — на улице, в синемаатографе. При встречах беседовали. В последний раз минут сорок ехали в трамвае № 1 от Нижегородского вокзала на Тверскую. Это было осенью 1916., то есть всего за несколько месяцев до начала его революционной карьеры. На мой вопрос, чем он занимается, Черепанов ответил, что служит в статистическом отделе не то земской, не то городской управы. Однако мне показалось, что даже и для такой деятельности он недостаточно интеллигентен. По всему разговору, по самому даже строю речи, по манерам был он, в лучшем случае, похож на приказчика. На нем все было дешевое и пестренькое, с претензией на шегольство: пестренький пиджачок, пестрый галстук бабочкой, брюки в полоску. Правда, он был в пенсне — некоторый признак учености. Держался он с большой развязностью, говорил о "девчонках", о выпивке, о том, что вот только денег нет, чтобы развернуться. М.А.Алданов предполагает, что он впоследствии потому отказался взорвать Кремль, что

ему было жаль "архитектурных, исторических сокровищ Кремля". Я глубоко уверен, что на все архитектурные сокровища ему было в высшей степени наплевать. Скажу по совести — он показался мне хулиганом. На революционера он несколько не был похож. Но что он был человеком, которому серая, трудовая жизнь до черта наскучила, это несомненно.

Он пришел в революцию через партию эсеров, но весьма примечательно, что настоящие исконные эсеры, которых опрашивал М.А.Алданов (и отчасти я), — почти ничего о нем не знают. Он для них незнакомец, и это вполне понятно, потому что никакого революционного прошлого у него не было. К эсерам пристал он уже в сумятице 1917 г. И опять-таки очень понятно, почему именно к ним.

На допросе в ЧК Черепанов заявил, что лично он о захвате власти никогда не думал. Алданов склонен верить этому заявлению, я — тоже. Но Алданов тут видит проявление идейности и бескорыстия, я же — как раз обратное. Конечно, о власти в государственном масштабе Донат Черепанов не мечтал никогда. Он-то себя знал, и ему в голову не могло прийти тягаться о власти сначала с Керенским, а потом с Лениным. Но участия во власти, по принадлежности к тому слою или кругу людей, которому принадлежит власть в революционную эпоху, он, разумеется, хотел, ибо правильно понял, что тут открывается быстрый доступ к тем жизненным благам, которые он так любил и по которым с детства истосковался.

В начале революции всего ближе к власти были эсеры — он к ним и пристал. Поверхностно усвоить надлежащую фразеологию было дело нехитрое. Что эсеры приняли этого незнакомца — это был их промах, объясняемый, вероятно, тем, что люди им были нужны и некогда было разбираться в том, откуда кто взялся. Дальнейшая эволюция Черепанова вполне естественна и ничуть не загадочна. Нужно только иметь в виду, что по складу характера, по темпераменту он был не просто оппортунистом, а и авантюристом.

Власть от эсеров уходила влево, к большевикам. От эсеровской партии откололись отчасти ее идеологические элементы, отчасти — авантюристические, стремившиеся застрахо-

вать свое участие во власти на случай победы большевиков. Среди них Черепанову было бы место. Далее — не идейное понятие, а внутренняя логика, начатая авантюрой, привела его к участию в убийстве Мирбаха и в июльском восстании левых эсеров. После июльского разгрома среди уцелевших и ушедших в подполье левых эсеров начался раскол, смысл которого сводился к тому, что одни могли выйти из подполья и примкнуть к большевикам, другие уже не могли. К числу последних принадлежал и Черепанов отчасти потому, что даже если бы он был прощен, то пробраться в большевистскую партию у него не было никаких шансов. Следовательно, ему ничего другого не оставалось, как проявить максимальную непримиримость по отношению к большевикам. Он оставался во главе того крыла ушедших в подполье левых эсеров, которое за эту подпольную непримиримость получило это условное наименование левого. Никакого идейного проявления тут опять-таки не было. Не было его и в том, что черепановская группа, малочисленная и не располагавшая средствами, самими условиями тогдашней подпольщины была приведена к контакту с "анархистами-подпольщиками". М.А.Алданов указывает, что другие анархистские группы относились к этой "насмешливо-отрицательно". Они имели на это все основания. Лучшая, наиболее "идейная" часть новых друзей Черепанова была связана с Махно. Прочие были те "Петьки, Федьки, Васьки, Яшки", о которых М.А.Алданов говорит, что "трудно, очень трудно понять", кто же они все-таки были. Опять-таки, если припомним быт и дух той эпохи, то и это понять, мне кажется, не так трудно. Это были налетчики, уголовная вольница революции, постоянно примазывавшиеся к анархистам на тот случай, чтобы при поимке выдать себя за идейный, революционный, а не просто уголовный элемент. Анархисты же их терпели возле себя, потому что пользовались ими для мелких услуг и для займов: оружием и деньгами. В конце концов Черепанов очутился именно в том кругу, к которому и должен был принадлежать, если не по социальному положению, то по личным склонностям и по "революционной" деятельности — без революционной идеологии.

Не хочу и не могу отрицать, что на допросах в ЧК он вел себя с замечательным мужеством. В этом я глубоко согласен с М.А.Алдановым. Вполне допускаю, что он и умер с такою же храбростью, если действительно был казнен, а не умер от тифа. Но ни то обстоятельство, что он пал от руки чекистов (с которыми сам одно время находился в близком контакте), ни само это мужество не должны создавать вокруг него ореола, на который, к моему глубокому, искреннему сожалению, он все-таки не имеет права. Один агент уголовного розыска, лично расстреливавший налетчиков, мне рассказывал, что на допросах и во время казней налетчики и вообще уголовные, как общее правило, проявляют более внешнего мужества, нежели идейные борцы с большевиками. Этому нетрудно поверить, но в конечном счете убитые определяются тем, во имя чего они погибли, а не как погибли.

Предлагаем вниманию читателей дошедшую до нас по каналам самиздата переписку двух советских литераторов: историка литературы Натана Эйдельмана и писателя Виктора Астафьева. Что представляют собой эти письма и какова позиция их авторов, читатель поймет без труда, познакомившись и с самими письмами и с комментарием Владимира Соловьева. На наш взгляд, значение этой переписки состоит прежде всего в том, что она живописно воссоздает и сегодняшнюю обстановку в СССР, и характер борьбы, все более разгорающейся на общественно-литературном фронте страны.

ПЕРЕПИСКА ИЗ ДВУХ СОВЕТСКИХ УГЛОВ

Н.Я.ЭЙДЕЛЬМАН — В.П.АСТАФЬЕВУ

Уважаемый Виктор Петрович!

Прочитав все или почти все Ваши труды, хотел бы высказаться, но прежде — представлюсь.

Эйдельман Натан Яковлевич, историк, литератор (член СП), 1930 года рождения, еврей, москвич; отец в 1910-м исключен из гимназии за пощечину учителю-черносотенцу, затем — журналист (писал о театре), участник Первой мировой и Отечественной войн, в 1950-55-м сидел в лагере; мать — учительница; сам же автор письма окончил МГУ, работал много лет в музее, школе; специалист по русской истории XVIII-XIX веков (Павел I, Пушкин, декабристы, Герцен).

Ряд пунктов приведенной "анкеты" Вам, мягко говоря, не близок, да ведь читателя не выбирают.

Теперь же позволю себе высказать несколько суждений о писателе Астафьеве.

Ему, думаю, принадлежат лучшие за многие десятилетия

описания природы ("Царь-рыба"); в "Правде" он сказал о войне, как никто не говорит. Главное же — писатель честен, не циничен, печален, его боль за Россию — настоящая и сильная: картины гибели, распада, бездуховности — самые беспощадные.

Не скрывает Астафьев и наиболее ненавистных, тех, кого прямо или косвенно считает виноватыми...

Это интеллигенция — дармоеды, "туристы"; те, кто орут "по-басурмански", москвичи, восклицающие "Вот когда я был в Варне, в Баден-Бадене". Наконец, — инородцы.

На это скажут, что Астафьев отнюдь не ласкает также и своих, русских крестьян, городских обывателей.

Так, да не так!

Как доходит дело до "корня зла", обязательно все же появляется зловещий горожанин Гога Герцев (имя и фамилия более чем сомнительны: похоже на Герцена, а Гога после подвергся осмеянию в связи с Грузией). Страшны жизнь и душа героев "Царь-рыбы", но уж Гога куда хуже всех пьяниц и убийц вместе взятых, ибо от него вся беда.

Или по-другому: голод, распад, русская беда — а тут: "было что-то неприятное в облике и поведении Отара. Когда, где он научился барственности? Или на курсах он был один, а в Грузии другой, похожий на того в с е м надоевшего типа, которого и грузином-то не поворачивается язык назвать. Как обломанный, занозистый сучок на дереве человеческом, торчит он по всем российским базарам, вплоть до Мурманска и Норильска, с пренебрежением обдирая д о в е р ч и в ы й с е в е р н ы й народ подгнившим фруктом или мятыми, полумертвыми цветами. Жадный, безграмотный, из тех, кого в России у н и ч и ж и т е л ь н о зовут "к о п е е ч н а я д у ш а", везде он распоясан, везде с растопыренными карманами от немых рук залоснившимися, везде он швыряет деньги, но дома усчитывает жену, детей, родителей в медяках, развел он автомобилеманию, пресмыкание перед импортом, зачем-то, видать, для соблюдения моды, возит за собой жирных детей, и в гостиницах можно увидеть четырехпудового одышливого Гогию, восьми лет отроду, всунутого в джинсы,

с сонными глазами, утонувшими среди лоснящихся щек" (рассказ "Ловля пескарей в Грузии", журнал "Наш современник". 1986, №5, стр. 125) .

Слова, мною подчеркнутые, несут большую нагрузку: в с е м — надоели кавказские торгаши, "копеечные души"; то есть, иначе говоря, у всех, у нас этого нет — только у них: за счет бедных ("доверчивых") северян жиреет отвратительный Гогия (почему Гогия, а не Гоги?)

Сила ненавидящего слова так велика, что у читателей не должно возникнуть сомнений: именно эти и многие грузины (хорошо известно, что торгует меньше одного процента народа) — в них особое зло, и, пожалуй, если б не они, то доверчивый северный народ ел бы много отнюдь не подгнивших фруктов и не испытывал недостатка в прекрасных цветах.

"Но ведь тут много правды, — восклицает иной простак, — есть на свете такие Гоги, и Астафьев не против грузинского народа, что хорошо видно из всего рассказа о пескарях в Грузии".

Разумеется не против; но вдруг забыл (такому мастеру непростительно), что крупица правды, использованная для ложной цели, в ложном контексте — это уже неправда, и, может быть, худшая.

В наш век, при наших обстоятельствах только сами грузины и могут так о себе писать или еще жестче (да, кстати, и пишут — их литература, театр, искусство давно не хуже российских); подобное же лирическое отступление, написанное русским пером, та самая ложка дегтя, которую не уравновесят целые бочки русско-грузинского застольного меда.

Пушкин сказал: "Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделит со мною это чувство": стоит задуматься — кто же презирает, кто же — иностранец?

Однако продолжим. Почему-то многие толкуют о "грузинских" обидах по поводу цитированного рассказа; а ведь в нем же находится одна из самых дурных, безнравственных страниц нашей словесности: "По дикому своему обычаю, монголы в православных церквях устраивали конюшни. И этот

дивный и суровый храм (Галати) они тоже решили осквернить, загнали в него мохнатых коней, развели костры и стали жрать недожаренную, кровавую конину, обдирая лошадей здесь же, в храме, и пьяные от кровавого разгула, они посваживались раскосыми мордами в вонючее конское дерьмо, еще не зная, что созидатели на земле для вечности строят и храмы вечные" (там же, стр. 133).

Что тут скажешь?

Удивляюсь молчанию казахов, бурятов. И кстати бы вспомнить тут других монголоидов — калмыков, крымских татар — как их в 1944 году из родных домов, степей, гор "раскосыми мордами в дерьмо..."

Чего тут рассуждать? — Расистские строки. Сказать по правде, такой текст, вставленный в рассказ о благородной красоте христианского храма Галати, выглядит не меньшим кощунством, чем описанные в нем надругательства.

170 лет назад монархист, горячий патриот-государственник Николай Михайлович Карамзин, совершенно не думавший о чувствах монголов и других "инородцев", иначе описал Батыево нашествие; перечислив ужасы завоевания (растоптанные конями дети, изнасилованные девушки, свободные люди, ставшие рабами у варваров, "живые завидуют спокойствию мертвых"), — ярко обрисовав все это, историк-писатель, мы угадываем, задумался о том, что, в сущности, нет дурных народов, а есть трагические обстоятельства, — и прибавил удивительно честную фразу: "Россия испытала тогда все бедствия, претерпенные Римскою империей.., когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и различествуют между собою только в силе". Карамзин, горящий о страшном несчастье, постигшем его родину, даже тут опасается изменить своему обычному широкому взгляду на вещи, высокой объективности: ведь ужас татарского бедствия он сравнивает с набегами на Рим "северных варваров", среди которых важнейшую роль играли древние славяне, прямые предки тех, кого громит и грабит Батый.

Мало этого примера, вот еще один! Вы, Виктор Петрович,

конечно, помните строки из "Хаджи-Мурата", где описывается горская деревня, разрушенная русской армией: "Фонтан был загажен, очевидно, нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Также была загажена мечеть... Старики-хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которые испытывали все чеченцы, от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми, и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения".

Сильно писал Лев Николаевич Толстой. Ну, а если вообразить эти строки, написанные горцем, грузином, "иностранцем"?

С грустью приходится констатировать, что в наши дни меняется понятие народного писателя: в прошлом — это прежде всего выразитель высоких идей, стремлений, ведущий народ за собою; ныне это может быть и глашатай народной злобы, предрассудков, не поднимающий людей, а опускающийся вместе с ними.

На этом фоне уже пустяк, фраза из повести "Печальный детектив", что герой в пединституте изучает лермонтовские переводы с немецкого вместе с "десятками еврейчат". Любопытно было бы только понять, — к чему они в рассказе, если ни до, ни после больше не появляются? К тому, может быть, что вот-де в городе развивается страшный, печальный детектив, а десяток инородцев (отчего десяток: видно, все в пединституте сконцентрировались; как видно, конкурс для них особенно благоприятный?) — эти люди заняты своей ненужной деятельностью? Или тут обычная астафьевская злая ирония насчет литературоведения: вот-де "еврейчата" доказывают, что Лермонтов портил немецкую словесность, ну а сами-то хороши?..

Итак, интеллигенты, москвичи, туристы, толстые Гоги, Гоги Герцевы, косомордые, еврейчата, наконец, дамы и господа

из литфондовских домов: на них обрушивается ливень злобы, презрения, отрицания. Как ни на кого другого: они хуже всех...

А если всерьез, то Вам, Виктор Петрович, замечу, как читатель, как специалист по русской истории: Вы (да и не Вы один!) нарушаете, вернее, очень хотите нарушить, да не всегда удается — собственный дар мешает оспорить — главный закон российской мысли и российской словесности. Закон, завещанный величайшими мастерами, состоит в том, чтобы размышляя о плохом, ужасном, прежде всего, до всех сторонних объяснений, винить себя, брать на себя; помнить, что нельзя освободить народ внешне более, чем он свободен изнутри (любимое Львом Толстым изречение Герцена). Что касается всех личных, общественных, народных несчастий, то чем страшнее и сильнее они, тем в большей степени их первоисточники находятся внутри, а не снаружи. Только подобный нравственный подход ведет к истинному, высокому мастерству. Иной взгляд — самоубийство для художника, ибо обрекает его на злое бесплодие.

Простите за резкие слова, но Вы сами, своими сочинениями, учите подходить без прикрас.

С уважением,
Н.ЭЙДЕЛЬМАН

В.П.АСТАФЬЕВ - Н.Я.ЭЙДЕЛЬМАНУ

"Не напоивши, не накормивши, добра не сделавши — врага не наживешь".
(Русская пословица)

Натан Яковлевич!

Вы и представить себе не можете, сколько радости доставило мне Ваше письмо. Кругом говорят, отовсюду пишут о национальном возрождении русского народа, но говорить и писать одно, а возрождаться не на словах, не на бумаге, совсем другое дело.

У всякого национального возрождения, тем более у русского, должны быть противники и враги. Возрождаясь, мы можем прийти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы, писать на родном языке, а не на навязанном нам "эсперанто", "тонко" названном "литературным языком". В своих шовинистических устремлениях мы можем прийти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские, и, жутко подумать, — собрания сочинений отечественных классиков будем составлять сами, энциклопедии и всякого рода редакции, театры, кино тоже "приберем к рукам" и о, ужас! О, кошмар! Сами прокомментируем "Дневники" Достоевского.

Нынче летом умерла под Загорском тетушка моей жены, бывшая нам вместо матери, и перед смертью сказала мне, услышав о комедии, разыгранной грузинами на съезде: "Не отвечай на зло злом, оно и не прибавится"...

Последую ее совету и на Ваше черное письмо, переполненное не просто злом, а перекипевшим гноем еврейского высокоинтеллектуального высокомерия (Вашего привычного уже "трунения"), не отвечу злом, хотя мог бы, кстати, привести цитаты и в первую голову из Стасова, насчет клопа, укуса которого не смертелен, но...

Лучше я разрешу Ваше недоумение и недоумение московских евреев по поводу слова "еврейчата", откуда, мол, оно взялось, мы его и слыхом не слыхивали?!

"... этот Куликовский был из числа тех поляков, которых мой отец вывез маленькими из Польши и присвоил себе в собственность, между ними было и несколько жиденят..."

(Н.Эйдельман, "История и современность в художественном сознании поэта" — стр. 339)

На этом я кончу, пожалуй, хотя цитировать мог бы многое. Полагаю, что память у меня не хуже Вашей, а вот глаз, зрячий, один, оттого и пишу на клетчатой бумаге, по возможности кратко.

Более всего меня в Вашем письме поразило скопище зла. Это что же Вы, старый человек, в душе-то носите?! Какой груз зла и ненависти клубится в Вашем чреве? Хорошо хоть фами-

лией своей подписываетесь, не предаете своего отца. А то вон не менее, чем Вы злой, но совершенно ссученный атеист — Иосиф Аронович Кривелев и фамилию украл, и ворованной моралью — падалью питается. Жрет со стола лжи и глазки невинно закатывает, считая всех вокруг людьми бесчестными и лживыми.

Пожелаю Вам того же, чего пожелала дочь нашего последнего царя, стихи которой были вложены в "Евангелие" — "Господь! Прости нашим врагам. Господь! Прими и их в объятия". И она, и сестры ее, и братец, обезноживший окончательно в ссылке, и отец с матерью расстреляны, кстати, евреями и латышами, которых возглавлял отпетый, махровый сионист Юрковский.

Так что Вам в минуты утешения души стоит подумать и над тем, что в лагерях вы находились и за преступления Юрковского и иже с ним, маялись по велению "Высшего судии", а не по развязности одного Ежова.

Как видите, мы, русские, еще не потеряли памяти, и мы все еще народ Большой и нас все еще мало убить, но надо и повалить.

За сим кланяюсь. И просвети Вашу душу все милостивейший Бог!

14 сентября 1986г., село Овсянка.

За почерк прощения не прошу — война виновата.

Н.Я.ЭЙДЕЛЬМАН — В.П.АСТАФЬЕВУ

Виктор Петрович, желая оскорбить — удручили. В диких снах не мог вообразить в одном из "властителей дум" столь примитивного, животного шовинизма, столь элементарного невежества. Дело не в том, что расстрелом царской семьи (давно установлено, что большая часть исполнителей была екатеринбургские рабочие) руководил не "сионист Юрковский", а большевик Юровский. Сионисты преследовали, как Вам, очевидно, неизвестно, совсем иные цели — создание еврейского государства в Палестине. Дело не в том, что ничтожный Кривелев носит, представьте себе, собственную фамилию (как и множество столь несимпатичных "воинствующих безбожников" разных национальностей). Дело даже не в логике "Майн Кампф" о наследственном национальном грехе (хотя,

если мой отец сидел "за грех Юрковского", тогда Ваши личные беды, выходит, — плата за раздел Польши, унижение "иногородцев", еврейские погромы и прочее). Наконец, дело не в том, что Вы оказались неспособным прочесть мое письмо, ибо не ответили ни на одну его строку. (Филологического вопроса о происхождении слова "еврейчата" я не ставил. Да, кстати, ведь Вы заменили его в отдельном издании на "вейчата". Неужели цензуры забоялись?)

Главное: найти в моем письме много зла можно лишь в цитатах. Ваших цитатах, Виктор Петрович. Может, обозлившись на них и обрушились?..

Несколько раз елейно толкуя о христианском добре, Вы постоянно выступаете неистовым — "око за око" — ветхозаветным иудеем. Подобный тип мышления и чувствования — уже есть ответ о причинах русских и российских бед: "нельзя освободить народ внешне более, чем он свободен изнутри".

Спор наш (если это спор) разрешится очень просто: если сможете еще писать хорошо, лучше, сохранив в неприкосновенности нынешний строй мыслей, — тогда Ваша правда. Но ведь не сможете. Последуете примеру Белова, одолевшего-таки злобностью свой дар и научившегося писать вполне бездарную прозу (см. его роман "Все впереди" — "Наш современник", 1986 г., №№ 7-8).

Прощайте, говорить, к сожалению, не о чем.

Главный Ваш ответ — собственный текст, копию которого, — чтобы Вы не забыли, — возвращаю.

28 сентября 1986г.

Н.ЭЙДЕЛЬМАН

"ЦВЕТЫ ЗЛА" НА ПОЧВЕ ГЛАСНОСТИ

Публикуемые в этом номере "открытые" письма историка Натана Эйдельмана и писателя Виктора Астафьева — бестселлер нынешнего советского самиздата, который с приходом к власти Горбачева оживился и изменился не меньше, чем официальные рупоры — газеты и журналы. Оба автора — отнюдь не диссиденты, а совсем напротив, признанные литераторы. У каждого множество поклонников, оба принадлежат к верхушке литературного истеблишмента. Что же заставило их, отложив текущую работу (у одного — изучение жизни русской интеллигенции прошлого века и деревенской жизни этого столетия — у другого) скрестить шпаги в испытанном жанре эпистолярной полемики?

Для того, чтобы это лучше понять, необходимо восстановить тот общественно-политический контекст, в котором эти письма появились и без помощи гуттенбергова изобретения широко распространяются в кругах советской интеллигенции, в обеих ее лагерях, среди западников и славянофилов.

Было бы опасным упрощением оценивать объявленную Горбачевым гласность как процесс, обязательно и неуклонно ведущий к демократии. Преувеличивая одни явления гласности и недооценивая, а то и просто не замечая другие, мы невольно искажаем нынешнюю ситуацию в СССР, которая вовсе не так однозначна, как может показаться на поверхностный либо излишне благожелательный взгляд. Ведь важна не сама гласность, а кто, как и во имя чего ею пользуется, какие общественные тенденции благодаря ей выявляются, какие идеологические ростки всходят на ее благодатной почве.

Скажем сразу же, что несмотря на чуть ли не ежедневные московские сюрпризы, буйного роста демократических всходов там пока не наблюдается. Критика в прессе нескольких провинциальных партийных боссов, сообщения о землетрясениях и катастрофах, публикация произведений тридцатилетней ("Доктор Живаго"), пятидесятилетней ("Защита Лузина") и семидесятилетней (стихи Гумилева) давности либо советских романов, написанных два десятилетия назад (Рыбакова, Дудинцева) и даже приглашение нескольким "блудным" знаменитостям выступить перед советскими зрителями — все это еще недостаточная причина для охватившей западную прессу и (задевшую русскую эмиграцию) эйфории. В СССР невозможны — и не похоже, что станут возможны в ближайшее время — ни свободное обсуждение принимаемых Кремлем решений, ни критика его новых хозяев, ни открытый, как во время хрущевской оттепели, разговор о преступлениях Сталина, ни даже студенческие демонстрации, наподобие тех, что прошли недавно в Китае. Впрочем, легче перечислить то немногое, что позволено, чем то многое, что запрещено. Причины таких скромных успехов на демократическом поприще не только в отсутствии подлинной, стихийной, не регулируемой сверху гласности, но прежде всего в отсутствии демократических традиций и четкой программы у советских демократов. Число их всегда было невелико, но еще больше поредело, когда ненадолго открылась эмиграционная щель, и страну покинули такие ее крупные политические и культурные деятели, как Солженицын, Синявский, Войнович, Бродский, генерал Григоренко, Амальрик, Орлов, Андрей Тарковский, Нуриев, Ростропович, многие другие. Именно об этой трагической утечке умов и талантов исполняет песенку популярная ленинградская рок-группа "Аквариум": "Здесь темно, словно в шахте, но ушли все, кто мог что-то рыть..." А разве не парадоксально, что с одним из самых своих откровенных призывов к реформам Михаил Горбачев вынужден был обратиться к группе писате-

лей-ретроградов, и это выступление, опубликованное в мировой печати, так и не было напечатано ни одной советской газетой!

Гласностью, куда более активно, чем поредевшие и запуганные либералы (и чем даже сам Горбачев), пользуются советские правофланговые, а именно русские националисты разных мастей — от национал-большевиков до национал-либералов, которые полагают себя спасителями отечества и сами себя гордо именуют Русской партией. В их лагере — несравненно более многочисленном, чем либеральный, — помимо Виктора Астафьева, такие признанные авторитеты, как Валентин Распутин, Василий Белов, поэты Юрий Кузнецов и Станислав Куняев, литературоведы Вадим Кожинов и Петр Палиевский, художник Илья Глазунов, академик Федор Углов, профессор Евгений Пашкин. У них свои печатные органы — издательства, газеты, журналы, в том числе такие солидные и влиятельные, как "Наш современник", "Молодая гвардия", "Современник", "Литературная Россия". Их связи с Кремлем упрочились благодаря тому, что именно они были инициаторами борьбы с алкоголизмом и противниками брежневского проекта поворота русла северных рек на юг, и это несомненно нужно поставить им в заслугу. Горбачевское Политбюро приняло оба их предложения, и человек № 2 в этом высшем имперском органе Егор Лигачев стал их покровителем. Другой их покровитель считается еще более влиятельным, хотя он занимает сравнительно скромную должность — один из одиннадцати членов президиума недавно созданного Культурного Фонда. Этот человек участвует в заседаниях Русской партии, дружит с ее членами, способствовал устройству очередной выставки Ильи Глазунова в Манеже и публикациям последних романов Белова, Распутина и Астафьева. Имя этого покровителя — Раиса Максимовна Горбачева.

Справедливости ради следует отметить, что, идя на это сближение, первая леди Советского Союза несколько раз приватно и публично подчеркивала, что действует не от имени своего мужа, а независимо от него, по личной инициативе.

И в самом деле поступки и заявления ее подопечных далеко не всегда совпадают с действиями Горбачева. К примеру, когда летом прошлого года Генеральный секретарь принимал в Кремле Арманда Хаммера, покровительствуемый мадам Горбачевой "Наш современник" разразился грубой филиппикой против этого друга Советской России еще с ленинских времен.

В то время как официальные советские лица вели переговоры с "Кока-Колой", русофилы начали кампанию против распространения в стране кока-колы, пепси-колы, фанты и других буржуазных напитков, а заодно против дискотек, видео, компьютеров, джинсов, видя в них прямую угрозу самому существованию русской нации.

Один из глашатаев Русской партии Виктор Астафьев в своем "Печальном детективе" обвиняет "американский империализм" в забра-

сывании колорадского жука на русские картофельные поля, — явный рецидив сталинских времен. Другой, Василий Белов, утверждает, что президенты Кеннеди, Джонсон и Никсон запретили западным русскоязычным радиостанциями говорить о русском пьянстве: "Зачем, дескать, мешать? Пусть пьют, скорей развалятся. Выродятся, не надо никакой водородной войны". А раз так, то "уж лучше погибнуть в атомной схватке, чем жить по указке дьявола".

Эсхатологические настроения переходят в мизантропию, а та в свою очередь окрашивается детективно: кто же виноват в такой незавидной судьбе русского народа? Естественно, "существует какая-то могучая, целеустремленная, злая и тайная сила", которая является причиной и русского алкоголизма, и рождения из-за него большого числа дебилов, и военно-технического отставания от Запада, и ирано-иракской войны, и эпидемий гриппа, и распространения Эйдс. В последнем прямо обвинялся Пентагон (чтобы ослабить советскую армию), но в целом ответственным за мировое зло у русофилов принято считать жидовско-масонский заговор и американский империализм.

Не случайно публикации русских шовинистов густо приправлены антиамериканскими и антисемитскими высказываниями. Упоминаемые в публикуемых письмах Эйдельмана и Астафьева "еврейчата" относятся к числу сравнительно невинных лингвистических выпадов — с помощью суффикса низвести этнически обозначенного противника до чего-то очень незначительного, но тем не менее вредного: ключом к астафьевскому словотворчеству может служить его собственная ссылка на высказывание Стасова "насчет клопа, укуса которого не смертелен, но..." Естественно, в письме к Эйдельману Астафьев более откровенен, чем в своей печатной продукции. Вообще, несмотря на гласность, в России сейчас больше говорится, чем печатается. К примеру, задержки с реставрацией православного храма в Новом Иерусалиме под Москвой приписываются — проискал сионистов, которые считают, что "только один Иерусалим должен быть на земле". Впрочем, это тоже напечатано, но опять-таки в самиздате.

Чем объясняется эта "сдержанность"? Все еще функционирующей цензурой? Или тем, что "смех страшит и держит стыд в узде"? Ни то, ни другое, — просто русофилы еще не полностью освоились с условиями гласности. Кажется, один только Василий Белов, когда-то, несомненно, самый талантливый из них (в "Привычном деле" и "Плотничьих рассказах") успел опубликовать а "Нашем современнике" злобный антисемитский и антизападный пасквиль-роман "Все впереди". Кое-что из него мы уже процитировали, но будь место, можно было бы цитировать бесконечно. В Москве говорят, что это плод белой горячки, и выведенный в романе нарколог Иванов — алкоголик, лечащий алкоголиков, образ по преимуществу автобиографический. Чего только нет в этом романе, это настоящий клад для бывшего либерального критика новомировской закваски: от "отвратительной, совершенно циничной позы" женщины на картине Тулуз-Лотрека и "издеватель-

ской скульптуры Родена, где "женщина изображена была в позе лягушки", до диатриб против освоения космоса, технического прогресса, иудаизма, юмора, чебуреков (им противопоставлены пельмени) и даже христианства. "Христианство в его российском варианте равносильно самоубийству" — в том смысле, что сейчас нам не до всепрощения, и, вообще, покой нам только снится. Через весь роман проходит метафора "белая лошадь" — не очень внятный поэтический образ и чаще знаменитая марка виски. А так как "White Horse" оказывается чуть ли не в каждом московском холодильнике (каким образом?), то по Василию Белову, выходит, что "белая лошадь" — это троянский конь. А уж кто в нем прячется, кем и для чего он в Россию заслан, объяснять не нужно. Академик Федор Углов, которому приписывают авторство антиалкогольного памфлета (псевдоним "Жданов"), прямо говорит о евреях, которые спаивают русских, а сами не пьют.

Читатель, должно быть, уже заметил, что в своем постскриптуме автор избегает прямо комментировать эпистолы, но, как сказано, пытается восстановить контекст, в котором они возникли. Из заголовка, который дан этой публикации, можно судить об авторском отношении к этим письмам. В название книжки Вячеслава Иванова и М.О. Гершензона "Переписка из двух углов" пришлось вставить слово "советских". Полемический жанр, эпистолярное мастерство и историческое знание за прошедшие 65 лет порядком оскудели — увы, во всех идеологических лагерях без исключения. Для империи времен упадка естествен декаданс художественных форм. Что требовать с "простодушного" Астафьева, если его оппонент, модный советский историк, начинает свой спор с реверансов и незаслуженных Астафьевым комплиментов ("лучшие описания природы", "сказал о войне, как никто не говорит"), а под конец впадает в историческую ересь о славянах и древнем Риме: скорее можно поверить, что гуси спасли Рим, но никак не тому, что славяне его разрушили. Ибо на самом деле упоминаемые Плинием Старшим и Тацитом венецы (славяне) никакой "судьбоносной", как любят выражаться славянофилы, роли в истории Рима не сыграли, в отличие от германцев, парфян, галлов, вестготов и пр. Письмо Эйдельмана — еще одно подтверждение слабости либерального лагеря в нынешней России.

Нас, однако, больше, чем литературная деградация обоих лагерей, интересует идеологический ренессанс в правом лагере. Приведенных примеров достаточно, чтобы судить о том, какие "цветы зла" буйно расцветают на почве горбачевской гласности. А что если это только цветочки, у которых есть в Кремле заботливые садовники, и нам следует ожидать вскоре ягодок? В любом случае в рядах правых в СССР сейчас оживление: они торопятся заполнить образовавшийся идеологический вакуум своими "спасительными" для России идеями взамен обветшалых коммунистических. Право же, безопаснее наблюдать за всем этим издали.

Некоторое время назад в журнале "22" была опубликована пространная статья Сергея Хмельницкого "Из чрева китова". Статье было предпослано предисловие члена редколлегии журнала Александра Воронеля "Право быть услышанным". Как становится ясно из этого тридцатистраничного сочинения, Хмельницкий в течение многих лет был секретным сотрудником органов, и, в частности, по его доносу посадили двух его товарищей — Брегея и Кабо. Однако целью сочинения, как понимает дальше читатель, явилось не раскаяние Хмельницкого перед публикой, а стремление "посчитаться" с Андреем Синявским, изображившим сексота в романе "Спокойной ночи", в главе "Из чрева китова".

В 91-м номере журнала "Время и мы" под заголовком "Извините за донос" была напечатана целая подборка материалов — и в первую очередь — показания свидетелей, еще раз с фактами в руках прояснивших, какова была истинная роль Хмельницкого в этой истории, что явилось целью его сочинения, и какую роль сыграл журнал "22" и член редколлегии Воронель, опубликовав "откровение" доносчика.

В этом журнале мы публикуем еще два отклика на сочинение Хмельницкого, пришедшие в редакцию по каналам самиздата. Их авторы, лично знавшие Хмельницкого, пишут не столько о нем и его сочинении, сколько о нравственной позиции журнала "22" и Александра Воронеля.

ЭКСТУМАЦИЯ ПРЕДАТЕЛЯ

Последние 14 месяцев своего заключения я провел во владимирской тюрьме. Это было не самое худшее время моего заключения. Конечно, было скучновато и голодно, — зато спокойно. А кроме того, там я смог, наконец, вернуться к своей работе: я вновь стал переводить стихи. Особое удовольствие доставляло расстояние, которое было между убожеством моей камеры и изысканным великолепием переводимых мною стихов Теофиля Готье. Тогда я не думал, что эти переводы когда-нибудь опубликуют; все, однако, завершилось к всеобщему удовольствию: возник "переводчик" Ю.Петров, "который и просуществовал до последнего времени, когда моя фамилия вновь появилась в оглавлении антологии французской поэзии. Работа над переводами (над этим и другим) вернула тогда мне душевное равновесие. И я стал даже писать собственные заметки — о себе, о знакомых, о времени. Одним из первых моих "произведений" (не знаю, как определить их жанр), были записки о Сергее Григорьевиче Хмельницком. Сегодня, когда его имя вновь всплыло на поверхность, я перечел их:

"У него есть только одна возможность реабилитировать себя — пойти на Голгофу. Но он никогда на это не решится: у него нет ни мужества, ни легкомыслия. Единственным стимулом могло бы стать все то же тщеславие... Но как мне хотелось бы, чтобы это произошло!" — Не произошло.

Я ставил тогда моему герою всякое лыко в строку — может быть, потому, что еще не остыл от той обиды, которую вызвало во мне духовное уродство, ничем не объяснимая тяга ко злу. Сейчас я смело и уверенно говорю именно так — тяга ко злу...

Сейчас я постараюсь избежать всего, чего не знаю точно, того, что слышал от десятков людей. Да и свои собственные мысли я оставлю при себе, а буду писать только о фактах.

В благословенные годы реабилитации вернулись из заключения два человека, которые довольно широко оповестили московскую интеллигенцию о том, что посажены они были по доносу С.Г.Хмельницкого. Слух об этом ширился, распространялся, и завершилось все это скандалом. Когда Хмельницкий защищал диссертацию, один из слушателей встал и сообщил комиссии и всем присутствующим о том, что в таком-то году, при таких-то обстоятельствах он и его товарищ были арестованы по доносу Сергея Хмельницкого, получили срок и отправлены в лагеря. Они уцелели, донос Хмельницкого не убил их — всего только отнял несколько лет жизни. Вот и все, что они имеют сообщить об уважаемом диссертанте.

Я на защите не был. Все узнал из рассказов моих друзей, свидетелей происшедшего.

А дальше события развивались так. Я шел со своей знакомой по Харитоньевскому переулку, прощался с нею, наклонился поцеловать руку и, выпрямившись, — увидел Сергея Хмельницкого. Он шел пристально глядя на меня, и я — чисто рефлекторно — резко отвернулся. Я сразу пожалел об этом и, вернувшись домой, позвонил Хмельницкому, сказал, что поступил неправильно и что нам надо объясниться. "Приходи", — сказал он. Я ответил, что в прояснении ситуации заинтересован не я один, а другие — общие друзья и знакомые. Мы сговорились встретиться у него на другой день.

Очевидно, Хмельницкий очень устал: он не потрудился придумать какую-нибудь правдоподобную версию своего падения. Он просто сказал нам, что передавал суждения и взгляды своих приятелей (Брегеля и Кабо) какому-то человеку, о котором, собственно, ничего не знает толком, кроме того, что он, этот человек, очень любопытен, и что он, Хмельницкий, никак не предполагал, что его откровенность может быть обращена во зло.

Помнится, я сказал, что не верю в эту его инфантильность и что объяснения его меня никак не удовлетворяют. И ушел. Разошлись и другие.

Теперь я должен признаться, что все это с моей стороны было игрой. Я уже давно знал о потаенной, скрытой деятельности Сергея — все, что впоследствии рассказал Андрей Синявский в книге "Спокойной ночи". Знал от него, от Синявского. Очень любопытно, что сообщение Синявского не вызвало у меня ни сомнения, ни удивления. Как будто я всегда знал это, но по какому-то странному зарок не разрешал себе сказать об этом вслух, как будто сознательно закрывал на это глаза.

Хочу сразу оговориться: кроме истории с Брегелем и Кабо, посаженными его знакомцами, я ничего достоверно не знаю. Вслед за скандалом и нашим разрывом возникло множество "достоверных" сообщений о его подпольной, доносительской деятельности. Я верю почти всем этим рассказам, но категорически утверждать ничего не берусь: я не знаю фактов, и сам Хмельницкий, естественно, обо всем остальном не говорил и не писал. Я возвращаюсь к этой давней истории лишь потому, что сам Хмельницкий счел нужным вернуться к тем временам.

Что же произошло? Почему четверть века спустя Хмельницкий вспомнил те давние события? В книге Синявского он не назван полностью — мало ли Сергеев на Руси! Вместо того, чтобы тихо-скромно промолчать, он во все горло кричит: "Это я! Это я предал своих товарищей! Это по моей вине они были в тюрьмах и лагерях!" Так? Так-то так, да не совсем. Этому покаюнию (если эту деловитую справку можно назвать

покаянием, уделено полторы страницы, а вот подробному рассказу о том, как плох, как всегда был плох Андрей Синявский, — этому, собственно, и посвящен весь меморий Хмельницкого.

Я не буду подробно анализировать его заметки. Причины их появления достаточно ясны. Я могу только сказать, что фигура, выбранная для попытки расправы с Синявским, выбрана неудачно. Что ни говори, а никаких неблагоприятных поступков за Синявским не числится: он никого никогда не предал, никого не подверг заключению, никого не скомпрометировал в глазах общества.

Это не требует доказательств — это известно всем, кто интересуется литературой.

Может быть, в ней, в литературе, все дело? Точнее, в литературоведении? Синявский ведь не только "Абрам Терц" писатель, а еще и "Андрей Синявский" — литературовед, критик. Может быть, он кого-нибудь обидел, обругал? Или, не дай Бог, еще хуже — не заметил, игнорировал чье-нибудь творчество? Может быть... Времена меняются — меняется и поведение людей.

Сто с лишним лет назад появился в литературе один из самых выразительных героев Чарльза Диккенса — Урия Гипп. В конце книги на страницах романа снова возникает эта рептилия, мимоходом смиренно кается в своих грехах; но главное его занятие — обличать окружающих, доказывая, насколько их души чернее, порочнее, нераскаянней, чем его, Урии Гиппа, душа. И умиленные тюремщики и филантропы с гордостью демонстрируют его как образец духовного перерождения.

Нет, Хмельницкий — не Урия: он гораздо агрессивнее, он вышел на оперативный простор, получил доступ в прессу, он уже может хлопнуть по плечу компатриотов. И умиленное окружение демонстрирует его как героя, согласившегося поговорить о своих обидчиках...

Мне трудно себе представить такой, как говорят моряки, "поворот все вдруг", который произошел с моим другом, предпославшим предисловие к откровениям Хмельницкого. Я говорю об Александре Воронеле. Мне нет нужды распро-

страняться о нем. Еще в ту пору, когда мы общались и дружили, его имя было хорошо известно в научных кругах СССР и зарубежья. Но не в том дело, не в его блестящем пути ученого. Я знал его как человека жесткого, не желающего прощать изворотливость и подлость. Откуда же вдруг такая всеядность, такое прекраснодушие, такое спокойствие по отношению к предателю? Не о Хмельницком сейчас речь — это давно отыгранная карта. Но почему Саше Воронеле понадобилась эта эксгумация? Ему, завидев которого, предатель сворачивал в первый попавшийся переулок, чтобы не нарваться на расправу?

Как тяжело, как больно терять друзей. Особенно таких, которыми всегда гордился, даже хвастался. Я устал от потерь. И устал от невозможности верить, от зыбкости, от ненадежности человеческих отношений. Не так уж много осталось — какие еще сюрпризы преподнесет судьба? И неужели мы можем оставаться людьми лишь тогда, когда нас держат за глотку?

Зачем Воронеле понадобилось влезть в это дерьмо? Или он полагает, что грязные кульбиты осведомителя изменят суть от его, Воронеля, участия?

Не получается у меня спокойный иронический тон. А ведь какие у меня были благие намерения! Я хотел сказать Синявскому: "Плюнь, Андрей! Ты написал хорошую книгу — и слава Богу!" Я хотел сказать Воронеле: "Брось, Сашка, не твои это игры!" Я хотел сказать Хмельницкому... Впрочем, Хмельницкому говорить нечего.

*Юлий ДАНИЭЛЬ
Москва*

ДУШЕВНЫЕ МУКИ СЕКСОТА

Открытое письмо Александру Воронелю

"Сочинения шпиона Видока... нельзя не признать крайним оскорблением общественного приличия."
А.С.Пушкин

Саша, тебя можно поздравить: двадцать лет спустя ты все же дождался отзыва "из чрева китова". В мае 1954 мы все так хотели услышать "другую сторону", что даже, как это принято у нас, право быть услышанным обратили в обязанность. Но Сергею тогда все эти права были ни к чему. Аудитория, что ли, была непредставительная? Или знал, что Москва слезам не верит? — Не то, что Париж, Тель-Авив или, тем более, Западный Берлин. Теперь есть перед кем раскрыть душу. А в мае 64-го Хмельницкий не хотел и оправдываться. Ему тогда одного хотелось: отделаться от нас наспех сляпанной, халтурной байкой, чтобы мы поскорее стали экс-друзьями и потеряли свое право услышать.

Были у Хмельницкого и другие возможности рассказать о времени и о себе.

Еще году в 56-м-57-м Юлий Даниэль спросил его, почему по Москве ходит слух, что Сергей — стукач. И Сергей сказал, что его бывших друзей Брегеля и Кабо обманули на следствии, он стал жертвой их трагического заблуждения. Был и у меня с ним разговор на эту тему. Сергей впал в мелодекламацию: вот когда откроются архивы КГБ, все узнают, что он чист, а Брегель и Кабо его оклеветали. Ах, Сергей был талантливым поэтом, но не актером — роль жертвы у него плохо получалась.

Хмельницкому не раз представлялась возможность быть услышанным. Но вот беда — он претендует на право вкручивать нам при этом, как он выражается, фуфло.

Сколько имеем версий? Четыре:

1. Кабо и Брегель — клеветники; Сережа — их жертва.
2. Кабо и Брегель — простаки, обманутые коварным следо-

вателем; Сережа — жертва этого обмана. Кстати, Саша, повесть Н.Аржака "Искупление" посвящена не Хмельницкому, как полагаешь ты, и не его предательству, о котором автор был достаточно осведомлен, а вот этой версии, сюжета, сочиненному Хмельницким (как и сюжет "Говорит Москва"). Заметим, однако, что герой Аржака не застрелен на фазе без вины виноватого, а достроив конструкцию до верха искупления, машет оттуда Сереже: "Делай, как я!" Но не на такого напал.

3. Версия 1964. Доверчивый простак Сережа был обманут коварным КГБ-МВД. Он стал невольной причиной ареста Брегеля и Кабо, которые здесь простые статисты.

4. Двадцать лет спустя нам предлагается новый вариант, скроенный по последней моде. Да, Сергей "купил свободу и, может быть, ценой свободы двух своих товарищей", — ах, Сергей Григорьевич, что же вы забыли добавить хотя бы для равновесия — "и, может быть, ценой жизни". Брегель и Кабо теперь получают новые роли: их благополучие должно отменить душевные терзания главного героя. "... приговорены к 10-ти годам каждый. На свободу они вышли только через 5 лет" — убей меня, "только" здесь читается как "всего лишь"! Вышли, а в это время "... расплата начала настигать меня быстро и неминуемо". "Вернулись к жизни Брегель и Кабо. Во круг меня затягивалось кольцо блокады". В последний раз два друга появляются для того, чтобы грубо и невеликодушно заявить, "что все мои нынешние и будущие неприятности не идут в сравнение с бедой их пятилетнего заключения". Вот они какие, эти мнимые жертвы. "Топоры". Напрасно Сергей Григорьевич добавляет к своему рассказу украшения вроде "сам себя никогда не прощу", "заслуженная расплата", "справедливое возмездие", "совершенно верно" и т.п. В этих местах отчетливее всего слышно, как он скрипит зубами. Как он их ненавидит, Брегеля и Кабо! Зачем воскресли?!

Впрочем, ты прав, Саша: "фактическая сторона дела... не представляет глубокого интереса. "Хмельницкий не добавил к известной нам истории буквально ничего нового. Мы не знаем (и никогда не узнаем — к счастью или несчастью для Хмельницкого — архивы ведомства, где он служил, вряд ли будут

открыты), что он писал в своих "отчетах" о дочери французского атташе. Мы, вероятно, не узнаем, были ли Брегель и Кабо единственными его жертвами — московская молва приписывает ему и другие подобные подвиги, да нет здесь тебя с твоей дотошностью и некому разобраться в этом. Более актуально было бы понять, какая бабка ему ворожила, перенеся тепленьким из среднеазиатской дыры преподавать западно-берлинским студентам. Ведь ему не пришлось предварительно помаяться годы в мордовских лагерных бараках, ни даже в отстойниках отказа. Нынче здесь — завтра там!

Ты рекомендуешь сочинение Хмельницкого как "потрясающее свидетельство о человеческих взаимоотношениях". Еще бы! — душевные муки сексота, отчаянье предателя, свидетельство доносчика — да ведь это для журнала самородок!

Хорошо, если он не фальшивый.

Хмельницкий подробно, в деталях, дрожащим от обиды голосом рассказывает, как он был "хладнокровно и бессовестно" обманут другом, опорой в злосчастной судьбе, наперсником — А.Д.Синявским. Синявский оказался не другом-блондином, а сволочью: "неоткровенен со мной (с С.Г.Х), прячет от меня какие-то очень важные стороны своей жизни". — Тот то хорош был бы Синявский, если бы не прятал!

Вот если бы Сергей Григорьевич рассказал, как он "ел и пил" за столом Брегеля (и за столом Кабо), "обсуждая новости литературы... и искусства", — а дома катал на них донос: ронял ли он при этом скупую слезу? Как он вместе с Брегелем топил в сортире "улики" — страницы дневников, а сам в уме вел подсчет исписанным листкам: виделся ли ему в это время серый зэковский налет на румяных щеках двадцатитрехлетнего друга? Какие чувства испытывал, принимая изысканный подарок от своей клиентки Элен Пельтье — неужели не подмигнул сам себе? За какие части тела хватал себя, чтобы не проболтаться лучшему другу Ю.Даниэлю, даже во сне в его доме никогда не произнести имен Брегеля и Кабо? Как снова и снова "был врагом, надевшим личину, самым гадким видом врага".

Вот было бы потрясающее свидетельство!

А так — что? "Видок... с удивительной важностью толкует о хорошем обществе, как будто вход в оное может быть ему дозволен;... при сем случае пишет на своих врагов доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений". (А.С.Пушкин. "О записках Видока". Собр. соч., М., 1976, т.6., стр. 58).

Остается обсудить еще один вопрос: что заставило С.Г.Хмельницкого завопить из чрева китова: "Стукач, сексот С. в романе Терца "Спокойной ночи" — это я! Речь идет именно обо мне!"

Кто узнал бы в московском мальчике с неважными задатками, в юноше С, заложившем друзей, — солидного преуспевающего искусствоведа из Западного Берлина? Экс-друзья? И так знают, и побольше того, что поведал Терц. У каждого из нас довольно своих разнообразных воспоминаний.

Ты, Саша, считаешь, что Хмельницкого томила невысказанность, неутоленное стремление быть услышанным. Но сам Хмельницкий объясняет это дело иначе: "... А.Д. нарушил неписанный закон... закон молчания о вещах, которые нас обоих не совсем красили". Осмелился, загородившись славой, рассекретить тайны мадридского двора! Ну, так стоит (или приказано?), едва прикрыв дымовой завесой ритуальных поканий собственную репутацию, учинить явку с повинной в такой форме: "Да, я был стукачом. Зато ваш недавний кумир, один из двух героев "процесса, всколыхнувшего совесть мира", А.Д.Синявский — тоже, мы оба, вместе, и даже он главное!"

А там пусть разбираются, у него ли украли, он ли украл, что-то такое было. Кто их, этих Ивановых поймет.

А теперь, Саша, поговорим о странностях любви. Я не к тому, что ты "сегодня с этим, а завтра с третьим", — каждый из нас не скворец, чтобы твердить одну и ту же песню. Новые песни придумала жизнь — какую же ты поешь?

Ты рекомендуешь к размышлению историю взаимоотношений Синявского и Хмельницкого — Каина и Авеля наших дней. Не склонен ли ты считать простодушного и доверчивого в

дружбе (как он себя изображает) Сергея пострадавшим лицом — Авелем? Позволь напомнить, что предателей традиционно называют другим именем — Иуда.

Ты веришь, что Хмельницкий "свое наказание претерпел"; может, это и так, не мне да и не тебе судить, сверху виднее. Да только вышел он из своего чистилища неочищенным и необновленным, о чем он сам свидетельствует "из чрева китова".

Ты хотел, чтобы твой читатель в полутонах, а равномерном размазывании черного по белому вообще утратил понятие об этой цветовой оппозиции. Но вспомним Галича:

Все не напрасно в этом мире,
Хотя и хрен ему цена,
Все не напрасно в этом мире,
Покуда существует гиря
И виден уровень говна.

Похоже, что в вашем высококвалифицированном мире отказались от простецкого говномера, а нового прибора того же назначения не придумали. Так и живете пока.

*Лариса БОГОРАЗ
Москва*

Владимир СОЛОВЬЕВ, Елена КЛЕПИКОВА

БОРЬБА В КРЕМЛЕ —

ОТ АНДРОПОВА ДО ГОРБАЧЕВА

Вслед за американским изданием (издательство "Додд, Мид"), весной 1986 года "Время и мы" выпустило книгу Владимира Соловьева и Елены Клепиковой "Борьба в Кремле — от Андропова до Горбачева".

Для русского издания авторы предоставили дополнительные материалы, не вошедшие в английское издание книги.

Авторы — журналисты и политологи, постоянно выступают во многих американских газетах ("Нью-Йорк Таймс", "Вашингтон Пост", "Дейли Ньюс", "Чикаго Трибюн" и др.). Их перу принадлежит вышедшая в издательстве "Макмиллан" и широко на шумевшая книга "Андропов".

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЕЛЫ ПОНИМАНИЯ: ЧТО МИР ЗНАЕТ О КРЕМЛЕ И ЧТО
КРЕМЛЬ — О МИРЕ

О ТОМ КАК СТРАНА УПРАВЛЯЛАСЬ СО СМЕРТНОГО ОДРА
ДУЭЛЬ У ГРОБА АНДРОПОВА, ИЛИ О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО
В КРЕМЛЕ ЗА ЧЕТЫРЕ ДНЯ МЕЖДУ ЕГО СМЕРТЬЮ И ЕГО
ПОХОРОНАМИ

ИНТЕРМЕЦЦО С КОНСТАНТИНОМ ЧЕРНЕНКО
ТАЙНОПРАВИТЕЛЬСТВО ИМПЕРИИ — КГБ
ГАМЛЕТОВЫ СОМНЕНИЯ КРЕМЛЯ: КАК БЫТЬ С ПОЛЬШЕЙ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЕМЛЕВСКИХ МАФИЙ, ИЛИ ПОЧЕМУ
В КРЕМЛЕ НЕТ ЕВРЕЕВ, ЖЕНЩИН, МОСКВИЧЕЙ И ВОЕННЫХ?
КОРОЛЬ УМЕР — ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!

ЗНАКОМЬТЕСЬ: МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕБЮТ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТАВРОПОЛЬСКИЕ ПЕНАТЫ

БАЛОВЕНЬ ПОЛИТБЮРО
ТЕНЬ СТАЛИНА НАД КРЕМЛЕМ
КРЕМЛЬ, ИМПЕРИЯ И НАРОД, ИЛИ ПАРАДОКС НАРОДОВЛАСТИЯ

Цена книги — 16 долларов.

Заказы и чеки высылайте по адресу:

Time and We
409 Highwood Avenue
Leonia, NJ 07605, USA

Ежемесячный журнал

РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Пока люди, занимающиеся социальными науками, не станут изучать еврейства, до тех пор они не сварят ничего, кроме кошачьей похлебки.

Дрюмон

Журнал "РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ" возвращает к жизни ценные исторические материалы, уничтоженные врагами России, с помощью которых восстанавливается связь с прошлым. На этой основе журнал пытается выработать ЕДИНОЕ национальное мировоззрение, без которого все наши разрозненные усилия освободиться от власти тьмы будут обречены на неудачу.

Результат наших скромных начинаний был уже отмечен злобными нападениями в кошерной печати (см. статьи в "Новом Русском Слове" Я.Костина "Красное и коричневое", 24,25,26,27,30 и 31 октября 1984 г. и "Возвращение большого брата" 23 дек. 1984 г.)

Без вождя простой народ всегда неорганизован и слеп. Подобно тому, как иудеев на штурм "гоевских" народов повели пророки Моисей и Ахад-Гаам, против них, в конце-концов, восстали, хотя и неудачно, Союз Русского Народа и А.Гитлер.

Тем не менее, — жизнь продолжается и — борьба не закончена. У нас, русских, ныне духовным вождем является В.Н.Емельянов — расплачивающийся принудительным психиатрическим лечением за свой конкретный вклад в дело борьбы с масонством и сионизмом в мировом масштабе.

Первый шаг — национального просвещения — уже сделан. Теперь мы призываем: русские люди — объединяйтесь!

Конечно, и до Тетенева нам довелось повидать немало анти-семитов. Дело это привычное, и тема у всех набила оскомину. Но как увидит читатель ниже, человек этот за несколько лет проделал путь от русского диссидента до закоренелого юдофоба, хулителя страны, давшей ему приют, и поборника русского самодержавия. И это не только частное явление. В последние годы подобную метаморфозу переживают многие люди и в России, и в эмиграции. Что же они собой представляют? Каковы истоки их идеологии? Наконец, их психологический и нравственный облик? Так родилась идея интервью с редактором "Русского самосознания" Н.И.Тетеневым, которое было взято нашим корреспондентом Ефимом Маневичем, Текст интервью приводится ниже.

БЕСЕДА С "МАЛЕНЬКИМ БУХГАЛТЕРОМ", ИЛИ ОТКРОВЕНИЯ АРИЙСКОГО ДУХА.

В октябре-декабре 1984 г. "Новое русское слово" выступило с серией статей, посвященных антисемитскому журналу "Русское самосознание" и ее издателю Николаю Ивановичу Тетеневу.

Характер этого издания таков, что нашему журналу не представляло особого интереса снова возвращаться к личности Тетенева. Но вышло так, что он сам обратился в редакцию с письмом и листовкой, которые для наглядности мы решили опубликовать.

Други, шолом!

Как хорошо, что Вы постоянно поддерживаете сказки вроде недавней книги М.Агурского "Русский национал-большевизм", а теперь вот порадовали новостью, что "в Кремле нет евреев". А куда делись шабесгой???

Словом, так держать!

*Ваш сердечный почитатель
Н.Тетнев (подпись)*

5. 01. 1987 г.

— Можете ли вы в двух словах определить, в чем состоит ваше мировоззрение?

— В возврате к народу, к почве. Вот если вы еще следите за современной периодикой, — правда, он печатается редко, — есть такой Игорь Ростиславович Шафаревич. Он тоже не стесняется выражать свои взгляды, которые переплетаются со взглядами Константина Леонтьева, — всех их было немного, почвенников.

— Кто же, по вашему мнению, может считаться русским человеком? Если рассмотреть родословную династии Романовых, так там, наверно, немецкой и шведской крови больше, чем русской. Да и Колчак, и Врангель, и Каппель — все они были нерусскими...

— Помесями.

— Так кого же вы считаете истинно русским человеком?

— Тех людей, кто любит народ. Тот народ, которым мы часто брезгуем, — простонародье.

— Ну, я вам скажу: вот я, к примеру, еврей, и я люблю русский народ...

— Как ваша фамилия?

— Маневич.

— Прекрасно! Но этим еще не заканчивается мое понятие, поскольку в нашей истории доминирующую культурную роль сыграла православная церковь.

— Если, к примеру, евреи крестились и живут русской жизнью, считаете ли вы их русскими?

— По моим понятиям, они — русские, поскольку мы можем приложить формулу, сказанную Христом: "По делам их узнаете их".

— Вы упомянули религию. Но ведь известно, что Иисус Христос и все двенадцать апостолов, и тот, кого они почитали, — пророк Моисей были евреями.

— Тут вопрос не совсем простой, потому что в православной церкви тоже были разные течения, левые и правые. Были в свое время жидовствующие, которых потом, по-моему, наказывали. Мы знаем, как Достоевский относился к некоторой части евреев, которые участвовали в разрушительных акциях против православия. И были у нас другие священники, как, например, Владимир Соловьев, который Иисуса Христа отождествлял с еврейством. Мы считаем, что тут коренится либо подлог, либо серьезная ошибка. Мы Иисуса Христа почитаем не как еврея, а как сына Божьего, — в этом вся разница. Если вы еврей и стали православным, всерьез и надолго, то вы для нас уже не иудей. И к вам никаких претензий.

— Вы пишете, что КГБ и сионисты — это одна гоп-компания, что "в СССР КГБ сажает в тюрьмы русских патриотов, а на Западе сионисты держат народ в страхе". Такой вопрос: Китай и Япония составляют половину человечества. Там евреев вообще нет. Германия, наиболее силь-

ная после Америки держава, — что называется, "юденфрай", в Америке самые мощные компании — нефтяные, куда евреев не допускают. И наконец, наиболее сильный капитал в мире — это арабский капитал, петродоллары. Какая сила у сионистов?

— Прежде чем задавать такой вопрос, я бы вам посоветовал прочитать книгу Дугласа Рида, которая есть на английском и русском языках "Спор о Сионе". Если она на вас никакого впечатления не производит, то мы будем спорить долго.

— Ну, а если без спора?

— Я считаю, что в мире доминируют два духа: арийский, православный так сказать, и иудейский. Я, например, знаком с книжкой Герцеля "Еврейское государство" и с Ахад-Гаамом, и, конечно, читал "Протоколы", и много разных книг. И если я во все это поверил, то при всей вашей правоте вы меня за две минуты не переубедите.

— Но я задаю конкретный вопрос. Например, в Америке, по статистике, первая компания — Эксон. Там нет ни одного еврея.

— Простите, я говорю о духе.

— А вот я прожил двенадцать лет в Израиле и могу сказать, что никакого особого сионистского духа там нет.

— Если нет, то это печально.

— И все же я хочу понять, почему именно сионисты. Ведь на сегодняшний день, например, мусульманство представляет собой более сильную угрозу православию и русскому народу. В азиатских республиках СССР ненавидят русских. Китайцы тоже враждуют с русскими, создавая для них самую серьезную проблему.

— Если человек изучает биологию, вы с него не станете спрашивать знание другой дисциплины. Я приехал в Америку с нулевым образовательным цензом, и когда я прочел первые книжки, такие как, например, Дикого или Генри Форда, я тоже не мог этому поверить.

— В своей листовке вы пишете, что против евреев "... в конце концов восстали, хотя и неудачно, Союз Русского Народа и А.Гитлер". Ведь известно, что Гитлер считал славян, и русских в том числе, низшей расой и предполагал половину русских истребить, а вторую обратить в рабов. Вы считаете, что Союз Русского Народа и Гитлер могут быть поставлены рядом?

— Не рядом, а просто из серьезных движений против еврейства в 20-м веке мы знаем так называемую "Черную Сотню", в которой было 6 миллионов человек, и движение национал-социализма. Меня, например, возмутило, когда я приехал, ну, говорят, Гитлер такой-сякой. Мы же в Советском Союзе не любили, чтобы нас учили по подсказкам и я лично прочел несколько вещей Гитлера, мне было очень любопытно.

— Как же вы относитесь к этой личности?

— Ну-у-у... Поскольку Гитлер был национал-социалистом и расистом, так я, конечно, отношусь к нему отрицательно.

- А поскольку он хотел уничтожить евреев?
- А поскольку он евреев поставил на место в Германии, то мне это нравится.
- Давайте разберем такую гипотетическую возможность. Вы назвали это "поставить евреев на место". Завтра кому-то могут не понравиться русские, а таких много, наверное. Полякам, например, не нравятся русские, чехам, китайцам, венграм. Они в один прекрасный день скажут: "Пора русских поставить на место", то-есть, все 150 миллионов русских — вырезать? Как вы к этой идее относитесь?
- Да я не удивлюсь. Не так давно генерал Тейлор такую мысль как бы подбрасывал в печать: натравить окраины. Вся западная пресса время от времени наускивает эти окраины. Ничего, если нам суждено выжить, мы выживем.
- Значит, евреев можно резать, русских — нет?
- Зачем же резать? Я, например, в своих статьях такую совершенно милую мысль предлагаю: если человек без конца одну молитву повторяет: "В будущем году — в Иерусалиме", так зачем же ждать, когда это можно сделать сегодня?
- Я тоже считаю, что это можно сделать сегодня. Но дело в том, что евреи сталкиваются с крупными проблемами, когда выезжают из Союза. Однажды меня в Москве арестовали, и со мной в машине ехал полковник милиции. Он был настоящим русским националистом, потому что высказал очень хорошо вашу точку зрения на евреев. Я ему задал вопрос: "Если мы такие плохие, выгоните всех к чертовой матери из России!" И тут он не знал, что ответить.
- Значит, он был плохим националистом! И потом, откуда сейчас в России могут быть настоящие националисты, если у них нет под руками подобных материалов? Их ведь не так просто вырастить. Нет, поймите: власть — советская, она не русская, с русским лицом, но с антинациональным духом.
- Я, кстати, хотел у вас спросить, кого вы называете "шабес-гойями"?
- Вы знаете, что по субботам и в еврейские праздники евреи не имеют права даже свечи зажигать. И они нанимают вот таких дурачков среди русских и кого-угодно...
- То-есть, вы имеете в виду, что Брежнев, Андропов, сейчас Горбачев...
- Андропов — чистопородный еврей, я имею точные данные. Брежнев был русским.
- А Горбачев?
- Горбачев для нас пока, так сказать, человек под вопросом.
- Черненко был "шабес-гоем"?
- Чего ж, конечно.
- А Сталин был "шабес-гоем"?

- Да, конечно.
- Но ведь он истребил всю еврейскую интеллигенцию: писателей, артистов, закрыл еврейский театр и газету. Как же "шабес-гой" осмелился пойти против своих хозяев?
- Сталин ведь не имел полноты власти. Муж в доме не имеет полноты власти. На его решения влияют иногда дети, чаще всего жена. Как же человек в государстве может быть полновластным хозяином? Всегда существует группа лиц, которая подсовывает те или иные решения.
- По-вашему, "шабес-гой" Сталин взял и посадил двух жен-евреек своих ближайших соратников — Молотова и Ворошилова. Как же прислуга, "шабес-гой" может посадить жену своего хозяина?
- Бывает так, что обстоятельства требуют, что для какой-то большей цели необходимо пожертвовать малым. Я рассуждаю только в области духа. Назовите хоть бы одну книжку, которая была издана за весь советский период против евреев.
- О, я могу назвать вам десятки.
- Назовите хоть одну.
- Хотя бы книги Иванова "Сионизм — оружие фашизма".
- "Сионизм без прикрас" и прочее. Это все очень дешевые книги.
- Книжки Кочетова.
- Да, я в курсе дела. Их противно читать.
- Но ведь все наследие еврейской культуры в России под запретом. Например, еврейскую энциклопедию невозможно купить.
- Я с вами согласен. Это ваши проблемы.
- Но если, по-вашему, хозяева в Союзе — евреи, почему же они собственное наследие не издают?
- Евреи, но не талмудисты, в открытом смысле этого слова. Лев Троцкий ведь не проповедовал Талмуд, но тем не менее с его помощью были уничтожены все национальные зародыши христианские, интеллигенция, образованный слой, сожжена литература. Или это моя фантазия?
- Нет, это было. Но когда начался настоящий погром русской культуры в 30-х годах, Троцкого в России уже не было. Что же, он оставил своих наместников там?
- Да не он оставил, а люди, которые уже оторвались от истины, от предыдущей культуры, стали таким сбродом, для которого все прошлое стало вредным.
- Ну, а евреи причем?
- Неужели они играли последнюю роль? Вы прочтите.
- Я и не утверждаю, что последнюю. Но они играли, меньшую роль, чем, например, кавказцы. Даже на сегодняшний день, министр иностранных дел — грузин.
- Я с вами согласен. Но факты, поданные Андреем Диким в книге "Евреи в СССР", показывают, что примерно 85 или даже 90 процентов

на всех руководящих постах были евреи. Я не учел Ленина, который тоже, кстати, наполовину иудей.

— Это что-то новое. До сих пор я слышал, что только на четверть или даже на одну восьмую.

— Ну да. На одну восьмую.

— И, наконец, как же так? Такой великий народ дал себя охмурить, и какая-то там горстка евреев крутит ими? Что же это за народ?

— Это — старая тема, и об этом писал ваш писатель Прат. Вы же знаете, что Россию стали разваливать со времен Петровских реформ.

— Это тоже евреи разваливали с Петровских времен?

— Масоны.

— Нет, зачем же? Масоны — это люди, которые исповедуют совершенно противные почвенникам идеалы.

В своей листовке вы называете "духовным вождем" русских Емельянова. Я слышал, что он жену собственную убил?

— Да. Зарезал на куски.

— Она что, еврейка была?

— Я, прежде всего, не знаю этой истории. Может быть, это и неправда. Как можно, находясь здесь, доверять всему, что там происходит?

— И все же непонятно, за что его поместили в психушку: за вклад в дело борьбы с масонством и сионизмом в мировом масштабе?

— Прежде всего за то, что он написал книгу "Десионизация" и без разрешения властей переправил на Запад. Потом его судьба была решена в течение двух недель. Его выгоняют с работы, исключают из партии, тут происходит убийство жены...

— Вы думаете, что жену бы ему простили, не посадили бы в психушку?

— Но, может быть, он жену не убивал. А разве не бывает такое?

— Конечно, бывает. Я, например, своей жены не убивал.

— Да и я не убивал, кстати, тоже. Нельзя быть таким наивным, чтобы верить каждой печатной букве.

— Вы только что цитировали Дикого. Я тоже могу сказать, что вы наивный и верите каждой букве.

— Возможно, у Дикого какие-то факты неверны. Но списки у него истинны, взяты из советских газет. Тогда вопрос просто решается: либо вы верите, либо нет.

— В таком случае я верю, что Емельянов убил жену. Впрочем, оставим его. Вы в своей листовке вспоминаете также Фаррахана. Как же вы относитесь к его идеям? Одобряете?

— Я слышал, что он тоже скатывается на почву расизма. Конечно, я противник. А если он защищает интересы черных, то на здоровье, чего там.

— Теперь, если можно, несколько вопросов к вам лично. Сколько вам лет?

— 49.

— Из какой вы эмиграции, из нынешней?

— Из третьей.

— В каком году вы выехали?

— В 75-м.

— И выехали вы в связи с чем?

— Я тогда, конечно, был далек от этих почвенных взглядов. Я был диссидентом, помогал вот этим великим генералам без армии распространять самиздат и все такое прочее.

— А из какого вы города?

— Я в Омске родился, но выезжал я из Московской области.

— Каково ваше мнение о роли Андрея Сахарова?

— Я о нем написал статью в 1980-м. Но даже сегодня я бы из нее ни слова не выкинул. Я у него был 4 раза.

— Кстати, вы знаете, что у него жена — еврейка?

— Да, я кое-что знаю.

— А как вы относитесь к Солженицыну?

— О нем есть краткая заметка "Кому служит Солженицын?"

— Кстати, у него жена тоже еврейка.

— Да, да.

— Значит, он — тоже сионист?

— Да нет, он сейчас попал, бедный, в правый угол. Его, помните, Пайпс за такую мелочь загоняет в угол антисемитизма!

— Вы по специальности журналист?

— Нет, я — бухгалтер.

— Издание журнала — это дело вашей жизни, или вы его издаете в свободное от работы время?

— Нет, я не работаю, потому что в нашей местности очень трудно найти работу.

— Ну что ж, все вопросы исчерпались. Я думаю, что наш журнал опубликует этот материал. Все-таки такое нечасто получаешь.

— Тут у меня недавно была журналистка из "Ассошиэйтед Пресс" по поводу суда, который я, кстати, выиграл.

— Суд с кем?

— По одному доносу, что я веду антиамериканскую и антиеврейскую пропаганду.

— А кто на вас, извините, в суд подал?

— Вот видите, как это в демократическом обществе, — аноним. Меня обвинили в присвоении элфера — формальное обвинение.

— Это уже не аноним. Против вас, наверно, государство шло?

— Я же знаю собственную биографию лучше. Так вот, я рассказал этой корреспондентке, как приехал в Америку серым валенком, вообще ни о каких евреях понятия не имел, даже дружил в Москве с сыном профессора Левича, Сашей. И я ей показал книжки Генри Форда,

еще кое-что. Она говорит: "Я никогда об этом не слышала". Вот птичка! Я, вообще-то, не хотел даже с ней разговаривать. Я говорю: "То, что я сейчас говорю, вы же не можете в ваших газетах напечатать". — Она говорит: "Как же! У нас демократия!"

— Вы знаете, в разговоре с вами я испытываю какое-то двойственное чувство: как-будто мой собеседник — не тот человека, который написал эту листовку. Язык уж больно разный. В листовке язык резкий, грубый, черносотенный, а со мной вы говорите этак обтекаемо, с недосказками.

— Когда я выступаю как журналист, то я должен ставить точки над i-, не ловчить, не кривить душой, потому что человек живет один раз и совесть ему дается тоже один раз.

— А почему вы, кстати, Маркса не вспоминаете?

— Почему? Я скоро о нем серию статей дам.

— А вы знаете, Маркс тоже был антисемитом.

— Да, таким мелким.

— Вопрос на прощанье: если вы в Америке прозрели и боретесь за возрождение русского народа, чего бы вам в Россию не вернуться?

— Я обращался год назад с просьбой, несмотря на то, что там никаких перемен нет. Они нам отказали. То есть я — человек последовательный.

— Вам — это вашей семье. А семья состоит, простите, из кого?

— Жена и трое сыновей.

— А ведь сыновьям придется сразу в армию пойти, в Афганистан.

— Ну так в чем же дело?

— Вы считаете, что идти в Афганистан воевать — значит бороться за возрождение русского народа?

— Я считаю, что власть лучше знает, где быть.

— Но вы утверждали, что власть в России сионистская. Значит, это сионисты посылают русских солдат убивать афганских детей?

— При чем тут дети? Существуют интересы личные, частные, интересы обывателей и существуют государственные интересы. Наши интересы часто сталкиваются с государственными. Я, например, придерживаюсь монархических взглядов. Если отец говорит, что надо делать, то дети должны слушаться. Благодаря этому Россия была могучей страной.

КОММЕНТАРИЙ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Меня нельзя обвинить в русофобии. И даже некоторые из моих друзей были русскими. Но в какой-то момент жизни повседневный патологический антисемитизм, окружавший нас, заставил меня уехать в Израиль.

Я считал, что с посконно-сермяжным русским шовинизмом покончено навсегда, что единственное желание националистов — избавить от евреев Россию, как они постоянно утверждают.

На самом деле все оказалось не так просто. В 1973 году вспыхнула война Судного Дня. Хотя формально мы воевали с арабами, на той стороне Голанских высот сидели "советники" — мои вчерашние соотечественники, которых я мог прекрасно слышать по радию, когда они переговаривались на языке Пушкина и Толстого. На том же языке были отпечатаны инструкции и листовки, впопыхах брошенные в блиндажах.

В СССР сионизм был объявлен врагом номер один. Антиеврейская пропаганда становилась с каждым годом злее, циничнее, требующей еврейской крови.

Таким образом стало ясно, что в лице советского режима еврейский народ сталкивается ныне с проблемой, которой у него не существовало со времен третьего рейха. И так же, как в те годы, носителями этой опасности выступают не драматические злодеи, а обыкновенные люди, поражающие, на первых порах, своей невзрачностью.

Не нужно смеяться над маленькими бухгалтерами. Они начинают обычно с невинных революционных кружков или мюнхенских пивнушек для блага своего народа или всего человечества, принося следом смерть и разрушение. Двадцатый век должен был научить нас верить в силу идеологии, какой бы вздорной она ни казалась на первых порах.

Тетенева надо читать и слушать не потому, что мысли его

свежи и оригинальны, а лишь постольку поскольку он представляет на сегодняшний день подлинное лицо русского национализма. Он позволяет нам практически постигнуть простую истину, веками известную в еврейской религиозной философии: если хочешь найти мирового злодея, ищи, кто гонит евреев.

В этом номере "Время и мы" опубликована переписка историка Н.Эйдельмана с известным русским писателем В.Астафьевым. И вот что любопытно: когда дело касается арийского духа, то почти невозможно уловить разницу между "маленьким бухгалтером" и человеком, приобщенным к верхам нынешней русской литературы.

Сколько я ни пытался объективным взглядом найти зло или, по выражению Астафьева, "перекипевший гной еврейского высокомерия" в письме Н.Эйдельмана, так и не смог. Зато письмо русско-арийского писателя В.Астафьева насквозь пропитано и злобой, и высокомерием, и обыденным уличным хамством.

Антисемитизм всегда был уделом мракобесия, и он несовместим со свободой, демократией и уважением прав других народов. Поэтому возрождение великорусского шовинизма, всколыхнувшего нынешнюю Россию, угрожает не только евреям.

"Тот, кто сделал официальным гимном песню "Когда с ножа брызнет еврейская кровь, тогда нам станет вдвойне лучше", — тот совершенно естественно и из тех ненавистнических побуждений заявит впоследствии, что судьба разрушенного Ковентри станет судьбой всех английских городов", — сказал на процессе Эйхмана израильский государственный обвинитель Гидеон Хаузнер.

Нынешние носители арийского духа так же пропитаны презрением к другим народам. "На Западе вы не сыщете человека, который, не задумываясь, мог бы "душу свою положить за други своя", — пишет Тетенев. И как бы в ответ ему через несколько дней после этого Нью-Йорк хоронит полицейского, умершего от ожогов, полученных при спасении людей

из горящего дома. Подлинные арийцы предпочитают не спасать, а сжигать людей в их домах, в Афганистане, например. Впрочем, это — не русские, это — "советские".

Те же "советские" безжалостно запарывали досмерти своих крепостных и расстреливали безоружную толпу верующих в Кровавое воскресенье или рабочих на Ленских приисках.

Они жалуются на "еврейское засилье" в России, но считают в порядке вещей снять с поста главы Казахстана казаха и посадить на его место русского, или заселить Ригу на 60 процентов русаками, так что и латышского языка там ныне и не слышно почти.

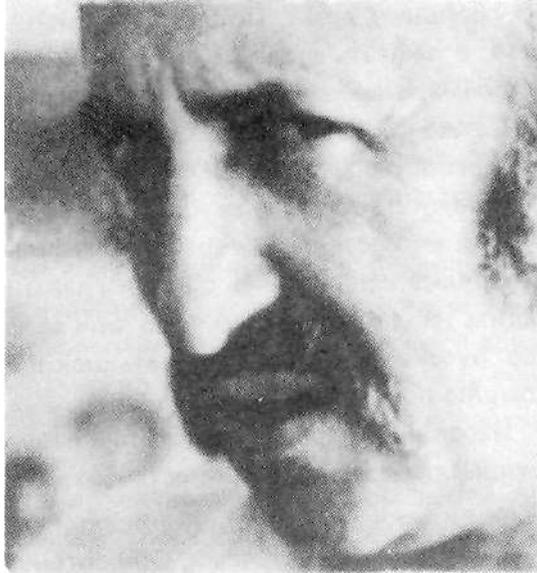
Неоарийцы готовы простить Гитлеру отнесение русских к низшей расе и намерение истребить половину славян. Они готовы цитировать расистские бредни Фаррахаана, ненавидящего русских, как и всех белых. Они готовы заключить союз с кем угодно, даже с арабами, с их чудовищным мировым капиталом, никогда и не снившимся евреям, и их исламским (то есть антиправославным) фанатизмом, только чтобы шли вместе в славном направлении: "Бей жидов!"

После выпуска в 1974 году сборника "Из-под глыб" многое, казалось, изменится в пробуждающейся России. Где там! Прислушайтесь к гласу "истинно русских", вещающих устами Тетенева:

"... чтобы евреи как можно скорее вернулись на свою историческую родину, не дожидаясь нежелательных и необратимых последствий". Яснее не скажешь. На арийском новоязыке это означает — "поставить евреев на место".

Россия по-прежнему блуждает во мгле. Мало есть надежд на то, что такие, как Сахаров и Шафаревич, встанут там у кормила правления. Скорее всего, это будут выразители дум и чаяний господ Тетеневых.

Если это произойдет, то страну ждет не возрождение, а вырождение. Добротная почва не может произрастить такое диковинное растение, как журнал "Русское самосознание". Его место — в бурлящем болоте шовинизма с миазмами арийского духа.

ИНТУИЦИЯ МАСТЕРА

Скульптуры Юрия Красного

На вопрос, к какой школе он себя причисляет, Юрий Красный чаще всего отвечает: к древним грекам. Когда вы спрашиваете, сколько ему лет, художник (опять же без тени юмора!) говорит: "Я — человек без возраста". О традициях? Он не знает, к каким он принадлежит традициям: не задумывался. Иногда можно улышаться, что Красный проповедует философию, утверждающую победу формы, дисциплины и гармонии. Ну уж кем-кем, а меньше всего Красного можно назвать просто проповедником чистой формы. Из его уст вы никогда не услышите о его концепции или философском кредо. Единственно, без чего нельзя представить Красного, — это без юмора, без иронии. Этот особый юмор, я бы так и сказал, юмор Красного — не может, конечно, не накладываться отпечатка на его работы. Наверное, тут к месту вспомнить, как эдак лет восемь назад в нашем же журнале "Время и мы" писала о нем критик Наталия Гросс: "Красный — художник иронического мироощущения, остроумно смешивающий высокое сакральное искусство иконы с простонародным массовым искусством ярморочного лубка".

Тогда речь шла о живописи Юрия Красного. Сегодня мы знакомим читателя с его скульптурами.

Красный-скульптор — это особая тема. В скульптуре его, где влияние античного искусства особенно велико, проявляется творческая мощь художника, его внутренняя ответственность перед искусством и самим собой. Вглядитесь в его работы, представленные в этом номере. Не правда ли, каждая, представляющая собой сочетание округлых объемов — шаров и овалов — символизирует по-своему, силу, фундаментальность, весомость. Каждая — это сгусток энергии, подобно тому, как сгусток энергии — наш земной шар.

По словам самого художника, его скульптура — это сочетание антропоморфных форм, когда фигура человека — отнюдь не натура для художника, и сам он ничуть не имитатор. "Для меня человеческая фигура, — говорит Красный, — это только исходный пункт. Отсюда начинается полет мысли, игра фантазии, иногда удачная, иногда не очень, но без этого игрового и фантастически интересного для меня процесса я просто не представляю свою работу. У меня нет заранее заготовленных схем и моделей, я, вообще, не моделирую в искусстве. Работа для меня процесс не рациональный, а эмоционально-чувственный. Я не боюсь идти наощупь, мне даже нравится это — не в мудрствовании от лукавого, а в самой работе искать путь к совершенной, иногда с муками вынашиваемой форме."

В. ПЕТРОВСКИЙ

Сон. Бронза.

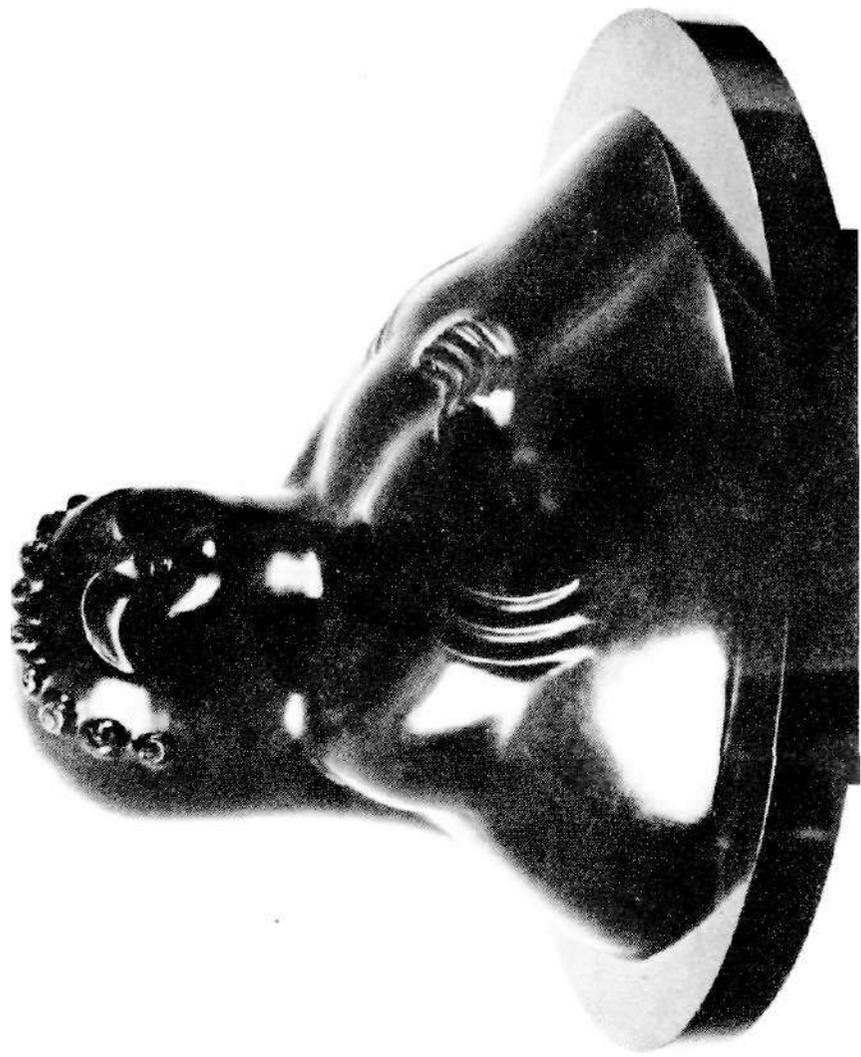
Сидящая. Бронза.

Самсон. Бронза.

Хам. Бронза.

Колокол. Бронза.

Куршак. Бронза.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Джеймс ДЖОЙС — один из самых выдающихся писателей XX века. Родился в Ирландии, в 1882 году. Воспитывался в Иезуитском колледже. Затем учился медицине. Покинув Ирландию, много лет прожил в Триесте, Швейцарии и Париже (с 1922 года). В 1907 году Джойс опубликовал свой первый сборник стихов, а в 1914 году — сборник рассказов. В 1916 году выходит в свет его "Портрет художника в юности", а в 1922 году в Париже выходит запрещенный в англосаксонских странах роман "Улисс", принесший Джойсу мировую известность. Подробно о Джойсе как о писателе и его романе "Улисс" читайте в номере 80 ("Сто лет Джойсу, или один день Леопольда Блюма").

Израэль ШАМИР — родился в 1947 году в Новосибирске. Занимался в университете на юридическом и математическом факультетах. В 1969 году приехал в Израиль. Журналист, публицист, переводчик. Публиковался во многих израильских и зарубежных изданиях.

Алла ТУМАНОВА — жила и училась в Москве. В 1950 году, по окончании 10-го класса, стала членом молодежной группы, состоявшей из школьников и студентов, которая ставила своей целью восстановление ленинских принципов и построение справедливого общества. Вскоре все 16 членов организации были арестованы. После года одиночного заключения состоялся закрытый процесс военного трибунала. Трое были приговорены к расстрелу, а большинство (в том числе Туманова) — к 25-ти годам. В 1956 году дело было пересмотрено, и оставшиеся в живых амнистированы. Туманова вернулась в Москву, окончила биофак Педагогического института, работала в качестве биохимика. С 1974 года живет с семьей в Канаде.

Крэйг УИТНИ — читайте послесловие к "Письму Горбачеву".

Борис СЕГАЛ — профессор психиатрии. Окончил Первый Московский медицинский институт. Работал в различных лечебных учреждениях Москвы. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Наряду с клинической работой занимался изучением роли личности и социально-психологическими проблемами. Руководил лабораторией клинической психологии. В США эмигрировал в 1972 году. С 1973 по 1977 год был научным сотрудником Гарвардского университета (Русского центра). В настоящее время профессор психиатрии Нью-Йоркского колледжа. Автор 150-ти работ. Последняя — "Исследование в области психологии истории семьи и личности".

Ефим ЭТКИНД — писатель, литературовед, переводчик и критик. Во время войны воевал на Карельском и Третьем Украинском фронтах. До отъезда из СССР — член Союза писателей. После войны преподавал в ленинградских вузах, был профессором Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена. В настоящее время живет в Париже, выступает с лекциями в ряде западных университетов. Под редакцией Е.Эткинда впервые на французском языке вышли поэтические переводы А.С.Пушкина. Под его же редакцией готовятся переводы М.Ю.Лермонтова. Широко известна его книга "Записки незаговорщика", посвященная судьбе творческой интеллигенции в СССР.

Зелик ФРИШЕР — родился в 1936 году, в Риге, в семье крупного предпринимателя, за что 12 лет провел в лагерях и сибирской ссылке. Реабилитирован в феврале 1957 года. Закончил Первый Ленинградский медицинский институт им. Павлова. Учился хирургии и урологии у профессоров Т.О.Корякиной, Н.С.Путермана и Я.И.Шмуиловича, в Калининском и Ленинградском университетах. В 1972 году эмигрировал в Израиль и работал старшим урологом и заведующим отделом по пересадке почек в больнице им. Бейлинсон, в Петах-Тикве. С 1982 года — в США, профессор на кафедрах урологии и трансплантации почек в госпитале Стони Брук Университета. Имеет больше двадцати научных работ, член европейского общества пересадок органов, тканей, диализа.

Алла КТОРОВА — (псевдоним), настоящее имя — Виктория Ивановна Шандор, (урожденная Кочурова). Писательница. В 1954 году закончила факультет английского языка Первого Московского педагогического института иностранных языков. Работала в средней школе учительницей в старших классах. В 1957 году вышла замуж за гражданина США и выехала в Америку. С 1962-1986 — преподаватель русского языка в университете "Джордж Вашингтон" в Вашингтоне. С 1983 года — член американского общества "Names". Автор статей на английском языке на темы ономастики. С 1960 года Алла Кторова начинает

писать прозу, основанную на опыте московской жизни, печатается в эмигрантских периодических изданиях. "Лицо Жар-птицы" — самая известная книга писательницы вышла отдельным изданием в 1969 году. За ней последовали "Экспонат молчащий" (сборник повестей и рассказов, 1974 год), "Крапивный отряд" (1978 год) и "Мелкий жемчуг" (1986 год). Ряд произведений Аллы Кторовой переведен на английский, французский, датский и другие иностранные языки.

Владислав ХОДАСЕВИЧ — родился в 1886 году, в Москве. Окончил Московский университет. Начал печататься с 1905 года. Поэт, критик, переводчик. В 1922 году Ходасевич покинул советскую Россию навсегда. Автор многих книг, в том числе книги воспоминаний "Некрополь" — одного из лучших образцов мемуарной литературы. "Колесный треножник" — вторая книга воспоминаний Ходасевича.

Ефим МАНЕВИЧ — родился в 1937 году, в Москве. Окончил Московский энергетический институт. В 1969 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1972 году репатриировался в Израиль. В настоящее время живет в США.

МИХАИЛ ФЕДОТОВ

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

Соотечественники

Богатый бедуин и Танька

(книга романтических рассказов)

Ангелтань

(главы из книги)

Край

Открытое письмо в редакцию "Русской мысли"

Можно ли верить Библии

400 страниц. Цена 15 долларов. (В Израиле 15 шекелей).

Адрес: М. Fedotov, POBox 6997, Jerusalem, Israel.

Digest for the 93rd Issue of "VREMYA I MY" ("Time and We")

JAMES JOYCE, "Sirens". (A chapter from "Ulysses"). Translated by Israel Shamir. Published for the first time in Russian. In this chapter Joyce tries to produce a musical creation with the help of words. Some critics call the "Sirens" a fugue.

GENNADI KHAZANOV, "A Sewn Up Society" Samizdat. Stories performed from the stage by Gennadi Khazanov, one of the most outstanding satirical actors. These stories, performed by Khazanov) are multi-faceted critiques of the Soviet society and their anti-democratic foundations.

ALLA TUMANOVA, "Read, and Envy". Memoirs by a former prisoner of Stalin's camps.

IVAN ZHDANOV, Lyrical poetry.

BORIS GRIGORIYEV, Lyrical poetry.

CRAIG WHITNEY, "A Letter to Gorbachev". A *Hussian-style* essay published in the "New York Times Magazine". The author of the essay is an editor for the "New York Times" in Washington, and a former Moscow correspondent for the "Times". After having spent some time in Moscow a while back, he addresses the Soviet leader in an open letter. In "A Letter to Gorbachev", Craig Whitney is very sceptical about the realization of the liberalization process in the USSR.

BORIS SEGAL, "Cad-Syndrom, or the End of Our Civilization". Author-professor of Psychiatry at New York City College, analyses troubled symptoms of the crises of the contemporary civilization.

EFIM ETKIND, "I Pray for Those and Others". For the 110-year anniversary since the birth of Voloshin. A *literary-critical* essay about the life and works of the outstanding Russian poet who lived at the start of this century.

AMERICAN MEDICINE. An interview by Victor Perelman with Zelik Frisher, a professor from Stony Brook Hospital.

ALLA KTOROVA, "Black and Grey". My input into "Khrushcheviana". Memoirs of Khrushchev's visit to America.

VLADISLAV KHODASEVICH, "Cherepanov". A story about a revolutionary, by an outstanding Russian author from the "Silver Age", about the code of moral ethics of Russian revolutionaries and especially leftist Social Revolutionaries,

YULI DANIEL, "Exhumation of a Traitor".

LARISA BOGORAZ, "The Spiritual Torment of a Secret Agent". Two responses from Moscow on the story by Sergei Khmel'nitski "From the Womb of the Whale" (Journal "22", №48) containing slanderous material against a well-known writer of the "Third Wave", Andrei Sinyavsky.

"Correspondence From Two Soviet Corners". Samizdat. Correspondence between N.Adelman and the writer V.Astafyev, that testify to the re-kindling of Russian nationalism.

EFIM MANEVICH, "Talks with a Small Accountant, or the revelation of the Aryan Ear". An interview with N.Tetenyev, the editor of the Russian journal "Russian Self-Consciousness". The subject of the interview is about the development of chauvinism and nationalism on Russian soil.

ВРЕМЯ И МЫ

НЬЮ-ЙОРК - ИЕРУСАЛИМ - ПАРИЖ

ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ ЖУРНАЛА

ЗА 11 ЛЕТ ИЗДАНИЯ, С № 1 ПО № 93

На страницах журнала печатались такие выдающиеся современные писатели, как Сол Беллоу, Артур Кестлер, Олдос Хаксли, Эфраим Кишон, А.Б.Иошуа и многие другие.

Среди авторов журнала — известные писатели современной России и русского зарубежья: Василий Гроссман, Лидия Чуковская, Виктор Некрасов, Владимир Войнович, Василий Аксенов, Иосиф Бродский, Семен Липкий, Инна Лиснянская, Юз Алешковский, Владимир Марамзин, Александр Зиновьев, Аркадий Львов.

В разделе публицистики выступают: Андрей Синявский, Ефим Эткинд, Дора Штурман, Лев Наврозов, Амос Оз, раввин Адин Штейнзальц, Борис Шрагин и др.

С именем журнала "Время и мы" связано появление в русской литературе целого созвездия талантливых имен: Фридриха Горенштейна, Бориса Хазанова, Зиновия Зиника, Юрия Карабчиевского, Феликса Розинера.

Огромной популярностью у читателей пользуется раздел "Из прошлого и настоящего", где были опубликованы воспоминания о Бунине, мемуары Марии Иоффе (бывшего секретаря Л.Троцкого), Самуила Микуниса (в прошлом генерального секретаря компартии Израиля), письма Лескова, переписка Николая Милюкова, дневники Ольги Берггольц. Журнал высоко ценится среди либеральной интеллигенции современной России, откуда редакция постоянно получает письма и рукописи.

Стоимость полного комплекта журнала — 1186 дол.

Для подписчиков — скидка 15 %

Тот, кто приобретает комплект журнала, в качестве подарка получает полный комплект книг издательства "Время и мы".

Заказы **и чеки высылайте** по адресу:

Time and We
409 Highwood Avenue,
Leonia, NJ 07605, USA.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА "АНТИКВАРИАТ"

- И. АКСЕНОВ. Пикассо в окрестности. — 12 долларов.
 М. БАХТИН. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. — 36 долларов.
 А. БЕЛЫЙ. Христос воскрес. — 5 долларов.
 К. ВАГИНОВ. Труды и дни Свистонова. — 10 долларов.
 Е. ДУМБАДЗЕ. На службе Чека и Коминтерна. — 10 долларов.
 П.П. ЗАВАРЗИН. Работа тайной полиции. — 10 долларов.
 А. КОТОМКИН. О чехословацких легионерах в Сибири. — 10 долларов.
 П.Н. КРУПЕНСКИЙ. Тайна императора. — 7 долларов.
 В.И. ЛЕБЕДЕВ. Борьба русской демократии против большевиков. — 12 долларов.
 Н. РЕЗНИКОВА. Пушкин и Собоньская. — 5 долларов.
 А. РЕМИЗОВ. Пляс Иродиады. — 12 долларов.
 И. СЕВЕРЯНИН. Колокола собора чувств. — 5 долларов.
 В. ШКЛОВСКИЙ. Ход коня. — 12 долларов.
 В. ШКЛОВСКИЙ. Гамбургский счет. — 15 долларов.
 В. ШКЛОВСКИЙ. Сентиментальное путешествие. — 20 долларов.
 В. ШКЛОВСКИЙ. Техника писательского ремесла. — 10 долларов.
 Э. и О. ШТЕЙН (составители). Чтобы Польша была Польшей. — 9 долларов.

Готовится к печати:

В. КРЕЙД (составитель и автор комментариев). Георгий Иванов — Несобранное. Ориентировочная цена — 25 долларов.

Деньги и чеки присылать по адресу:

E. SZTEIN'S ANTIQUARY

594 Chestnut Ridge Rd.

Orange, CT 06477, USA.

Виктор ПЕРЕЛЬМАН

ТЕАТР АБСУРДА

Комедийно-философское повествование о моих двух эмиграциях. Опыт антимемуаров

СОДЕРЖАНИЕ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РОДИНА, ТЕКСТЫ И Я

Нью-Йорк; Правительство в изгнании; Шинау; Израиль; Бейт Бродецкий; Рувен Веритас и другие; Снова Нью-Йорк; "Свободный мир"; Мой иностранный паспорт-Дядя Сол; Под знойным солнцем Тель-Авива; Что нужно бедному еврею?; Дом, в котором я жил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАЛП "АВРОРЫ"

Инженер Сэм Житницкий: "Оплот Израиля"; Мы жили... Мы ждали; Судьбоносный день; Сага о черемухе

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НАХМАНИ, 62

Мой Атлантик-Сити; Лорд Шацман и его персонал; Про Мейерхольда И Ворошилова; Странная штука — жизнь; Лефортовская одиссея; Ленин-Бланк и наша эмиграция; Мать и мачеха; Пир победителей; Облака плывут, облака

Книгу можно заказать в редакции "Время и мы".

"TIME AND WE", 409 HIGHWOOD AVENUE

LEONIA, NJ 07605, USA

Tel.: (201) 592-6155

Цена книги 10 долларов.

В книге 254 стр.

Григорий СВИРСКИЙ ПРОРЫВ

Роман о судьбе эмиграции из СССР

Рецензент лондонской газеты "Таймс" Э.Литвинов так писал об английском издании романа Григория Свирского "Заложники" ("Кнопф", 1976 г.): "Горечь отверженности, разделенная многими советскими евреями, дает свой привкус каждой странице "Заложников". Похоже, что от расточительства такого патриотизма и такого таланта советское общество теряет гораздо больше, чем оно думает".

Джон Эриксон в "Сэнди Таймс": "Описание этого соединения жестокости, шовинизма и антисемитизма... как санкционированного состояния умов оставляет неизгладимое впечатление".

В новом романе "Прорыв" Свирский остается верен себе и своему таланту. Главные действующие лица — люди, чья судьба поставила перед моральной дилеммой: остаться жертвами, покорно принимающими советскую действительность, или вступить в отчаянную борьбу за право эмиграции. Суды за изучение иврита, "Самолетный процесс", "Письмо 39-ти", травля еврейских активистов — вся документальная канва еврейской эмиграции сохранена автором в романе.

Но не менее драматичными оказываются и главы, посвященные жизни героев в Израиле и на Западе. Неизбежная идеализация "земли обетованной", придававшая им силы в неравной борьбе, оказалась для многих источником мучительных разочарований при столкновении с реальностью. Чудовищная этническая и культурная чересполосица в молодом государстве, окруженность врагами, ограниченность природных ресурсов, приливы и отливы эмиграции, бескорыстный энтузиазм и цепкая коррупция — все дано автором через реальные человеческие драмы, через судьбы героев "Прорыв" — многоплановая эпопея, созданная пером мастера, яркое историческое полотно, посвященное одному из самых драматичных эпизодов новейшей истории: "исходу" сотен тысяч евреев (а затем и неевреев) из России на Запад.

Цена книги (560 стр.) — 18 долларов. Заказы и чеки высылать по адресу

Hermitage Publishers of New Russian Books
2269 Shadowood Dr., Ann Arbor, MI 48104

ДОРА ШТУРМАН

"НАШ НОВЫЙ МИР"

Теория. Эксперимент. Результат.

Рукопись книги, циркулировавшая в Самиздате с начала 1970-х гг., была нелегально вывезена из СССР. Автор, выехавший вслед, издал ее в 1981 году, дополнив (спустя десять лет) новыми фактами и статистическими данными, которые убедительно показали достоверность "подпольного анализа". Новое издание расширено и дополнено материалами 1980-х гг., еще более четко подтвердившими первоначальные прогнозы.

Объем книги — 460 страниц. Цена — 15 долларов (в Израиле — 20 шекелей). Пересылка: в Израиле — 1,4 шек.; в Европу и США морской почтой — 1,7 долл.; авиапочтой: в Европу — 2,5 долл., в США — 3,5 долл. Книгу можно получить, отправив чек по адресу: S. Tictin, 422/6 Mizрах Talpiot, Jerusalem 93802, Israel, Tel. 02/721633

Д. ШТУРМАН и С. ТИКТИН

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНЕКДОТА

Предварительная подписка на издание второе исправленное и дополненное

Цена книги — 21 доллар. Для подписчиков цена, включая доставку заказной бандеролью морем — 16 долл., авиапочтой — 17,5 долл. Некоторое повышение стоимости книги вызвано увеличением ее объема, в основном, за счет НОВЫХ анекдотов, богатых событиями 1985-1986 гг.

Чеки посылать по адресу:

S.Tictin, 422/6 Mizрах Talpiot. Jerusalem 93802, Israel

Просьба к подписчикам сообщать свой подробный адрес.

КНИГА ВЫЙДЕТ В ТЕЧЕНИЕ 1987 ГОДА

Илья ЗЕМЦОВ
 СОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Словарь-справочник. В нем проанализированы основные механизмы советского языка и, следовательно, советской пропаганды.
 431 стр. — 8 ф.ст.

Дора ШТУРМАН и Сергей ТИКТИН
 СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ЗЕРКАЛЕ
 ПОЛИТИЧЕСКОГО АНЕКДОТА

Самый полный сборник анекдотов, когда-либо изданный в Зарубежье. Статьи в этой книге (вступительная ко всему материалу и затем перед каждой из глав) дают анализ картины, возникающей в анекдотах
 470 стр.— 12.50 ф.ст.

В.Д.НОСОВ
 "КЛЮЧ" К ГОГОЛЮ
 Опыт художественного чтения
 Вступительная статья Бориса Филиппова

Апология Гоголя как религиозного мыслителя и проповедника. (Серия "Самиздат").
 140 стр. — 3.50 ф.ст.

Юрий ЛЮБИМОВ
 СЦЕНИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ "МАСТЕРА И
 МАРГАРИТЫ" М.А.БУЛГАКОВА
 Вступительная статья Анджея Дравича

Сделанный Юрием Любимовым в Московском театре на Таганке спектакль был событием в советской театральной жизни, а сегодня стал уже легендой
 Текст инсценировки печатается впервые.
 104 стр. — 3 ф.ст.

М.И.ВОЛОДАРСКИЙ
 СОВЕТЫ И ИХ ЮЖНЫЕ СОСЕДИ ИРАН И
 АФГАНИСТАН (1917 — 1933)

Предисловие С.Могилевского
 Книга повествует о событиях, которые отдалены от нас 50-60 годами, но эти события по сей день привлекают к себе самое пристальное внимание. Методы шантажа и провокации, дезинформации и открытой агрессии, к которым СССР прибегал в те годы, остались неизменными
 242 стр. 6.50 ф.ст.

Михаил ХЕЙФЕЦ
 ВОЕННОПЛЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
 Повесть о Паруйре Айриkyане

Увлекательная книга о лагерном товарище автора, руководителе Национальной Объединенной партии Армении, который сыграл важнейшую роль в истории армянского сопротивления, "внеся в него правозащитные элементы демократии в национальной борьбе".
 238 стр. 4 ф.ст.

Марк ПОПОВСКИЙ
 ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Он, она и советский режим
 "Я пытаюсь разобраться, как извечные отношения мужчины и женщины деформируются под влиянием советских законов, идеологии, советских традиций и судебно-лагерной системы".
 (Об этой книге).
 458 стр. 9 ф.ст.

Валерий ФЕФЕЛОВ
 В СССР ИНВАЛИДОВ НЕТ!..
 Жизнь и судьба инвалидов в СССР и на Западе
 163 стр. 5 ф.ст.

Виктор КОНДЫРЕВ
САПОГИ — ЛИЦО ОФИЦЕРА
312 стр. 8 ф.ст.

Книга удостоена премии им. Даля за 1985 год
Бранко ЛАЗИЧ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
"Никита Хрущев, Доклад на закрытом заседании
XX Съезда КПСС"

Перевел с французского А.Юссен
Никита Хрущев
Доклад на закрытом заседании XX Съезда КПСС
"О культе личности и его последствиях"
164 стр. 4 ф.ст.

САХАРОВСКИЕ СЛУШАНИЯ

Четвертая сессия

Редактор-составитель Семен Резник

"Четвертые Сахаровские Слушания проходили в Лиссабоне с 12 по 14 октября 1983 года. (...) Все выступления свидетелей и членов жюри записывались на магнитофон. Эти магнитописи легли в основу настоящего издания. (...) На Слушаниях рассматривалось четыре основных вопроса:

1. Положение А.Д.Сахарова в его бессрочной ссылке в Горьком. 2. Нарушение интеллектуальной свободы в СССР. 3. Положение в Польше. 4. Положение трудящихся в СССР".

Как известно, 10 и 11 апреля 1985 года в Лондоне состоялись очередные, Пятые Сахаровские Слушания. Их основная тема: Права человека в СССР — ситуация после Хельсинки. В Приложении к книге приведены: программа заседаний, текст резолюции, а также статьи, опубликованные в газете "Новое русское слово" и в еженедельнике "Русская мысль".

380 стр. 5.40 ф. ст.

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD
8, QUEEN ANNE'S GARDENS, LONDON
W4 1TU, ENGLAND

**The largest independent
American Russian publication**

крупнейшее независимое еженедельное издание
на русском языке

Издаётся с 1980 года в Лос-Анджелесе

Главный редактор А. Половец

ПОСТОЯННЫЕ РУБРИКИ ГАЗЕТЫ

ГЛОБУС. Обзор и комментарии к событиям международной и внутренней жизни

ПУБЛИЦИСТИКА. В числе постоянных авторов газеты — обозреватель телевизионных программ АВС, бывший руководитель Информационной службы правительства США Б. Кершензон, известные журналисты русского зарубежья Т. Шуман, Лос-Анджелес, П. Вайль, А. Генис, С. Довлатов, В. Козловский, Б. Парамонов, М. Поповский, Григорий Рыский, Нью-Йорк, М. Лемкин, Сан-Франциско, Д. Савицкий, Европейская ароника, В. Лазарис, Ю. Шаргородский, Э. Копелиович, Израиль

ЛИТЕРАТУРА. В Панораме впервые публиковались отдельные произведения Василия Аксенова, Юзеф Алешковский, Эдуарда Лимонова, Саша Соколов, Пьяв Калифа и ряда других писателей и журналистов, живущих в США и других странах

ГОЛЛИВУД. Рецензии на новые фильмы и театральные постановки, интервью с работниками театра и кино, обзоры событий в кинематографе США и других стран.

ЮМОР. В этом разделе публикуются произведения авторов, пишущих на русском языке, а также переводы юмористических и сатирических произведений с других языков.

"Панорама" имеет постоянные представительства
в Сан-Франциско и Нью-Йорке.

*Стоимость годовой подписки в США и Канаде — 33 00, полугодовой — 18 00 дол.
Для оформления подписки необходимо заполнить приводимый ниже купон и
выслать его в адрес издательства "Альманах"*

ALMANAC, P. O. Box 480264, Los Angeles, Ca 90048, USA

Прошу подписать меня на газету "Альманах-ПАНОРАМА" на срок: 12 мес. / 33 00 дол.
6 мес. / 18 00

В Европе, Израиле и Австралии стоимость годовой подписки — 64 00 дол.

Чек-мани-ордер на сумму дол. прилагаю.
Газету прошу направлять по адресу:

Имя: _____ Телефон: _____

Номер дома: _____ Улица: _____ Город: _____ Штат: _____ Эп.код: _____

American
Russian
weekly

КНИГИ, НАХОДЯЩИЕСЯ В ПЕЧАТИ:

Альманах "ЧАСТЬ РЕЧИ", №6-7, 320 стр. . . . . 22.50 дол.
 Этот номер альманаха посвящен трем выдающимся русским писателям — Булгакову, Платонову и Зощенко, сохранившим гуманистические традиции 19 столетия и определившим три основные грани в русской прозе 20 века. Помимо их произведений, а также воспоминаний и статей им посвященных, в альманах включены произведения Г. Айги, Л. Губанова, Г. Горбовского, В. Попова, Е. Шварц, К. Вагинова, И. Ильфа, И. Бабеля, беседа И. Бродского с С. Волковым, М. Левидова, М. Бахтина, А. Толстого, Л. Брик, А. Толстого и других.

Венедикт ЕРОФЕЕВ, Вальпургиева ночь, или Шаги командора. Илл. Б. Свешникова, 120 стр. . . . . 10.00 дол.
 Новое произведение одного из самых своеобразных и загадочных современных русских прозаиков, автора знаменитой книги "Москва—Петушки", — это метафорически-философский взгляд на проблему "Ада на земле" передан в виде диалогов современных „юродивых“, заключенных в психиатрическую больницу и трагически там погибающих.

Василий ГРОССМАН. Записки пожилого человека (Баредфзес). 128 стр. . . . . 11.00 дол.
 Одно из последних произведений выдающегося современного писателя, автора замечательных книг „Все течет“ и „Жизнь и судьба“ — эти записки по праву считаются его духовным завещанием, поскольку в них нашло полное отражение его мировоззрение. Судьба этих записок — их написание, цензурные перипетии, запреты на их публикацию — достаточно свидетельствуют о том, насколько они не могли вписаться в рамки советской официальной литературы.

Леонид ГРОССМАН. Исповедь одного еврея. 200 стр. . . . 15.00 дол.
 Трагическая судьба Ковнера, известного журналиста, писателя, литературного критика и мемуариста, прозванного „еврейским Писаревым“, полная взлетов и крушений, была озарена перепиской с Ф. М. Достоевским, дающей богатый материал для размышлений о сложном отношении великого русского писателя к еврейскому вопросу. Дружба и переписка Ковнера с В. В. Розановым также касалась еврейского вопроса, далеко не случайного для творчества последнего. Однако их переписка, помимо иудаизма, касалась и христианства, и атеизма и многих философских вопросов. Впоследствии Розанов, как и Достоевский, включил фрагменты переписки с Ковнером (сделав к ним комментарии) в одну из своих книг.

БОЛЬШИЕ ПОЖАРЫ. Роман 25 писателей. 196 стр. . . . . 15.00 дол.
 Коллективный роман 25 писателей — беспрецедентный опыт в истории мировой литературы. Роман написан самими известными советскими писателями того времени, которые задумали как бы погрузиться в самую гущу жизни. Каждый из авторов, а среди них такие, как А. Грин, Л. Леонов, И. Бабель, А. Толстой, В. Зощенко и др., сохранив свой стиль, свой литературный почерк, создали единое, цельное произведение. В романе, написанном на одиннадцатом году советской власти, отразились многие черты современности — здорового человека сажает в сумасшедший дом, угрозой взаимодействует с уголовниками, происходят события, в которых трудно уловить здравый смысл. Не случайно авантюрный сюжет „Больших пожаров“ послужил толчком к появлению легендарных „Двенадцати стульев“ и „Золотого тельца“.

Михаил ОСОРГИН. Кануны. Воспоминания и встречи. 160 стр. . . . . 12.00 дол.
 В этой книге впервые собраны мемуарные очерки известного русского литератора М. А. Осоргина, автора 15 книг, высланного из Москвы в 1922 году вместе с группой известных писателей и ученых и проведшего большую часть жизни в эмиграции. На страницах этой книги читатель найдет рельефные портреты А. Белого, Е. Замятина, Б. Зайцева, В. Брюсова, А. Куприна, М. Цветаевой, а также описание значительных событий его жизни.

Юрий ДОМБРОВСКИЙ. Последняя встреча. 110 стр. . . . . 9.00 дол.
 Воспоминания о ссыльных деятелях искусства, с которыми автору известных книг „Хранитель древностей“ и „Факультет ненужных вещей“ пришлось встретиться в местах заключения и в Казахстанской ссылке, где он провел много лет, и составляют эту книгу.

Максимилиан ВОЛОШИН. Черубина де Габриа. 92 стр. . . . 9.50 дол.
 Это мемуарное произведение, написанное в 1930 году и выходящее впервые отдельным изданием, раскрывает одну из интереснейших страниц русской литературной жизни двадцатого века. Литературная мистификация, о которой рассказывается в этой книге, в свое время взбудоражила весь литературный Петербург. В приложении даны воспоминания лиц, имевших отношение к этой загадочной истории, — М. Цветаевой, А. Толстого, С. Маковского и других.

Михаил БАХТИН. О философии языка. 180 стр. . . . . 17.50 дол.
 Основные проблемы социологического метода в науке о языке, изложенные выдающимся ученым, которого больше интересовало соотношение единиц языка, каковыми являются слова, а соотношение единиц значения, каковыми являются высказывания, достаточно доступно выражено, несмотря на вынужденную необходимость иногда пользоваться марксистской терминологией. Эти идеи, выдвинутые М. Бахтиным более полувека назад, лишь недавно влились в поток мировой науки.

ДРУГИЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Константин ВАГИНОВ. Козлиная песнь. 200 стр. . . . . 12.00 дол.
 Константин ВАГИНОВ. Труды и дни Свистонова. 178 стр. . . 11.50 дол.
 Альманах „ЧАСТЬ РЕЧИ“, № 1. 320 стр. . . . . 17.50 дол.
 Альманах „ЧАСТЬ РЕЧИ“, № 2-3. 320 стр. . . . . 22.50 дол.
 Альманах „ЧАСТЬ РЕЧИ“, № 4-5. 320 стр. . . . . 22.50 дол.
 Михаил БУЛГАКОВ. Записки на манжетах. 128 стр. . . . . 9.50 дол.
 Николай ОЛЕЙНИКОВ. Иронические стихи. 128 стр. . . . . 9.50 дол.
 Венедикт ЕРОФЕЕВ. Глазами эксцентрика. 82 стр. . . . . 7.50 дол.
 Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Мое завещание. 160 стр. . . . . 12.50 дол.
 Маркиз ДЕ КЮСТИН. Записки о России. 160 стр. . . . . 15.00 дол.
 Аполлинария СУСЛОВА. Годы близости с Достоевским. 200 стр. . . . . 15.00 дол.
 Василий ЯНОВСКИЙ. Поля Елисейские. 280 стр. . . . . 17.50 дол.
 Владислав ХОДАСЕВИЧ. Белый коридор. 320 стр. . . . . 17.50 дол.
 Андрей ПЛАТОНОВ. Впрок. 96 стр. . . . . 7.50 дол.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

SILVER AGE PUBLISHING
P. O. BOX 384, REGO PARK, N. Y. 11374

Александр Орлов
ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Эта книга принадлежит одному из видных деятелей сталинского НКВД, но почти 30 лет она была неизвестна русскому читателю. Чудом уцелев, генерал Александр Орлов бежал в 1938 году в Соединенные Штаты и, оставаясь 15 лет неузнанным, прожил здесь до конца своих дней. Книга Орлова — это документальное свидетельство эпохи, раскрывающее самые глубокие тайны сталинской секретной полиции.

...КАК ГОТОВИЛОСЬ УБИЙСТВО КИРОВА...
...ВСТРЕЧА СТАЛИНА С НИКОЛАЕВЫМ...
...КАК БЫЛИ ВЫРВАНЫ ПРИЗНАНИЯ У ЗИНОВЬЕВА И КАМЕНЕВА...
...ИХ СДЕЛКА СО СТАЛИНЫМ В КРЕМЛЕ...
...ДОПРОСЫ И ПРИЗНАНИЯ ПЯТАКОВА, БУХАРИНА, РАДЕКА...
...ПОДРОБНОСТИ ГИБЕЛИ АЛЛИЛУЕВОЙ...
...ЯГОДА ПЕРЕД КАЗНЬЮ...
...ЕЖОВ, КАКИМ ОН БЫЛ...
...ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СТАЛИНА ПАУКЕР ОБ УТЕХАХ ВОЖДЯ...

Таковы лишь штрихи, лишь отдельные эпизоды документальной эпопеи Александра Орлова.

По свидетельству специалистов, ни одна из изданных до сих пор книг о советской тайной полиции не может сравниться с книгой Александра Орлова как по документальной точности излагаемых фактов, так и по захватывающему интересу, который она вызывает у читателей. Тот, кто открыл первую страницу этой книги, уже не сможет закрыть ее, не дочитав до конца этот зловещий детектив сталинской инквизиции.

Книга Орлова (350 стр.) иллюстрирована редкими фотографиями 30-х годов, цена книги - 15 долларов. Пересылка - 1 доллар.

Заказы и чеки посылайте по адресу:

"TIME AND WE", 409 HIGHWOOD AVENUE
LEONIA, NJ 07605, USA
Tel.: (201)592-6155

БИБЛИОТЕКА БЕСТСЕЛЛЕРОВ "ВРЕМЯ И МЫ"

ГОРДОН БРУК-ШЕФЕРД
СУДЬБА СОВЕТСКИХ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ,

ЭТО КНИГА О ПОБЕГЕ НА ЗАПАД ВИДНЫХ СОВЕТСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ, ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ И ДИПЛОМАТОВ (ИГНАТИЯ РЕЙССА, ВАЛЬТЕРА КРИВИЦКОГО, ГРИГОРИЯ БЕСЕДОВСКОГО, ГЕОРГИЯ АГАБЕКОВА, АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА, БОРИСА БАЖАНОВА И ДР.), О ИХ СТРЕМЛЕНИИ ОТКРЫТЬ ЗАПАДУ ГЛАЗА НА СТАЛИНСКУЮ РОССИЮ. О ИХ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ЗАПАДНЫМИ РАЗВЕДКАМИ, О ПРОИСКАХ СОВЕТСКОЙ АГЕНТУРЫ В ЕВРОПЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.

КНИГА РАССКАЗЫВАЕТ, КАК ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ РАСПРАВЫ НЕОТСТУПНО ПРЕСЛЕДУЕТ КАЖДОГО СОВЕТСКОГО ПЕРЕБЕЖЧИКА. РАНО ИЛИ ПОЗДНО РУКА СОВЕТСКОЙ ПОЛИЦИИ НАСТИГАЕТ ОДНИХ, И ПЕРЕД ВЕЧНОЙ УГРОЗОЙ РАСПРАВЫ ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ ЖИЗНИ ЖИВУТ ДРУГИЕ.

ГОРДОН БРУК-ШЕФЕРД - ИЗВЕСТНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ПУБЛИЦИСТ - ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЮ ДО СИХ ПОР НЕИЗВЕСТНУЮ, УНИКАЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ, СОБРАННУЮ ИМ ВО МНОГИХ СТРАНАХ МИРА ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ НАД КНИГОЙ.

КНИГА ПЕРЕЖИЛА НЕСКОЛЬКО ИЗДАНИЙ, ПЕРЕВЕДЕНА НА МНОГИЕ ЯЗЫКИ МИРА

Цена книги - 15 долларов.
Заказы и чеки высылать по адресу:

"TIME AND WE", 409 HIGHWOOD AVENUE
LEONIA, NJ 07605, USA
Tel.: (201)592-6155

ЖУРНАЛ "ВРЕМЯ И МЫ" — 1987

УСТАНОВЛЕННЫ СЛЕДУЮЩИЕ УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Стоимость годовой подписки в США — 48 долларов; с целью экономической поддержки редакции — 55 долларов; для библиотек — 69 долларов. Заказы и чеки высылать по адресу:

"TIME AND WE"

409 Highwood Ave, Leonia, NJ 07605. USA. Tel: (201) 592 6155

Цена в розничной продаже - 12 долларов

Стоимость подписки в Израиле устанавливается израильским отделением журнала "Время и мы". Заказы и чеки высылать по адресу отделения: Иерусалим, Талпиот Мизрах, 422/6 (зав. отделением Дора Штурман-Тиктина).

Подписка из Франции, Германии и других стран мира может осуществляться как через главную редакцию в Нью-Йорке, так и через представителей журнала.

При подписке в главной редакции чеки высылаются только в американских долларах (т.е. это должны быть чеки американских банков или иностранных банков, имеющих в Нью-Йорке отделения).

При подписке через представителей журнала (или его отделения) стоимость подписки:

— во Франции — 450 франков; для библиотек — 650; с целью экономической поддержки журнала — 650 франков;

— в Германии — 150 немецких марок; для библиотек — 200; с целью экономической поддержки журнала — 200 марок.

Подписка авиапочтой — 96 долларов.

ЖУРНАЛ "ВРЕМЯ И МЫ" — 1987

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Фамилия . . . . .

Имя . . . . .

Адрес . . . . .

Подписной период . . . . .

Прошу оформить подписку на журнал "Время и мы" на . . . . . год. Высылать с номера . . . . .
Журнал высылать обычной /авиа/ почтой по адресу

Подпись. . . . .

Примечание редакции: чек выписывается по-английски на имя журнала "Время и мы" /Time and We/.

Из Германии, Англии, Франции и других стран чеки могут высылаться либо непосредственно по адресу главной редакции, либо в адрес представителей журнала

Подписка оплачивается в американских долларах чеками американских банков и иностранных банков, имеющих отделения в США. и высылается по адресу. "Time and We"

409 HIGHWOOD AVENUE, LEONIA, N J 07605, USA

TEL: (201) 592 6155

Отвергнутые рукописи не возвращаются и по их поводу редакция в переписку не вступает.

MAIN OFFICE: 409 Highwood Ave, Leonia, NJ 07605. USA
Tel: (201) 592 6155

Набор на композере Аллы Маневич.

OCR и вычитка — Давид Титиевский, июнь 2011 г.
Библиотека Александра Белоусенко

На первой странице обложки:
коллаж Вагрича Бахчаняна "Письмо Горбачеву"

На четвертой странице обложки:
скульптура Юрия Красного "Ника"

